

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 Том 4 № 4

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курyleв Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курyleв Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассе Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россоотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада.

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследования Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2021 г., следующий:

№ 5 2021	Номер не тематический	До 15 июня 2021 г.
№ 6 2021	Влияние пандемии COVID-19 на развитие государств постсоветского пространства	До 1 июля 2021 г.
№ 7 2021	Номер не тематический	До 1 октября 2021 г.
№ 8 2021	Экологические проблемы на постсоветском пространстве	До 1 декабря 2021 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

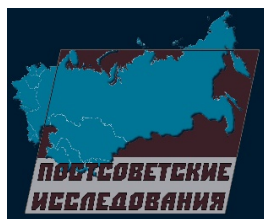
Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2021

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2021 VOLUME 4 No. 4

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

№ 5 2021	Non-thematic issue	Until June 15, 2021
№ 6 2021	Impact of the COVID-19 pandemic on the development of the Post-Soviet states	Until July 1, 2021
№ 7 2021	Non-thematic issue	Until October 1, 2021
№ 8 2021	Environmental problems in the Post-Soviet area	Until December 1, 2021

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

ПОЛИТИКА КИТАЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

- Майтдинова Г.М.** Таджикско-китайские отношения в условиях формирования полицентричного мира.....255
- Комилова Х.** Китай во внешнеполитическом процессе Таджикистана в начале XXI в.....265
- Парамонов В.В.** Политика Китая в Центральной Азии и китайско-центральноазиатские двусторонние отношения в сфере безопасности: взгляд из Узбекистана.....274
- Абубакирова Д.Б.** Интересы Китая в Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс - один путь»285
- Соломатина А.Р.** Цифровой шёлковый путь, как составляющая инициативы «Один пояс – Один путь».....296
- Чжан Хунюань** Сопряжение ЕАЭС и АСЕАН: роль Китая как связующего звена.....308

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

- Мацулевич Е.В.** Российско-белорусское сотрудничество в контексте эволюции евроатлантического направления внешней политики Республики Беларусь во второй половине 1990 х гг.....318
- Зубов И.А.** Сотрудничество между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в сфере ядерной энергетики.....326

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

- Рахимов М.А.** Историческая взаимосвязанность и современные тенденции региональных отношений в Центральной Азии.....333

ПРОБА ПЕРА

- Джумадурдыев К.** Энергетический фактор в китайско-туркменских отношениях....343

Contents

THEMATIC DOSSIER:

CHINA'S POLICY IN THE CIS

- Maitdinova G.** Bilateral Tajik-Chinese relations in the policentric world formation.....255
- Komilova Kh.** China in Tajikistan's foreign policy process at the beginning of the 21st century.....265
- Paramomv V.** China's policy in Central Asia and China-Central Asia bilateral relations in security sphere: a look from Uzbekistan.....274
- Abubakirova D.** China's interests in Central Asia in the framework of the Belt and Road initiative.....285
- Solomatina A.** Digital Silk Road as a component of the «Belt and Road initiative».....296
- Zhang Hongyuan** Integration of the EAEU and ASEAN: China's role as a link.....308

FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

- Matsulevich E.** Russian-Belarusian cooperation in the context of the evolution of the Euro-Atlantic direction of the foreign policy of the Republic of Belarus in the second half of the 1990s.....318
- Zubov I.** Cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation in the field of nuclear energy.....326

HISTORICAL MEMORY

- Rakhimov M.** Historical interconnectedness and current trends in regional relations in Central Asia333

FIRST STEPS

- Dzhumadurdye K.** Energy factor in China-Turkmenistan relations.....343

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
ПОЛИТИКА КИТАЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Научная статья / Research article

**Таджикско-китайские отношения в условиях формирования
полицентричного мира**

Г. М. Майтдинова

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>, guzel-maitdinova@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ таджикско-китайских отношений в условиях формирования полицентричного мира. В исследовании рассмотрены проблемы таджикско-китайского взаимодействия в области экономики, культуры, а также векторы сотрудничества Таджикистана и Китая в двустороннем и многостороннем форматах по обеспечению безопасности в Центральной Евразии в условиях реализации национальной стратегии развития Таджикистана до 2030 года и постпандемического кризиса в мире. В работе проанализированы основные угрозы и вызовы национальной и региональной безопасности и таджикско-китайское взаимодействие в афганском векторе. В данном контексте рассмотрена проблема модернизации системы региональной безопасности, а также акцентировано внимание на рассмотрении проблемы формирования новых форматов взаимодействия (С5+Россия-Китай-США) по поддержанию стабильности в Центральной Евразии.

Ключевые слова: Китай, таджикско-китайские отношения, формат взаимодействия, безопасность, система безопасности, полицентричный мир, геополитическая динамика, национальная стратегия, политика безопасности, региональная стабильность, интеграция, международное сотрудничество.

Для цитирования: Майтдинова Г.М. Таджикско-китайские отношения в условиях формирования полицентричного мира. Постсоветские исследования. 2021;4(4):255–264.

Bilateral Tajik-Chinese relations in the poliocentric world formation

Guzel Maitdinova

Russian-Tajik (Slavic) University (RTSU), Dushanbe Republic of Tajikistan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>, guzel-maitdinova@mail.ru

Abstract. The research paper analyses the Tajik-Chinese relations in terms of the formation of the polycentric world. The problems of the Tajik-Chinese interaction in the field of economics, culture, as well as the vectors of cooperation between Tajikistan and China in bilateral and multilateral formats on providing security in Central Eurasia within the implementation of the National Development Strategy of Tajikistan-2030 and the post-pandemic world crisis, are examined in the research. The main risks and challenges of the national and regional security and the Tajik-Chinese interaction in the Afghanistan vector are analyzed as well. The issue of modernization of the regional security system is examined in this context, as well as the focus on the issue of formation of the new interaction formats (C5+Russia-China-USA) on stability support in Central Eurasia.

Keywords: China, the Tajik-Chinese Relations, interaction format, security, security system, polycentric world, geopolitical dynamics, the National Strategy, security policy, regional stability, integration, international cooperation.

For citation: Maitdinova G. Tajik-Chinese relations in formation of the polycentric world. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(4):255–264. (In Russ.)

В геополитических процессах Центральной Евразии в условиях формирования полицентричного мира все большую роль играет китайский фактор. Одним из приоритетов геополитики Таджикистана является китайский вектор. Таджикистан сотрудничает с Китаем в области политики, экономики, безопасности, культуры. В начале третьего десятилетия XXI в. отношения Республики Таджикистан (РТ) и Китайской Народной Республики (КНР) претерпевают важные изменения. Новый этап взаимодействия двух государств характеризуется экономической кооперацией- сопряжением Национальной стратегии развития Таджикистана-2030 и китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), а также повышением уровня политического, экономического, военного, культурного взаимодействия¹. Таджикистан рассматривает ОПОП как «возможность для решения задачи взаимного экономического роста». Таджикистан намерен стать «связующим мостом» между Китаем и сопредельными государствами региона, а также привлечь дополнительные источники финансирования для реализации своей коммуникационной геостратегии и в экономические проекты страны для реализации четвертой национальной стратегии- вторичной индустриализации страны для становления индустриально-аграрной страной.²

Таджикско-китайские дипломатические отношения были установлены 4 января 1992 г. Международно-правовые основа двустороннего взаимодействия составляют более двух сотен договоров и соглашений в различных областях. Основными документами, регулирующие двусторонние отношения, являются: Совместная декларация об основных принципах

¹ Попов Д.С. Таджикско-китайские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы // <https://riss.ru/article/4689/>

² Выступление Президенте РТ Эмомали Рахмона на "Диалоге по вопросам укрепления партнёрства в области взаимно- связанности" в рамках саммита АТЭС // Президент Республики Таджикистан. Офиц. сайт. 2014. 8 ноября. URL: <http://www.president.tj/ru/node/7860> .

Майтдинова Г.М. Таджикско-китайские отношения в условиях формирования полицентричного мира

сотрудничества между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой (Пекин, 9 марта 1993 г.); Соглашение о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве (Пекин, 15 января 2007 г.); Совместная декларация глав государств Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики об установлении отношений стратегического партнерства (Пекин, 20.05.2013 г.). Только в сентябре 2015 года был подписан ряд документов: Меморандум о взаимопонимании между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Китайской Народной Республики о разработке Программы сотрудничества; Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Китайской Народной Республики о техническом и экономическом сотрудничестве; Программа культурного обмена Министерство культуры Республики Таджикистан и Министерство культуры Китайской Народной Республики. Республика Таджикистан и Китайская Народная Республика подписали ряд соглашений в области образования: Соглашение между Министерством образования Республики Таджикистан и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в области образования (1 февраля 2002 г.); Дополнительный протокол к Соглашению между Министерством образования Таджикистана и Китай по сотрудничеству в области образования (15 января 2007 г.). В двусторонних отношениях важную роль играет Межправительственная комиссия по сотрудничеству между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой, проводя ежегодные встречи в Душанбе и Пекине.³

С 2013 г. начинается новый этап сотрудничества Таджикистана и Китая. 20 мая 2013 г. два государства подписали Совместную декларацию об установлении отношений стратегического партнёрства. Наряду с Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РТ и КНР от 15 января 2007 г. Декларация стала

³ Отношения между Таджикистаном и Китаем // <https://tajikembassychina.org/istoriya-i-perspektivy/>

основой международно-правовой базы современного китайско-таджикского взаимодействия, куда входит в общей сложности более 200 межгосударственных и межправительственных соглашений¹.

Огромную поддержку оказал Китай Таджикистану в условиях становления таджикской государственности и постконфликтного развития страны. По многим актуальным проблемам международных отношений Таджикистан и Китай занимают согласованные позиции. Таджикско-китайское взаимодействие отчетливо проявляется в таких сферах, как глобальное регулирование интернета, борьба с киберпреступностью, реформирование международных финансовых институтов и расширение в них прав развивающихся стран. Таджикистан и Китай тесно сотрудничают в рамках глобальных организаций (ООН, ВТО) и в ШОС.

На XII съезде КПК (1982 г.) прозвучал основополагающий вывод о необходимости во внешней политике отдавать Китаю приоритет национальным интересам. Именно эти идеи, которым руководствуются и в настоящее время, позволили начать модернизацию внешнеполитического поведения современного Китая на мировой арене. КНР строит отношения с пятью новыми государствами Центральной Евразии исходя из трех потребностей: в энергоносителях, рынках сбыта и стабильности региона [Серебрякова 2011: 71].

В Центральной Евразии Китай проявляет осторожный прагматичный стратегический подход, с учетом того, что основные его внешнеполитические проблемы в настоящее время носят глобальный характер. Тем не менее, интересы Китая в регионе четко обозначены: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; обеспечение безопасности в пограничных районах; поддержание стабильности в регионе; содействие экономическому развитию;

обеспечение дружественных отношений стран региона к Китаю; недопущение монопольного контроля над Центральной Евразией государств, враждебных к Китаю; недопущение создания в регионе военных союзов, направленных против Китая; обеспечение открытости для Китая энергетических ресурсов региона. Данные региональные интересы Китая проецируются в какой-то мере на современные таджикско-китайские отношения.

Китай в настоящее время более активно, чем в 1990-е гг., вовлекается в политическое и экономическое сотрудничество с государствами Центральной Евразии в двустороннем формате, в рамках ШОС и всегда с учетом интересов своего стратегического партнера – России. Для Китая сотрудничество с Россией в Центральной Евразии важно и в плане сдерживания политики США в регионе, учитывая, что в американской концепции национальной безопасности 2018 г. Китай и Россия объявлены стратегическими соперниками. Если в конце XX в. Центральная Евразия для Китая была важна в контексте обеспечения безопасности в Синьцзяне и интересы здесь были периферийными, то XXI в. китайские интересы в центральноевразийском регионе трансформируются в важные для реализации интересов безопасности своего Западного края, своих энергетических и ресурсных интересов [Майтдинова 2011: 221-222]. Центральноевразийский регион является еще одним вектором реализации китайской инициативы «Один пояс-один путь».

За последние 35 лет Китай превратился в один из наиболее влиятельных мировых держав, создав собственную модель развития. Китай выполнил задачу по созданию общества среднего достатка и искоренил крайнюю бедность в полутора миллиардной стране. Как известно, Китай стал второй экономикой мира еще в 2007 г., отодвинув Японию, занимавшую данное место в течение более четверти века. В настоящее время экономика Китая КНР по уровню достижений приблизилась к США. По итогам 2020 г. Китай

¹ Отношения Таджикистана с Китаем // Министерство иностранных дел Республ. Таджикистан. Офф. сайт. URL: <http://mfa.tj/?l=ru&cat=91&art=21>

единственный из крупных экономик показал рост ВВП на 2%, в 2021 г. МВФ ждет 8% с перспективой, что уже в этом десятилетии КНР обгонит США по номинальному ВВП. К 2025 г. КНР планирует полностью построить материальную базу для того, что Всемирный экономический форум называет «индустриализацией 4.0». Параллельно Пекин, учитывая опыт торговой войны с США, форсирует масштабную программу импортозамещения критически важных технологий¹.

Переломным историческим событием можно обозначить итоги 5-го пленума ЦК КПК 19-го созыва, итоги которого отразятся на геополитической динамике Центральной Евразии. 26-29 октября 2020 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва Китай утвердил доктрину «двойной циркуляции» в качестве повестки экономического плана на 2021–2025 гг., ориентированный теперь на модель китайской экономики спроса — внешний и внутренний, не закрываясь от внешнего мира, переориентировать экономику на внутренний рынок. В планах нет количественных показателей производства. План дает ориентир того, развитие каких отраслей является приоритетным, какие проблемы нужно ставить во главе угла, а какие можно отложить на второй план. В пятилетке выдвигаются две главные задачи — повышение роли внутреннего спроса и ускорение работы по импортозамещению в ключевых технологиях, где Запад вводит ограничения для Китая.² Политика Китая по созданию новой модели развития «двойной циркуляции», ориентированной на внутреннюю циркуляцию при одновременном содействии дополняющих друг друга внутренних и международных двойных циркуляцией не является замкнутым внутренним циклом, а

представляет собой проекцию регионального китайского на глобальные процессы. Китай, расширяя свои интересы, делая китайский рынок мировым рынком, будет углублять глобализационные процессы, но уже по китайским правилам. Примечательно, что в условиях пандемии уже в третьем квартале 2020 г. китайский ВВП, согласно представленным 19 октября 2020 г. данным Государственного статистического управления КНР, увеличился на 4,9% (за тот же период 2019 г. ВВП прибавил 6%).³

Исходя из новых приоритетов, в Центральной Евразии Китай будет проводить ту внешнюю политику, которая будет максимально содействовать реализации новой китайской модели развития страны - «двойной циркуляции» и общей стабильности граничащего с Китаем региона. Китай вступает в новый этап экономического взаимодействия с центральноевразийским регионом, открывая свой рынок для стран Центральной Евразии. Стратегия Пекина состоит из двух частей: он предлагает доступ к своему рынку с его 1,4 млрд потребителей, и одновременно финансирует ориентированные на экспорт предприятия, заинтересованные в выходе на этот высококонкурентный рынок. Центральноевразийским государствам не обязательно доминировать на китайском рынке, так как даже небольшая доля в нескольких секторах принесет внушительные дивиденды. Данная китайская стратегия направлена не только для того, чтобы сделать регион более экономически стабильным, создать возможности инвестиций для китайских компаний, но и в большей степени для большего усиления политического влияния Китая. У экспертов есть опасения, что, выходя на китайский рынок, страны Центральной Евразии получают не только

¹ Габуев А. Вирус тревоги нашей. О новой экономической реальности Китая // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1612592640>

² Скосырев В. В новом пятилетнем плане Китай поощряется с командной экономикой // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1603747560>

³ Поляков О. Новый курс товарища Си: экономика Китая готовится к новому «чуду» // <https://eadaaily.com/ru/news/2020/10/21/novyy-kurs-tovarishcha-si-ekonomika-kitaya-gotovitsya-k-novomu-chudu?fbclid=IwAR3cST6MPEe9bTAIBX60HY43lnpwYzRtMwiRcuom9KVakbrU4-RoAfM4Eg>

возможность зарабатывать валюту и создавать дополнительные рабочие места, но и дают Китаю в будущем мощные рычаги воздействия на государства региона при блокировке китайских рынков.¹

Между тем, Китай вносит значительный вклад в реализацию Национальной стратегии развития Таджикистана до 2030 г. Еще в ноябре 2014 г. Президент Таджикистана Э. Рахмон на саммите АТЭС в Пекине публично сформулировал позицию Душанбе по отношению к китайской инициативе «Один пояс-один путь». В своем выступлении Президент РТ подчеркнул, что Таджикистан рассматривает инициативу ОПОП как «возможность для решения задачи взаимного экономического роста» и, что таджикское государство надеется сыграть роль «связующего моста» между Китаем и сопредельными странами и привлечь дополнительные источники финансирования в свои инфраструктурные проекты.² В июне 2019 г. в совместном заявлении главы государств Таджикистана и КНР подчеркнули, что оба государства стремятся к укреплению дружбы и созданию Сообщества единой судьбы человечества, а также будут содействовать углублению сопряжения инициативы «Один пояс и один путь» и Национальной стратегией развития Таджикистана до 2030 г.³ Для Таджикистана важна помощь Китая для реализации ряда стратегических задач в сфере строительства коммуникаций, в строительстве энергетических объектов и в создании индустриально-аграрной экономики. За счет китайских денег идет модернизация в

Таджикистане многих промышленных объектов. Из 330 млн долл. прямых инвестиций, привлечённых в Таджикистан в 2018 г., около 70–80 % поступило из КНР.⁴ Всего в стране действуют около 200 компаний из Китая и 70 предприятий с его участием, которые осуществляют свыше 50 инвестпроектов.⁵

С каждым годом повышается уровень таджикско-китайского гуманитарного сотрудничества. В настоящее время в вузах КНР обучаются свыше 3 тыс. таджикских студентов. Китай ежегодно увеличивает для Таджикистана число бесплатных квот (с 300 в 2018 до 350 в 2019 г.).⁶ В октябре 2018 г. правительство КНР выделило 800 тыс. долл. на строительство для Института Конфуция отдельного здания, строительство которой в настоящее время завершается в Душанбе. Второй центр работает с августа 2015 г. в Горно-металлургическом институте РТ (г. Чкаловск Согдийской области). За время существования центров Конфуция в Таджикистане число учащихся в них выросло с 200 до 4 тыс. чел.⁷ Таджикистан и Китай также проводят на постоянной основе совместные культурные

¹ Eurasianet: Китай приоткрывает свой рынок для центральноазиатских экспортёров // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1611649680>

² Выступление Президенте РТ Эмомали Рахмона на "Диалоге по вопросам укрепления партнёрства в области взаимно- связанности" в рамках саммита АТЭС // Президент Республики Таджикистан. Офиц. сайт. 2014. 8 ноября. URL: <http://www.president.tj/ru/node/7860>.

³ Посол Китая в Таджикистане – о пандемии, безопасности и таджикско-китайском сотрудничестве // <http://www.toptj.com/News/2020/10/23/posol-kitaya-v-tadzhikistane-%E2%80%93-o-pandemii-bezopasnosti-i-tadzhiksko-kitayskom-sotrudniche>

⁴ Статистика иностранных инвестиций в 2018 г. // Государственный комитет по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан. 2019. Май. URL: <http://investcom.tj/ru/invest/investicionnaja-deyatelnost/107-statistika-inostran-nyh-investicij.html>; Таджикистан: Докл. об экономике 2018. Осенний вып. // Всемирный банк. Офиц. сайт. 2018. Декабрь. С. 7. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/817421547182498715/Tajikistan-CEU-Fall-2018-FINAL-Rus.pdf>.

⁵ Чоршанбиев П. Китай создаст в Таджикистане крупные предприятия с полным производственным циклом // ASIA-Plus. 2018. 30 октября. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20181030/kitaj-sozdast-v-tadzhikistane-krupnie-predpriyatiya-s-polnim-proizvodstvennim-tsiklom>

⁶ Китай увеличил квоты для обучения таджикских студентов в ВУЗах КНР // Avesta. 2018. 25 июля. URL: <http://avesta.tj/2018/07/25/kitaj-velichil-kvoty-dlya-obu-cheniya-tadzhikskih-studentov-v-vuzah-krnr/>

⁷ В Душанбе началось строительство нового учебного здания Института Конфуция при ТНУ // Avesta. 2018. 1 октября. URL: <http://avesta.tj/2018/10/01/v-dushan-be-nachalos-stroitelstvo-novogo-uchebnogo-zdaniya-instituta-konfutsiya-pri-tnu/>

мероприятия – концерты, выставки, фестивали. В Национальной библиотеке Таджикистана действует уголок культуры Китая. Развивается сотрудничество между экспертными и научными организациями двух стран.

Китайская сторона активно вовлечена в реализацию коммуникационной стратегии Таджикистана. Китай активно включился в работу по модернизации таджикских автомобильных дорог, в частности транспортного коридора Душанбе – Куляб – Хорог – Мургаб – Кульма, который связывает восточный и центральный Таджикистан с СУАР КНР и является одним из главных каналов доставки китайских товаров в РТ. Реабилитация трассы осуществляется в несколько этапов. В рамках первой фазы программы (2006–2013 гг.) китайские подрядчики за счёт кредитных ресурсов банков КНР отремонтировали участок Душанбе – Вахдат – Дангара и возвели тоннели «Озоди» и «Хатлон». Объекты улучшили связь между столицей Таджикистана и его густонаселённым югом, а их стоимость превысила 155 млн долл.¹ В настоящее время Душанбе ведёт переговоры о присоединении КНР ко второй, более дорогостоящей фазе программы. Она предполагает реконструкцию Памирского тракта между Хатлонской областью и ГБАО и, по оценкам Министерства транспорта РТ, потребует не менее 1 млрд долл.²

Важным для Таджикистана является проект Основной железнодорожной линии

Китай – Киргизия – Таджикистан – Афганистан – Иран, согласованный в конце 2014 г. В августе 2016 г. Китайская корпорация железнодорожных конструкций ввела в строй участок железной дороги Вахдат – Яван протяжённостью 46 км и стоимостью 72 млн долл.³ Соответствующий кредит выделил Экспортно-импортный банк КНР. Участок связал Душанбе с Курган-Тюбе (с 2018 г. – г. Бохтар) и тем самым облегчил перевозки между предприятиями, входящими в республиканский промышленный комплекс по производству алюминия. Данную железнодорожную линию можно рассматривать в качестве составной части проекта железной дороги из Китая в Афганистан.

Китай заметно инвестирует в прокладку в Таджикистане электросети. Корпорация ТВЕА смонтировала ЛЭП «Юг – Север» (500 кВ), «Лолазор – Хатлон» (220 кВ) и «Худжанд – Айни» (220 кВ), которые объединили энергетические системы центрального и северного Таджикистана. Китайские вложения в эти объекты составили около 380 млн долл.⁴ В ноябре 2018 г. ТВЕА сдала ЛЭП 500 кВ между Душанбе и строящейся Рогунской ГЭС стоимостью 79 млн долл.⁴ Китай также развивает с Таджикистаном авиасообщение и электронные коммуникации. Выполняются регулярные рейсы по направлениям Душанбе – Урумчи и Душанбе – Пекин, которые используются для перевозки пассажиров и доставки скоропортящихся товаров. Китайские операторы расширяют оптико-волоконные каналы, соединяющие центрально-азиатскую республику с дата-центрами в

¹ Чоршанбиев П. Тоннель "Чормагзак" переименовали в "Хатлон", а тоннель "Шар- Шар" – в "Озоди" // ASIA-Plus. 2014. 12 февраля. URL: <http://news.tj/ru/news/tonnel-chormagzak-pereimenovali-v-khatlon-tonnel-shar-shar-v-ozodi>; Автотрасса Душанбе – Дангара будет сдана в эксплуатацию к концу года // Avesta. 2012. 17 августа. URL: <http://avesta.tj/2012/08/17/avtotrassa-dushanbe-dangara-budet-sdana-v-ekspluatatsiyu-k-kontsu-goda/> (дата обращения: 04.05.2019).

² Чоршанбиев П. Почти три миллиарда долларов. Столько нужно, чтобы дороги в Таджикистане стали идеальными // ASIA-Plus. 2018. 11 июля. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20180611/pochti-tri-milliarda-dollarov-stolko-nuzhno-chtobi-dorogi-v-tadzhikistane-stali-idealnimi>

³ Быть или не быть железной дороге Китай–Иран через Таджикистан // Sputnik Таджикистан. 2019. 30 января. URL:

<https://tj.sputniknews.ru/country/20190130/1028130232/zheleznaya-doroga-china-iran-tajikistan.html>

⁴ Таджикистан вернёт Китаю кредит за ЛЭП "Рогун – Душанбе" через 25 лет // Sputnik Таджикистан. 2019. 29 марта. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20190329/1028576284/Tajikistan-china-rogun-lep-kredit.html>

СУАР, и поставляют в РТ телекоммуникационное оборудование¹.

По данным Таможенной службы Таджикистана, в 2018 г. объём торговли страны с КНР составил 651 млн долл. – третий показатель после РФ (1 млрд) и Казахстана (836 млн)². Согласно Программе торгово-экономического сотрудничества РТ и КНР, утверждённой в сентябре 2014 г., он должен достичь 3 млрд долл. к 2020 г.³ С этой целью Таджикистан и Китай взаимодействуют в рамках Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, проводят совместные выставки и бизнес-форумы, углубляют контакты министерств экономического блока, торговых палат и бизнес-ассоциаций, совершенствуют нормативно-правовую базу. Однако серьёзно затрудняет взаимодействие двух стран низкое качество инфраструктуры в Таджикистане. Таджикистан намерен получить доступ на внутренний рынок Китая экологически чистой таджикской сельхозпродукции (фруктов, овощей, орехов, хлопка).

Основной интерес у китайского бизнеса вызывает сфера добычи полезных ископаемых, и прежде всего драгоценных металлов. Главным производителем золота в государстве является совместное таджикско-китайское СП «Зарафшон», 75 % акций которого принадлежат китайской Zijin Mining Group. В 2018 г. на него пришлось 70 % из рекордных 6,4 т золота,

добытых в РТ.⁴ Корпорации из КНР также занимаются производством серебра, угля, свинца, цинка и меди (Зарнисорский горно-обогатительный комбинат), ведут геологоразведку, в том числе нефти и газа на юге страны (участок Бохтар). Во многих случаях свои активы китайские корпорации выкупили у западных инвесторов. Структуры из КНР участвуют в модернизации таджикского алюминиевого гиганта ТАЛКО, строят малые нефтеперерабатывающие заводы, арендуют земельные участки для выращивания сельхозпродукции.⁵

За последние годы Китай создал в Таджикистане новую отрасль – производство цемента. Его выпуск растёт высокими темпами и по итогам 2018 г. составил 3,8 млн т. Около 85 % этого объёма обеспечивают таджикско-китайские совместные предприятия. Часть стройматериалов они успешно экспортируют в Узбекистан, Афганистан и Кыргызстан.⁶

На современном этапе таджикско-китайских отношений страны наращивают взаимодействие с оборонными, правоохранительными и специальными ведомствами.

Китай значительно расширил помощь пограничным войскам Таджикистана. В октябре 2016 г. было подписано межправительственное соглашение о выделении китайского гранта на модернизацию пограничной инфраструктуры республики в сопредельных с Афганистаном районах. В соответствии с договоренностями,

¹ Попов Д.С. Таджикско-китайские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы // <https://riss.ru/article/4689/>

² Объём внешнеторгового оборота Таджикистана в 2018 году вырос на 6,3 % // Новости Таджикистана и мира. 2019. 16 января. URL: <https://novosti.tj/novosti-tadzhikistana-obem-vneshnetorgovogo-oborota-tadzhikistana-v-2018-godu-vyiros-na-6-3.html>

³ Выступление на пресс-конференции по итогам таджикско-китайских переговоров на высшем уровне // Президент Республики Таджикистан. Офиц. сайт. 2014. 13 сентября. URL: <http://www.president.tj/ru/node/7481>

⁴ Чоршанбиев П. Золотые слитки Нацбанка Таджикистана за год подорожали на 6 % // ASIA-Plus. 2019. 26 марта. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20190326/zolotie-slitki-natsbanka-tadzhikistana-za-god-podorozhali-na-6>

⁵ Попов Д.С. Таджикско-китайские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы // <https://riss.ru/article/4689/>

⁶ Чоршанбиев П. Таджикистан увеличил годовой объём экспорта цемента до 1,4 млн тонн // ASIA-Plus. 2019. 28 января. URL: <https://news.tj/news/tajikistan/economic/20190128/tadzhikistan-uvlichil-godovoi-obem-eksporta-tsementa-do-14-mln-tonn> (дата обращения: 03.05.2019).

китайской стороной построены три комендантуры, пять пограничных застав и постов, один учебный центр. Специальные службы Таджикистана и Китая координируют совместную работу через Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) ШОС в Ташкенте и сотрудничают напрямую. Они занимаются выявлением каналов финансирования террористов, обеспечивают безопасность зарубежных объектов. В рамках совместной борьбы с наркоугрозой Агентство по контролю за наркотиками РТ (АКН) и Министерство общественной безопасности КНР (МОБ) обмениваются информацией и проводят совместные оперативно-разыскные мероприятия. Китайская сторона оказывает АКН помощь оборудованием, транспортом и подготовкой кадров.¹

Министерство общественной безопасности Китая развивает связи и с МВД Таджикистана. Для контактов с таджикскими коллегами при посольстве КНР в Душанбе находится официальный представитель МОБ. Ведомство безвозмездно снабжает таджикских партнёров полицейским оборудованием, техникой, летней и зимней спецодеждой, участвует в учениях горных и специальных подразделений. Стороны обсуждают строительство нового здания Академии МВД РТ, создание совместного антитеррористического центра в Душанбе и подготовку специалистов по борьбе с киберпреступностью. Наибольшую известность приобрела совместная инициатива таджикских и китайских правоохранителей "Безопасный город": компания Huawei установила в Душанбе 855 видеокамер для фиксации дорожных нарушений общей стоимостью 22 млн долл.²

По данным Министерства обороны РТ,

на вооружении армии республики стоят отдельные образцы китайского производства, а таджикские слушатели проходят краткосрочные курсы в военных учебных заведениях КНР. С 2003 по 2016 гг. таджикские военные подразделения провели 11 военных учений с Народно-освободительной армией Китая (НОАК). Народно-освободительная армия Китая оказывает Минобороны Таджикистана материально-техническую помощь (китайские броневые автомобили и патрульные машины). В мае 2016 г. в Душанбе открылся Дом офицеров, построенный при финансовой поддержке Китая, выделившего на эти цели грант в размере 19 млн долл.³ Военные ведомства также поддерживают специальные каналы связи, участвуют в совместных военных учениях по линии ШОС и на двусторонней основе. В октябре 2016 г. в антитеррористических учениях ВС Таджикистана и НОАК в Ишкашимском районе ГБАО было задействовано 10 тыс. чел.⁴ Кроме того, в соответствии с Декларацией об установлении отношений стратегического партнёрства 2013 г., оба государства воздерживаются от любых действий, направленных против безопасности друг друга, включая участие во враждебных союзах, заключение договоров или создание на своей территории иностранных военных баз, угрожающих другой стороне.⁵ Еще в 2014 г. было заключено трехстороннее соглашение между Афганистаном, Таджикистаном и Китаем о совместном приграничном патрулировании в районе Ваханского коридора афганской провинции Бадахшан. В 2016 г. КНР

³ Открытие Дома офицеров Министерства обороны Республики Таджикистан // Президент Республики Таджикистан. Офиц. сайт. 2016. 5 мая. URL: <http://www.president.tj/ru/node/11653>

⁴ Совместные таджикско-китайские военные учения: Террористы рвутся в Китай через Таджикистан // Озодагон. 2016. 20 октября. URL: <http://catoday.org/public/centrasia/sovместnye-tadzhiksko-kitayskie-voennye-ucheniya-terroristy-rvutsya-v-kitay-cherez-tadzhikistan>

⁵ Совместная декларация Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики об установлении отношений стратегического партнёрства от 20 мая 2013 г.

¹ Попов Д.С. Таджикско-китайские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы // <https://riss.ru/article/4689/>

² Дан старт проекту "Безопасный город" // Радио "Озоди". 2013. 31 октября. URL: <http://rus.ozodi.org/content/secure-city-starts-dushanbe-25153475.html>

инициировал создание нового формата взаимодействия (Таджикистан, Китай, Пакистан, Афганистан) для поддержания стабильности в приграничных с Афганистаном районах для обмена оперативной информацией. В соответствии с соглашением, подписанным в 2016 году, между правительствами Таджикистана и Китая на таджикско-афганской границе построены пять пограничных застав и постов, учебный центр, три комендатуры при китайской финансовой поддержке.

Между тем, в условиях пандемии все более острыми остаются угрозы национальной безопасности государств Центральной Евразии, исходящие из Афганистана. В этих условиях в регионах Южной и Центральной Азии нужен новый формат системы безопасности, который бы укрепил сотрудничество государств, расположенных по периметру границ Афганистана (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Пакистан, Китай) и государств имеющих приоритетные интересы в афганском государстве (Россия, США, Индия) – формат 6+3 для координации и объединения усилий для принятия превентивных мер от новых вызовов и угроз современности.

В центральноевразийском регионе Россия и Китай тесно взаимодействуют, а с другой стороны, в Центральной Евразии проецируется глобальное американо-китайско-российское противостояние, что негативно сказывается на реализации совместных с центральноевразийскими государствами проектов. В государствах

Центральной Евразии получают определенную выгоду от экономических и гуманитарных связей с КНР, однако, новые акторы региона, исходя из собственных национальных интересов нашли некий баланс отношений между Китаем и Россией как в двустороннем формате, так и в рамках ШОС. В Китае есть понимание того, что существуют приоритетные интересы России в постсоветской Центральной Евразии и в зоне ответственности ОДКБ. Не существует серьезной конкуренции между Россией и Китаем в Центральной Евразии в сфере обеспечения региональной безопасности, так как Поднебесной выгодна система безопасности, созданная в регионе с присутствием России как гаранта сохранения стабильности в беспокойном СУАР КНР. По мере уменьшения вовлеченности США в дела Центральной Евразии, видимо, вышеуказанный баланс интересов будет сохраняться, однако на развитии государств будет негативно сказываться стратегическая конкуренция ведущих центров силы. На наш взгляд, необходим некий канал согласования взаимодействия для поддержания баланса интересов России, Китая и Таджикистана. Как нам видится, нужен трехсторонний формат консультаций по актуальным проблемам развития, разграничения интересов, выработки правил сотрудничества в новых условиях по широкому спектру проблем, особенно по вопросам поддержания национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Серебрякова Н.В. Центральноазиатская политика КНР как региональная проекция «Теории гармоничного мира» // Мировые державы в Центральной Азии. М., 2011, с.71.

Майтдинова Г.М. Международное сотрудничество в Центральной Евразии по обеспечению региональной безопасности: противодействие новым угрозам, механизмы, векторы взаимодействия // В сб. материалов Международной конференции «Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и Российской Федерации в новых геополитических реалиях». Душанбе, 9 ноября 2010 г.- Душанбе, 2011, с.221-222.

REFERENCES

Serebryakova N.V. Central'noaziatskaya politika KNR kak regional'naya proekciya «Teorii garmonichnogo mira» // Mirovye derzhavy v Central'noj Azii. M., 2011, s.71.

Majtdinova G.M. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Central'noj Evrazii po obespecheniyu regional'noj bezopasnosti: protivodejstvie novym ugrozam, mekhanizmy, vektory vzaimodejstviya // V sb. materialov Mezhdunarodnoj konferencii «Problemy modernizacii i bezopasnosti gosudarstv

Central'noj Azii i Rossijskoj Federacii v novyh geopoliticheskikh realiyah». Dushanbe, 9 noyabrya 2010 g.- Dushanbe, 2011, s.221-222.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Майтдинова Гузель, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета, директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской Академии архитектуры и строительства. Республика Таджикистан, Душанбе.

Guzel Maitdinova, the Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of the Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian-Tajik (Slavic) University (RTSU), the Head of the Center of Geopolitical Research at RTSU, the Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Urban Planning. Republic of Tajikistan, Dushanbe.

Китай во внешнеполитическом процессе Таджикистана в начале XXI в.**Х. Комилова**

*Российско-Таджикский-Славянский Университет, Душанбе, Республика Таджикистан
ORCID:0000-0002-4583-4813, khosiyat.komilova@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется роль и место Китайской народной республики в орбите внешнеполитических интересов Республики Таджикистан. В исследовании двустороннее взаимоотношения рассматривается через призму ряда факторов, таких как экономический, транспортно-коммуникационный и гуманитарный. Значимость роли КНР для Таджикистана тесно связана с ее стратегическими целями. В статье затрагивается фактор обеспечения безопасности в рамках взаимоотношения двух стран. Приграничный фактор является одним из самых острых во взаимоотношениях в целом Центральной Азии и Таджикистана, в частности. В работе проводится исторический экскурс для целостного анализа ситуации. Взаимоотношения между Пекином и Душанбе развиваются достаточно продуктивно, Китай в основном проводит свою политику посредством укрепления экономических связей. На сегодняшний день между РТ и КНР зарегистрировано свыше 300 совместных таджикско-китайских предприятий. Большинство СП занимаются разведкой, добычей и переработкой горной руды. В научно-образовательной сфере между Пекином и Душанбе также реализуется ряд проектов направленных на интенсификацию научно-культурных связей. Основу таджикско-китайского сотрудничества в сфере образования составляет совместная Декларация об основных принципах взаимоотношений между КНР и РТ. По данным доклада Всекитайского научно-технического общества о развитии людских ресурсов в научно-технической сфере Китай занимает в настоящее время 6-ю строчку в списке стран мира по количеству обучающихся иностранных студентов. Целью данной статьи является определение роли и места КНР во внешней политике РТ, а также проведение анализа основных сфер двустороннего сотрудничества и выявления приоритетных сфер экономического и научно-образовательного спектра.

Ключевые слова: Таджикистан, Китай, концепция, внешняя политика, международные отношения, мировой порядок.

Для цитирования: Комилова Х. Китай во внешнеполитическом процессе Таджикистана в начале XXI в. Постсоветские исследования. 2021;4(4):265–273

China in Tajikistan's foreign policy process at the beginning of the 21st century**Khosiyat Komilova**

*Russian-Tajik-Slavonic University, Dushanbe, Republic of Tajikistan
ORCID:0000-0002-4583-4813, khosiyat.komilova@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the role and place of the People's Republic of China in the orbit of foreign policy interests of the Republic of Tajikistan. The study considers bilateral relations through the lens of several factors, such as economic, transport, communication and humanitarian. The importance of the PRC's role for Tajikistan is closely related to its strategic objectives. The article addresses the security factor in the relationship between the two countries. The border factor is one of the most acute in relations in general in Central Asia and Tajikistan, in particular. The work provides a historical excursion for a holistic analysis of the situation. Relations between Beijing and Dushanbe are developing quite productively, China mainly pursues its policy through strengthening economic ties. To date, over 300 joint Tajik-Chinese enterprises have been registered between Tajikistan and China. Most of the joint ventures are engaged in the exploration, extraction, and processing of mining ore. In the scientific and educational sphere, a few projects aimed at intensifying scientific and cultural ties are also being implemented between Beijing and Dushanbe. The basis of Tajik-Chinese cooperation in the field of education is the joint Declaration on the basic principles of

relations between China and Tajikistan. According to the report of the All-China Scientific and Technical Society on the development of human resources in the scientific and technical field, China currently ranks 6th in the list of countries in the world in terms of the number of foreign students studying. The purpose of this article is to determine the role and place of China in the foreign policy of the Republic of Tajikistan, as well as to analyze the main areas of bilateral cooperation and identify priority areas of the economic and scientific-educational spectrum of relations between the two countries.

Keywords: Tajikistan, China, concept, foreign policy, international relations, world order.

For citation: Komilova Kh. China in Tajikistan's foreign policy process at the beginning of the 21st century. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(4):265–273. (In Russ.)

Введение. Во внешнеполитическом процессе Республики Таджикистан Китайской Народной Республике уделяется особое внимание. Поднебесная заявляется как один из главных и приоритетных векторов внешнеполитического курса страны в азиатском направлении. Спектр взаимоотношений двух стран достаточно обширен и многоаспектен. Сотрудничество затрагивает политическую область, сферу безопасности, военно-техническое, торгово-экономическое и культурное поле. Душанбе не раз заявлял, что между КНР и РТ существует большой потенциал сотрудничества и широкие возможности для развития торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия. В свою очередь Поднебесная также выступает за развитие многоаспектного сотрудничества.

После распада СССР и появления новых независимых государств в Центральной Азии Китай активизировал свою политику в Таджикистане. Академические круги представили несколько вариантов исходных положений и целей активизации внешней политики КНР, а именно Л. Свинтон [Swinton 2008: 114] предполагает, что усиление позиций Пекина в Таджикистане, прежде всего, связано с ослаблением позиций России в регионе после распада СССР. Китай попытался использовать ослабление влияния в России и укрепил свои позиции. Другие ученые, например, такие как Ф. Чанг и Р. Ковальски [Chang 1997: 403] предполагают, что основным побудителем китайских интересов в Таджикистане являются только внутренние интересы, а именно обеспечение безопасности СУАР и возрастающая потребность в нефти и газе, которыми обладает Центрально-Азиатский регион

Китай является стратегическим партнером РТ. В свою очередь важность КНР для внешней политики Душанбе также отражена в Концепции внешней политики. В Концепции подчёркивается, что «укрепление отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества с Китайской Народной Республикой является одной из важнейших задач внешней политики Республики Таджикистан на азиатском направлении. Благодаря воле и усилиям обеих сторон сотрудничество достигло уровня стратегического партнерства и создало благоприятную основу для поступательного наращивания многоаспектного взаимодействия в политической области, сфере безопасности, военно-техническом, торгово-экономическом и культурном направлениях. Взаимоотношения между Пекином и Душанбе развиваются достаточно продуктивно, Китай в основном проводит свою политику посредством укрепления экономических связей. На сегодняшний день между РТ и КНР зарегистрировано свыше 300 совместных таджикско-китайских предприятий. Большинство СП занимаются разведкой, добычей и переработкой горной руды.

Самые большие китайские инвестиции в Таджикистан направлены на транспортную инфраструктуру: строительство дорог, туннелей, мостов и грузовых терминалов. Для всестороннего анализа двусторонних взаимоотношений между государствами необходимо рассмотреть стержневые сферы сотрудничества.

Фактор безопасности – на сегодняшний день Китай и страны ЦА имеют общую границу (3300 км) Соответственно Китай нацелен на обеспечение безопасности по периметру границ. Следует отметить, что приграничный фактор является одним из самых

острых во взаимоотношениях в целом Центральной Азии и Таджикистана, в частности. Для анализа современной ситуации необходимо сделать некий исторический экскурс. Граница Таджикистана с Китаем была установлена еще в период СССР. Следует отметить, что даже в эпоху советского правления между Москвой и Пекином существовали проблемы и противоречия в области демаркации границ. В октябре 1988 г. на советско-китайских переговорах обсуждался вопрос о западной части советско-китайской границы, проходивших от стыка границ СССР, КНР и Монголии до стыка границ СССР, КНР и Афганистана (3145 км.) С КНР граничили три советские Центрально-Азиатские республики - Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В 1994 г. Китай и Казахстан подписали Соглашение о делимитации границы. Переговорный процесс был достаточно сложным и окончательно в 1999 г. КНР и РК подписали Договор о границе, который демаркировал весь периметр границы. Наиболее сложно проходил процесс делимитации и демаркации границ у Кыргызстана и Китая. В 1996 и в 1999 гг. были подписаны два Соглашения о китайско-кыргызской границе (около 9000 км). Киргизия передала Китаю территории соответственно 35 тыс. га и 90 тыс. га. Первое соглашение было ратифицировано киргизским парламентом в 1998 г. Подписание соглашения 1999 г. спровоцировало обострение политической борьбы в стране. Оппозиция обвинила власти в нарушении Конституции. Были попытки импичмента Президента, обжалование Соглашения в Конституционном суде, однако в итоге киргизско-китайское Соглашение было ратифицировано киргизским парламентом в 2002 г. В 2003 г. была завершена демаркация двусторонней границы [Богатуров 2011: 145].

В Таджикистане также были противоречивые настроения в обществе касательно демаркации таджикско-китайской границы. Бывший министр иностранных дел РТ Х. Зарифи назвал двухстороннее Соглашение между КНР и РТ «победой таджикской дипломатии», однако гражданское общество не разделяло эту точку зрения и широко дискутировался вопрос о том, что Таджикистан был вынужден подписать данное Со-

глашение, которое противоречит национальным интересам государства.

Одной из главных задач внешней политики КНР в Центральной Азии является обеспечение безопасности в самой Поднебесной. Проблема уйгурского сепаратизма является весьма актуальной в деле обеспечения национальной безопасности. КНР опасается того, что если в ЦА не будет обеспечена безопасность и стабильность, то она может стать внешней базой для уйгурских сепаратистов. Таким образом, КНР поддерживает государства региона в обеспечении внутренней стабильности и борьбой с современными рисками и вызовами, как терроризм, сепаратизм, религиозный экстремизм и наркотрафик, чтобы эти проблемы не перекинулись на территорию КНР и не стали его внутренними проблемами. Аналитик А.А. Казанцев [Казанцев 2012] в своей работе также не исключает наличия в Центрально-Азиатских странах и Китае сети «спящих» ячеек ИГ и других террористических организаций, занимающихся вербовкой боевиков и подготовкой террористических актов. Необходимо отметить, что с 2008 г. существенно возросло количество терактов (были проведены теракты в Пекине, Гуанчжоу, Куньмине). Для пропаганды радикальных идей они все активнее используют современные интернет-технологии. В регионе усиливается влияние религиозного фактора, идет активное проникновение нетрадиционных течений ислама. Эти тенденции наиболее характерны для социальных низов уйгурского населения Южного Синьцзяна. Взаимоотношения РТ и КНР в рамках обеспечения безопасности строятся в фарватере проблем, существующих в регионе. Помимо приграничного контроля и борьбы против «трех зол» Китай и Таджикистан активно взаимодействуют в сфере борьбы с наркотрафиком и киберпреступностью.

В рамках совместной борьбы с наркоугрозой Агентство по контролю за наркотиками РТ (АКН) и Министерство общественной безопасности КНР (МОБ) обмениваются информацией и проводят совместные оперативно-розыскные мероприятия. Китайская сторона оказывает АКН помощь оборудованием, транспортом и подготовкой кадров [Попов 2019] Одной из актуальных проблем

в рамках двухсторонних отношений также был вопрос таджикских осуждённых в Китае за незаконный оборот наркотиков. В 2015 г. из 16 заключённых таджиков в КНР четверо были приговорены к смерти, пятеро – к пожизненному лишению свободы. В январе 2016 г. казнь одного из них вызвала широкую негативную реакцию таджикской общественности. Проблема была решена в июле 2017 г., когда вступил в силу Договор между РТ и КНР о передаче осуждённых лиц, подписанный в сентябре 2014 г. По соглашению экстрадиция преступников на родину будет осуществляться на средства родственников. Министерство общественной безопасности Китая развивает связи и с МВД Таджикистана. Для контактов с таджикскими коллегами при посольстве КНР в Душанбе находится официальный представитель МОБ [Попов 2019: 90].

Другим аспектом сотрудничества может стать создание альянсов или комитетов для обеспечения безопасности, в частности в 2016 г. в СМИ, а также в научных кругах активно обсуждался вопрос о создании между КНР, РТ, ИРА и ИРП антитеррористической коалиции для усиления борьбы с терроризмом и стабильности в регионе. Данное решение было принято по итогам совещания командующих вооружённых сил четырех государств в китайском городе Урумчи, расположенном в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Совещание прошло под руководством начальника штаба Народно-освободительной армии Китая (НОАК) генерал-полковника Фан Фэнхуэя¹. Представители Таджикистана, Пакистана и Афганистана выразили готовность, что их страны окажут содействие в создании антитеррористического блока. Данное решение вызвало широкое обсуждение в научных кругах всего постсоветского пространства. Многие ученые видели в данном проекте создание военного альянса, который может привести к усилению внешнеполитического влияния КНР в Таджикистане в обход российского фактора. Более того политологи предрекали то, что данный проект может снизить престиж ШОС и

ОДКБ, однако как показало время, данный союз имел целью проведение совместных военных учений, обучение спецслужб, оказание военно-технической помощи и не претендовал на дублирование деятельности ШОС и ОДКБ. В рамках данного проекта в июне 2018 г. в г. Урумчи состоялось очередное заседание группы четырёхстороннего механизма сотрудничества между Афганистаном, Пакистаном, КНР и Таджикистаном по совместной координации борьбы с терроризмом [Холикназар 2019: 391].

На наш взгляд, данная структура может стать дополнительной возможностью для стран Центральной Азии в деле поиска альтернативных транспортных коридоров и использование транзитного потенциала Афганистана. Более того, Ваханский коридор – территория, где соприкасаются границы ядерных государств: Китая, Пакистана, недалеко находится Индия. Данная платформа выгодна для всех заинтересованных сторон, особенно с точки зрения обеспечения безопасности. Следовательно, создание такого рода структур будет иметь положительный эффект в деле борьбы с терроризмом и экстремизмом, а также будет способствовать процессу вовлечения Таджикистана в международную систему безопасности и даст импульс развитию новых транспортных коридоров.

В 2006 г. состоялись совместные китайско-таджикские учения («Взаимодействие 2006»)². До 2019 г. уже проведены три совместных учения на территории Ишкашимского района ГБАО. В них принимали участие ВВС, ПВО и сухопутные войска Вооружённых сил Таджикистана, а также специальная антитеррористическая рота Народно-освободительной армии Китая. Военнослужащие двух стран разрабатывали координацию действий при возникновении угрозы проникновения террористов из Афганистана через Таджикистан в Китай³. Такого же типа учения организованы с участием Казахстана («Тяньшань – I») в 2006 г., а с Таджикистаном и Кыргызстаном («Тянь-

¹ Китай создает антитеррористический альянс с тремя мусульманскими странами. URL: <https://rus.ozodi.org/a/27914356.html>

² Официальный сайт Посольства КНР в РТ. URL: <http://tj.china-embassy.org/rus/sbgx/>

³ Военные учения в ГБАО: изменение китайского подхода в Таджикистане. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30052059.html>

шань – П») в 2011 г. Данные факты свидетельствуют об изменении подходов КНР к Таджикистану. Возможно, КНР уже отходит от своей традиционной ниши (экономической) в формате двухсторонних отношений и также будет отдавать приоритет военному сотрудничеству.

На наш взгляд, в данном ключе КНР столкнется с горизонтами внешней политики России, которая обладает негласным правом обеспечивать безопасность региона ЦА в целом и Таджикистана, в частности. Возможно, в ближайшее десятилетие мы станем свидетелями перестановки сил в регионе, так как китайская экономическая мощь, которая представлена в регионе ЦА и в Таджикистане рано или поздно должна трансформироваться в политико-военную силу. Для Таджикистана очень важно не превратиться в буферную зону между интересами КНР и РФ, для этого необходимо более тесная координация в рамках ШОС, которая на сегодняшний день является структурой, которая сбалансированно и взвешенно учитывает интересы всех ее членов.

Транспортно-коммуникационный.

Ввиду того, что Таджикистан не имеет выхода к морю и к международным портам, выход из транспортного тупика и строительство дорог является приоритетной внешнеполитической задачей. Инвестиционные вливания в транспортную инфраструктуру страны является ключевым фактором в развитии экономики страны. Китайское руководство поддержало позицию Таджикистана в развитии транспортной инфраструктуры республики, инвестиционные вливания Поднебесной в транспортно-коммуникационную сферу были одним из важных достижений таджикской внешней политики. В 2004 г. на перевале Кульма была официально запущена автомагистраль, связывавшая КНР и РТ, а также был открыт контрольно-пропускной пункт. Соглашение о переводе КПП на круглогодичный режим работы и придание ему статуса международного. Данная дорога, являясь одним из главных транспортных узлов, связывающих Таджикистан не только с Китаем, является основной веткой для перевозки грузов из Китая в государства Центральной Азии и Афганистан, а также из регионов ЦА в Ки-

тай и Пакистан. Таджикский дипломат и ученый Р. Алимов в своей статье [Алимов 2015] заявляет о экономической значимости дороги для Таджикистана, так как только за 10 лет (2005-2014 гг.) товарооборот через КПП «Кульма/Карасу» имел положительную динамику роста и с 26 млн долл. в 2005 г. достиг 1580 млн долл. в 2014 г., т.е. вырос более, чем в 60 раз.

Экономический фактор. Одним из самых главных интересов Поднебесной в Центральной Азии являются ресурсы, которые столь необходимы для промышленно-ориентированной экономики страны. Быстрый экономический рост в Китае обусловил также и большую потребность в энергоресурсах для поддержания своего промышленного комплекса. Одним из основных Центрально-Азиатских партнеров Китая в области энергии является Казахстан, который обладает огромными запасами газа. Туркменистан также вовлечен в энергетические отношения с КНР. Взаимоотношения КНР с Кыргызстаном и Таджикистаном имеют иную специфику, и ресурсную базу. Китай продвигает свою политику в регионе преимущественно в целом и конкретно в Таджикистане в виде укрепления своих экономических позиций за счет интенсификации проектно-инвестиционной деятельности и кредитования экономических проектов. В частности, Пекин активно использует политику предоставления странам региона целевых кредитов на льготных условиях. Кредитованием стран региона занимается экспортно-импортный банк КНР (Эскимбанк), а сами кредиты преимущественно осваиваются китайскими компаниями. Ключевым направлением инвестиционно-проектной деятельности стало освоение углеводородных ресурсов. Интенсификация проектно-инвестиционной деятельности ускорила китайско-центрально-азиатскую торговлю. Помимо этого, КНР проявляет активность в формировании новых механизмов межгосударственного экономического взаимодействия в многостороннем формате. В последние годы Китай выступает за развитие экономической составляющей ШОС. Одним из главных индикаторов кардинального роста «экономической составляющей» в центрально-азиатской политике Китая является

значительное увеличение его финансовых ресурсов, направляемых в регион. Если в начале 2000 г. финансовые ресурсы КНР в регионе составляли 1 млрд. долл., то уже в первой декаде 2010 года их объем увеличился в 8 раз [Парамонов 2019].

Торгово-экономические отношения КНР и РТ являются одними из приоритетных сфер стратегического партнёрства. Поднебесная является одним из главных торговых партнёров Таджикистана, на долю которой приходится более трети прямых иностранных инвестиций и импорта страны. Торгово-экономическое сотрудничество между КНР и РТ развивается в различных отраслях: коммуникация, энергетика, транспорт и производственная составляющая. В структуре экспорта и импорта экономического сотрудничества уже выделился ряд векторов. Например, большую долю в экспорте Таджикистана в Китай занимают минеральные продукты, алюминий и изделия из него, хлопок – кожевенное сырье – шелк – черные металлы и изделия из них – медь. Импортируется из КНР в основном машинное оборудование, металлоконструкции, мебель, постельные принадлежности, керамические изделия, механические устройства и их части - аудио- и видеотехника, средства наземного транспорта и запчасти к ним, полимерные материалы, пластмассы и изделия из них¹.

Товарооборот между РТ и КНР в 90-е годы колебался в пределах 6-10 млн. долларов, с начала 2008 года наметился рост в динамике товарооборота и уже в 2016 году товарооборот превысил 885 млн. долларов, в 2017 году наметился некий спад в двухсторонней торговле (данный факт многие экономисты объясняют укреплением таджикско-узбекских отношений) с Китаем, 591 млн. долл. Однако уже в 2018 г. объем китайско-таджикистанского товарооборота составил 1,51 млрд. долл., КНР стала третьим крупнейшим торговым партнером Та-

джикистана². По прогнозам многих экономистов в 2020 г. товарооборот между КНР и РТ должен превысить 3 млрд. долл. Данные факторы свидетельствуют о положительной динамике в двухстороннем формате сотрудничества. Для оптимизации торгово-экономического сотрудничества была создана торгово-экономическая комиссия. В рамках комиссии выработан механизм и платформа для реализации распоряжения комиссии. Между Республикой Таджикистан и Синьцзян-Уйгурским Автономным районом КНР функционирует подкомиссия, целью которой является подъем сотрудничества в приграничных районах на качественно новый уровень. Налажены прочные деловые связи между хозяйствующими субъектами Таджикистана и рядом китайских провинций, как Фуцзянь, Хэйлуцзянь, Сычуань, Хэнань и др., также развиваются побратимские отношения между провинциями, областями, городами, исходя из местных индустриальных структур и их специфики на основе взаимодополняемости.

В рамках Национальной стратегии развития (НСР-2030), которая отвечает Целям устойчивого развития (ЦУР), одобренные 70-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 г. выработаны три сценария развития:

1. инерционный;
2. индустриальный;
3. индустриально-инновационный.

Смысловой задачей данных сценариев является:

- а) целевые установки и реализация национальных приоритетов;
- б) демографические тенденции;
- в) эффективное использование имеющихся ресурсов и возможностей;
- г) инвестиционные возможности;
- д) эффекты интеграции в мировую и региональную экономику.

Данные задачи направлены на развитие промышленного комплекса страны. Индустриальный сценарий направлен на строительство энергетических и инфраструктурных проектов, рациональное использование земельно-водных, энергетических и других

¹ Таджикистан в цифрах/Tajikistan in figures // Ежегодный статистический сборник. Управление оперативной полиграфии ГУ ГВЦ Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2018. С.157.

² Объем китайских инвестиций в Таджикистан превысил \$2 млрд. URL: <http://avesta.tj/2019/06/18/obem-kitajskih-investitsij-v-tadzhikistan-prevysil-2-mlrd/>

ресурсов, а также восстановление существующих и ввод в действие новых производственных мощностей в промышленности и сельском хозяйстве¹.

Для достижения данных целей и задач в 2015 г. было принято решение создать первую промышленную зону «Таджикистан-Китай». Территория промышленной зоны охватит свыше 690 тыс. кв. метров. «Таченская международная компания по ресурсам СУАР» инвестирует более 400 млн. долл. для осуществления данного проекта². На территории промышленной зоны уже построен и сдан в эксплуатацию свинцово – цинковый металлургический комбинат. Необходимо отметить, что строительство комбината было выполнено в установленные даты. В 2014 г. был дан старт строительству и уже в ноябре 2017 г. Президент страны Э. Рахмон официально ввел в эксплуатацию металлургическое предприятие, проектная мощность которого составила 50 тыс. тонн свинца в год³.

В будущем с использованием отходов металлургического предприятия горнопромышленной компании Таджикистана и Китая запланировано строительство новых заводов по производству цемента, аккумуляторов, сульфатной кислоты, минеральных удобрений и запасных частей горнодобывающей промышленности. Строительство промышленной зоны можно считать прорывом в деле укрепления индустриализации страны, однако необходимо правильно распределить доли в проектах и соотношение работников не только как рабочей силы, но

и ввести таджикских менеджеров в управление данных структур, чтобы интересы двух стран были представлены в равном процентном соотношении, так как природные ресурсы – это достояние всех таджикстанцев и интересы народа в рамках данных организаций должны отстаивать представители Таджикистана. Безусловно, укрепление и развитие торгово-экономических отношений между двумя странами служит обоюдным интересам, однако необходимо также учитывать и риски, которые могут сопровождать данное сотрудничество. Увеличение зависимости Таджикистана от более сильного соседа, наращивание импорта товаров, конкурирующих с внутренними производителями, вывоз сырья по невыгодным контрактам, теневилизация экономики. Следовательно, необходимо коллаборация различных структур и ведомств Таджикистана, работающих в китайском направлении. Было бы целесообразно создать комиссию, в которую помимо ведомств и министерств могут войти сотрудники Центра стратегических исследований и представители научно-академических кругов Таджикистана. Целью и задачей данной комиссии может быть анализ проектов и предоставление рекомендаций.

Гуманитарный фактор. Одним из наиболее значимых аспектов гуманитарного сотрудничества двух стран является сотрудничество в сфере образования. Основу таджикско-китайского сотрудничества в сфере образования составляет совместная Декларация об основных принципах взаимоотношений между КНР и РТ. По данным доклада Всекитайского научно-технического общества о развитии людских ресурсов в научно-технической сфере Китай занимает в настоящее время 6-ю строчку в списке стран мира по количеству обучающихся иностранных студентов.

В 1996 г. между Министерством образования РТ и Государственным комитетом по делам образования было подписано Соглашение в сфере образования. Одним из главных итогов данного Соглашения стало выделение государственных стипендий для таджикских студентов для обучения в Китае. Благодаря данному Соглашению, которое действует с 1996 года, тысячи таджикских

¹ Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. URL: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf

² Интервью Посла КНР в РТ. Отношения Китая и Таджикистана служат ярким образцом партнерства. URL: <http://avesta.tj/2018/04/18/yue-bin-otnosheniya-kitaya-i-tadzhikistana-sluzhat-yarkim-obraztsom-partnerstva/>

³ Официальный сайт Главного управления геологии при правительстве РТ. Сдача в эксплуатацию металлургического предприятия горнопромышленной компании Таджикистана и Китая в городе Истиклол. URL: <http://gst.tj/novosti/item/sdacha-v-ekspluatatsiyu-metallurgicheskogo-predpriyatiya-gornopromyshlennoj-kompanii-tadzhikistana-i-kitaya-v-gorode-istiklol-sogdijskoj-oblasti.html>

студентов получили возможность обучаться в КНР, более того количество квот, выделяемых таджикским студентам, увеличивается с каждым годом. По данным Министерства образования и науки РТ¹ в настоящее время в КНР обучаются более 3-х тысяч таджикских студентов.

Китайский язык является на сегодняшний день одним из самых привлекательных изучаемых иностранных языков для таджикской молодежи. Он предоставляет больше возможностей на рынке труда. Язык является мощным инструментом в продвижении политических и экономических интересов. Китайское руководство прекрасно осознает тот факт, что китайский язык в перспективе может стать фундаментом для укрепления своих позиций в регионе ЦА. В 2010 г. в городе Урумчи открылась база государственной категории по распространению китайского языка в Центральной Азии, главные задачи которой заключались в оказании помощи в создании институтов Конфуция, прежде всего в странах-членах Шанхайской организации сотрудничества, а именно издавать новые учебные материалы по китайскому языку, поощрять китайских преподавателей к работе за рубежом и привлекать иностранцев в Китай для изучения китайского языка. Итогом деятельности данной политики стало открытие культурно-образовательного центра Конфуция при Таджикском национальном университете, который был создан в 2009 г. в рамках соглашения ШОС. В Центре обучаются свыше 700 человек. В городе Бустоне Согдийской области открылся второй Институт Конфуция при Горно-металлургическом институте Таджикистана. Изучают китайский язык таджикские студенты и в городах КНР. Центр Конфуция предоставляет курсы китайского языка различного уровня, где таджикская молодежь может изучить китайский язык. По окончании курсов у студентов есть возможность продолжить обучение в университетах Китая.

Вывод. Резюмируя таджикско-китайские отношения, необходимо отметить, что они имеют положительную динамику развития. Таджикистан получает

огромную выгоду от двухстороннего сотрудничества, однако необходимо также учитывать и отрицательные факторы. Таджикистан может стать финансово уязвимым из-за обязательств перед Китаем. Официальные власти Таджикистана отрицают такого рода опасность, например, министр финансов Таджикистана подчёркивает, что Таджикистан заинтересован в льготных кредитах. «Китай является крупнейшим инвестором Таджикистана. Безусловно. Однако все же необходимо диверсифицировать финансовые вливания в экономику страны. Большинство кредитов КНР Таджикистану так или иначе связаны с горнорудной промышленностью, и в Пекине не спешат предоставить средства для развития отраслей, которые могут обеспечить работой население Таджикистана». «Привязанная помощь», которую оказывает КНР РТ, означает, что деньги из Китая поступают в пакетах, которые связаны с интересами китайских фирм. Льготные кредиты на проекты в области инфраструктуры и технической помощи предусматривают, что не менее половины материалов, оборудования, технологий и услуг, закупаемых по контракту, должны поступать из Китая. Другим ключевым условием предоставления льготных кредитов является участие китайских компаний, что позволяет связанным с государством предприятиям Китая расширяться за рубежом, получая зарубежные контракты и ресурсы. Многие считают, что эта политика призвана позволить китайским компаниям конкурировать со своими западными коллегами, которые уже установили господство на многих зарубежных рынках. Учитывая «условия и сложности» китайских инвестиционных пакетов, китайская «привязанная помощь» затрудняет конкуренцию другим.

¹ Официальный сайт Министерства образования и науки Республики Таджикистан. URL: www.maorif.tj

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Swinton L and Kerr D.* China, Xinjiang and transnational security of Central Asia // *Critical Asian Studies*. 2008. №41(1). P.113-142.
- Chang F.K.* China's Central Asia power and problems. *Orbis*, 1997. №41(3). P.401-425.
- Алимов Р.К.* О роли Китая в выходе Таджикистана из транспортного тупика // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. №20.
- Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г.* и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учеб. пособие для студентов вузов / - М.: Аспект Пресс, 2011. - 549 с.
- Казанцев А.А.* Куда идет Центральная Азия: меняющиеся роли глобальных игроков в перспективе до 2020 г // *ПОЛИТЭКС*. 2012. №1.
- Попов Д.* Таджикско-китайские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2019. №4 (55). С.87-105.
- Парамонов В.* Этапы экономической политики Китая в Центральной Азии / В.Парамонов, А.Строков, О. Столповский // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. №1. С.120-130.
- Холикназар Х.* Таджикистан и Китай: от исторической дружбы к стратегическому партнерству / Центр стратегических исследований. Душанбе Эр-Граф, 2019. 391 с.

REFERENCES

- Swinton L and Kerr D.* China, Xinjiang and transnational security of Central Asia // *Critical Asian Studies*. 2008. №41(1). P.113-142.
- Chang F.K.* China's Central Asia power and problems. *Orbis*, 1997. №41(3). P.401-425.
- Alimov R.K.* O roli Kitaya v vyhode Tadzhiqistana iz transportnogo tupika // *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*.2015 №20
- Bogaturov A.D., Dundich A.S., Korgun V.G.* i dr.; отв. red. A.D. Bogaturov. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Central'noj Azii: sobytiya i dokumenty: ucheb. posobie dlya studentov vuzov / - M.: Aspekt Press, 2011. - 549 s.*
- Kazancev A.A.* Kuda idet Central'naya Aziya: menyayushchiesya roli global'nyh igrokov v perspektive do 2020 g // *POLITEKS*. 2012. №1.
- Popov D.* Tadzhiqsko-kitajskie otnosheniya na sovremennom etape: problemy i perspektivy // *Problemy nacional'noj strategii*. 2019. №4 (55). S.87-105.
- Paramonov V.* Etapy ekonomicheskoy politiki Kitaya v Central'noj Azii / V.Paramonov, A.Strokov, O. Stolpovskij // *Central'naya Aziya i Kavkaz*. 2010. №1. S.120-130.
- Holiknazar H.* Tadzhiqistan i Kitaj: ot istoricheskoy družby k strategicheskomu partnerstvu / *Centr strategicheskikh issledovanij*. Dushanbe Er-Graf, 2019. 391 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Комилова Хосият Гуфроновна, к.и.н.
доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикско-Славянского Университета.

Hosiyat G. Komilova, Ph.D. Associate Professor of Regional Studies and Foreign Policy, Russian Tajik-Slavonic University.

**ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И КИТАЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ДВУСТОРОННИЕ
ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЗГЛЯД ИЗ УЗБЕКИСТАНА**

В. В. Парамонов

*Аналитическая группа «Центральная Евразия», Ташкент, Узбекистан
ORCID 0000-0001-7011-8432, v_paramonov@yahoo.com*

Аннотация: Данная статья призвана не только восполнить этот очевидный пробел, но и дать более детальное представление о китайско-центральноазиатских двусторонних отношениях в сфере безопасности в период 1991-2020 гг. для более широкой научной аудитории, в первую очередь российской. Уникальность продолжающегося с 2005 г. исследования, являющегося основой для этой статьи, заключается в стремлении системно оценить ключевые элементы взаимодействия Китая и стран Центральной Азии в сферах политики, безопасности, экономики (в том числе в сегменте энергетики), а также в социальной сфере. Целью статьи является анализ основных элементов и тенденций двусторонних отношений между Китаем и странами Центральной Азии в сфере безопасности. Для достижения этой цели используется междисциплинарный подход, методы диалектического и структурно-функционального анализа. Актуальность статьи заключается в растущем влиянии целого ряда факторов, благодаря которым центральноазиатское направление с точки зрения безопасности становится все более важным для Китая. Делается вывод о том, что базовые элементы стратегии КНР в ЦА в сфере безопасности в настоящее время концептуально определены и вписаны в рамки глобальной инициативы "Пояс и путь". На современном этапе стратегия заключается в том, чтобы, опираясь на инструменты и проекты этой инициативы, возможности ШОС и тесное партнерство с РФ всячески поддерживать страны региона в решении ими всего комплекса проблем национальной и региональной безопасности.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Китай, ШОС, сотрудничество.

Для цитирования: Парамонов В.В. Политика Китая в Центральной Азии и китайско-центральноазиатские двусторонние. Отношения в сфере безопасности: взгляд из Узбекистана. Постсоветские исследования. 2021;4(4):274–284.

**CHINA'S POLICY IN CENTRAL ASIA
AND CHINA-CENTRAL ASIA BILATERAL RELATIONS
IN SECURITY SPHERE: A LOOK FROM UZBEKISTAN**

V. Paramonov

*Central Eurasia Analytical Group, Tashkent, Uzbekistan
ORCID 0000-0001-7011-8432, v_paramonov@yahoo.com*

Abstract: This article is intended not only to fill this obvious gap, but also to provide a more detailed picture of the Sino-Central Asian bilateral security relations in the period 1991-2020 for a wider scientific audience, primarily the Russian one. The uniqueness of the research that has been going on since 2005, which is the basis for this article, lies in the attempt to systematically assess the key elements of interaction between China and the Central Asian countries in the fields of politics, security, economy (including in the energy sector), as well as in the social sphere. The purpose of the article is to analyze the main elements and trends of bilateral relations between China and the Central Asian countries in the field of security. To achieve this goal, an interdisciplinary approach, methods of dialectical and structural-functional analysis are used. The relevance of the article lies in the growing influence of several factors, due to which the Central Asian direction from the point of view of security is becoming increasingly important for China. It is concluded that

the basic elements of the PRC's security strategy in Central Asia are currently conceptually defined and fit into the framework of the global Belt and Road Initiative. At the present stage, the strategy is based on the tools and projects of this initiative, the capabilities of the SCO and the close partnership with the Russian Federation to support the countries of the region in every possible way in solving the entire range of national and regional security problems.

Key words: Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan, China, SCO, cooperation.

For citation: Paramonov V. China's policy in Central Asia and China-Central Asia bilateral relations in security sphere: a look from Uzbekistan. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(4): 274–284. (In Russ.)

Вступление

Ученые из Узбекистана с самых различных перспектив изучали и продолжают изучать внешнюю политику глобальных и региональных держав в Центральной Азии (ЦА), а также отношения с ними в сфере безопасности [Рахимов 2011]; [Yuldasheva 2013: 32-41]; [Yuldasheva 2014: 11-120]; [Rakhimov 2015]; [Khaydarov, Mirkasymov 2019: 94-99]; [Yuldasheva 2020: 187-202].

Тем не менее, в том же Узбекистане все более остро ощущается нехватка серьезных исследований по тематике современной внешней политики Китайской Народной Республики (КНР) в регионе, особенно в рамках инициативы "Пояс и путь" [Limanov 1999: 87-88]; [Киндалов 2003: 83-89]; [Ходжаев 2007: 30-46]; [Ходжаев 2004, 2007].

На протяжении более 130 лет Центральная Азия, являвшаяся составной частью сначала Российской империи, а затем СССР, рассматривалась Китаем лишь в контексте китайско-российских и китайско-советских отношений, в том числе в сфере безопасности. Крах Советского Союза стал неожиданностью для КНР, сформировав принципиально новую геополитическую конфигурацию во всем мире, в том числе в ЦА и вокруг нее.

С одной стороны, распад СССР и, соответственно, его комплекса безопасности, открывал перед Китаем новые, причем исторически достаточно уникальные, возможности в плане кардинального расширения своего присутствия и значительной интенсификации отношений с государствами Центральной Азии. С другой стороны, в КНР, безусловно, прекрасно

осознавали и то, что развитие обстановки в ЦА может/будет сопровождаться крайне сложными и очень болезненными процессами, которые могут/будут негативным образом отражаться и на безопасности приграничного с тремя странами региона (Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном) Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая.

В этой связи именно партнерское и дружественное взаимодействие с государствами ЦА и их традиционным стратегическим партнером – Россией в сфере безопасности было и до сих пор остается базовым элементом региональной политики КНР. Учитывая это и многое другое Китай предпочел выработать базовые принципы и налаживать практические механизмы взаимодействия со странами Центральной Азии именно в многостороннем формате и с участием РФ:

- с 1992 г. – в рамках рабочей группы "4 + 1" (Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Китай);
- с 1996 г. – в рамках "Шанхайской пятерки" (Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан);
- с 2001 г. – в рамках ШОС (на начальном этапе – Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан).

Что же касается двустороннего формата, то он получил свое полноценное развитие практически одновременно со становлением ШОС в качестве многопрофильной международной организации и формированием отношений стратегического партнерства между Китаем, Россией и странами Центральной Азии.

После же прихода к власти в КНР руководителей "пятого поколения" во главе с Си Цзиньпином отношения этой державы с государствами ЦА стали ориентироваться на еще более долгосрочные, стратегические, комплексные и масштабные цели. В последние годы эти цели тесно связаны с научно-обоснованной, научно, аналитически, информационно и политически сопровождаемой глобальной инициативой "Пояс и путь". Все это, безусловно, уже отразилось и на сфере безопасности.

Каковы основные тенденции в политике Китая в Центральной Азии и двусторонних отношениях между КНР и государствами ЦА в этой важной сфере? В попытке ответить на этот довольно сложный вопрос необходимо проанализировать состояние дел в каждом из основных сегментов рассматриваемого формата взаимодействия. Представляется, что такого рода подход существенно облегчит понимание ключевых тенденций и в других основных сферах отношений: политической, экономической, а также социальной [Парамонов 2005]; [Парамонов, Строков, Столповский 2008, 2010, 2011, 2012]; [Парамонов 2019: 70-79]; [Парамонов 2020: 38-46].

Основные сегменты двусторонних отношений Китая и государств Центральной Азии в сфере безопасности

Сотрудничество между КНР и странами ЦА в сфере безопасности в настоящее время осуществляется в следующих основных сегментах:

- военно-техническом сегменте (сотрудничество подразумевает пока лишь единичные поставки Китаем продукции военного назначения, и, соответственно, послепродажное обслуживание, развивается примерно с 2000 г.). Сразу после Баткентских событий 1999 и 2000 гг. - боевых действий в Ошской области Кыргызстана, вызванных проникновением сюда крупных бандформирований (из Афганистана и Таджикистана) в попытках (в отдельных случаях - успешных) прорваться в Узбекистан. В тот период времени даже циркулировали слухи о якобы сделанном

китайской стороной предложении Кыргызстану оказать прямую военную помощь [Загорская 2019: 7077];

- сегменте проведения совместных учений (взаимодействие предполагает проведение пока разовых мероприятий в основном антитеррористического и пограничного, а в редких случаях - собственно военного характера с Кыргызстаном. На кыргызско-китайской границе: (1) в 2002 г. - двусторонние антитеррористические (военные) командно-штабные учения в рамках ШОС (в меморандуме между МО КР и МО КНР обозначены под названием "Учения-01"); (2) в 2013 г. - двусторонние антитеррористические (пограничные) учения в рамках ШОС ("Совместная пограничная деятельность-2013"). На территории КНР: (3) в 2017 г. - двусторонние антитеррористические (пограничные) учения в рамках ШОС ("Тяньшань-3"); (4) в 2019 г. - антитеррористические учения ("Сотрудничество-2019", в них приняли участие подразделения Народной вооруженной милиции КНР и Национальной гвардии КР); Таджикистаном. На территории Таджикистана: (1) в 2006 г. - антитеррористические (военные) учения ("Взаимодействие-2006", в них приняли участие подразделения МО РТ и НОАК, учения прошли в ГБАО РТ); (2) в 2015 г. - некие антитеррористические учения, о которых упоминается крайне мало (в них приняли участие подразделения МВД РТ и Министерства общественной безопасности КНР, учения прошли в учебном центре "Маргоб", Рамитском ущелье, что в 70-80 км. от г. Душанбе); (3) в 2019 г. - антитеррористические (военные) учения (в них приняли участие подразделения МО РТ и НОАК, учения прошли в ГБАО РТ); Казахстаном. На территориях двух стран: (1) в 2015 г. - антитеррористические учения (в них приняли участие подразделениями МО РК и НОАК; по одним данным, учения прошли под кодовым названием "Охота на лис-2015", а по другим - "Антитеррор-

2015", что возможно означает их два последовательных этапа; учения состоялись на базе учебного центра "Корла" в СУАР КНР, а также учебного полигона "Коктал" в Алматинской области РК); (2) в 2019 г. - антитеррористические (военные) учения ("Охота на лис", в них приняли участие подразделения МО РК и НОАК, учения прошли на учебном полигоне "Ново-Ахмирово" в Восточно-Казахстанской области РК, хотя ранее предполагалось, что они пройдут в г. Алматы на базе учебного центра "Партнерство во имя мира") и Узбекистаном. На территории Узбекистана: в 2019 г. - учебно-практические антитеррористические учения ("Сотрудничество-2019", в них приняли участие подразделения Народной вооруженной милиции КНР и Национальной гвардии РУз, учения прошли на горном полигоне "Фориш" в Джизакской области РУз). Также известно, что следующие подобного рода учения намечены на ближайшее будущее и, скорее всего, состоятся в 2021 г.);

- сегменте обеспечения безопасности внешних границ (практическое взаимодействие осуществляется только лишь с Таджикистаном и исключительно с точки зрения финансово-технической поддержки мер по охране его границы с Афганистаном);
- сегменте взаимодействия специальных служб и правоохранительных органов (что, прежде всего подразумевает обмен информацией, проведение рабочих встреч, консультаций и других мероприятий);
- сегменте урегулирования пограничных вопросов и реализации мер военного доверия (соответствующие договоренности с Казахстаном и Кыргызстаном были заключены до 2000 г., а с Таджикистаном – в 2002 г.; после же их выполнения взаимодействие перешло в стадию мониторинга достигнутых соглашений) [Парамонов, Столповский: 2008]; [Paramonov, Stolpovsky 2008]; [Парамонов 2009: 83-93]; [Paramonov 2012: 22-36].

Однако, несмотря на, казалось бы, внушительный перечень сегментов сотрудничества, тесные, активные, широкие и масштабные формы взаимодействия между КНР и странами ЦА в реальности все еще крайне редки, скорее всего, очень эпизодичны, а по каким-то важным вопросам даже отсутствуют. В частности, многие мероприятия (акции, меры и т.п.) или единичны или носят в целом формальный характер, связанный больше с политической / коммерческой конъюнктурой, нежели с глубокой взаимной потребностью в сотрудничестве, кооперации, а тем более – интеграции.

При этом, необходимо понимать, что "продвинутые" формы двусторонних отношений в сфере безопасности, а также их "локомотивы" могут быть связаны лишь со следующими направлениями исключительно военного взаимодействия:

- военным сотрудничеством (данное сотрудничество подразумевает тесные связи в рамках сегментов проведения совместных военных учений, подготовки военных кадров, использования военных и иных объектов);
- военно-экономическим сотрудничеством (взаимодействие в рамках данного сегмента предполагает размещение заказов военного назначения на промышленных предприятиях государств ЦА, создание совместных предприятий для производства и ремонта продукции военного назначения);
- научно-техническим сотрудничеством (связи в рамках данного сегмента предусматривают, прежде всего, проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ).

Все эти и многие другие принципиально важные элементы преимущественно военного взаимодействия в отношениях КНР и стран ЦА, по сути, не проявляются. Это существенно отличает Китай от той же России, традиционно считающей регион зоной своих особых интересов, в том числе геополитических. Наиболее наглядно это видно на примере такого принципиально важного сегмента отношений в сфере

безопасности как использование военных и иных объектов (военного назначения) (карта №1) [Парамонов, Столповский 2008]; [Paramonov, Stolpovsky 2008].

Карта № 1.

Российские военные объекты в Центральной Азии

Источник: Коммерсант-Власть, 2017.¹

¹Российская военная инфраструктура в Центральной Азии. / Журнал Коммерсант-Власть, Москва, №23, 17.06.2017, <https://www.kommersant.ru/archive/publishing/2>

Появившаяся же в 2018 г. информация о нахождении в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана "большого числа китайских солдат",² как минимум, сильно искажена и/или значительно преувеличена. Тем более, никем официально не подтвержден и не доказан факт присутствия "китайских войск" в ГБАО, на что также указывала в начале 2019 года одна из публикаций такого авторитетного американского издания как "Вашингтон пост" (Washington Post).³

На самом деле, сотрудничество между КНР и Таджикистаном в сфере безопасности развивается не столько в военных сегментах, сколько в основном в сегменте обеспечения безопасности внешних границ. Хотя, возможно, что частично это также касается и сегмента сотрудничества специальных служб и правоохранительных органов. Однако, безусловно, что информация об этом носит закрытый характер. В данном плане интересно подтверждение этого факта известным и авторитетным российским аналитиком по ЦА Дмитрием Поповым в его достаточно подробной статье об отношениях между Китаем и Таджикистаном: "Журналист американской газеты "Вашингтон пост" ошибочно принял одну из построенных КНР пограничных застав в Мургабском районе ГБАО за "форпост" китайских военных в Таджикистане."⁴ [Попов 2019].

Как справедливо отмечают сами таджикские эксперты, строительство этих застав осуществляется в рамках соглашения между Китаем и Таджикистаном от 2016 г. Согласно данному соглашению, КНР "финансирует строительство одиннадцати погранпостов и создает 30-40 постов на таджикской стороне границы с

Афганистаном. Служить на этих постах будут граждане Таджикистана, тогда как все расходы на содержание и деятельность застав оплачивает китайская сторона".⁴

Более того, представляется, что именно целям укрепления сотрудничества в сегменте обеспечения безопасности внешних границ подчинены и все до сих пор проводимые таджикско-китайские учения. Поэтому в случае с Таджикистаном взаимодействие с Китаем по проведению совместных учений было бы корректнее рассматривать в качестве неотъемлемой части сотрудничества по обеспечению безопасности внешних границ.

В целом же различные слухи и инсинуации о растущем военном присутствии Китая в Центральной Азии, а тем более – о российско-китайском соперничестве в сфере безопасности, в том числе военно-техническом и иных сегментах, крайне преувеличены. Нельзя исключать и того, что некоторые из подобного рода публикаций носят провокационный, дезинформационный и/или заказной характер.

Тем не менее, все это вовсе не исключает высокой вероятности того, что интенсивность и глубина взаимодействия КНР с отдельными странами ЦА в некоторых сегментах, например, в том же военно-техническом сегменте и сегменте проведения совместных учений, будут только расти. При этом, также очевидно, что развитие сотрудничества, скорее всего, будет постепенным и затронет лишь заинтересованные в нем государства региона.

Сам же Китай, скорее всего, продолжит оставлять за Россией право быть ключевым внешним "игроком" или даже "менеджером" в сфере безопасности на постсоветском пространстве, включая в Центральной Азии. Эту тенденцию косвенно не только подтверждают, но и еще прекрасно иллюстрируют исследования ведущего

²Rivals for Authority in Tajikistan's Gorno-Badakhshan. ICG, Briefing № 87, Europe & Central Asia, 14 March 2018, <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/tajikistan/b87-rivals-authority-tajikistans-gorno-badakhshan>

³Gerry Shih. In Central Asia's forbidding highlands, a quiet newcomer: Chinese troops / Washington Post, 19 February 2019, https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html?noredirect=on

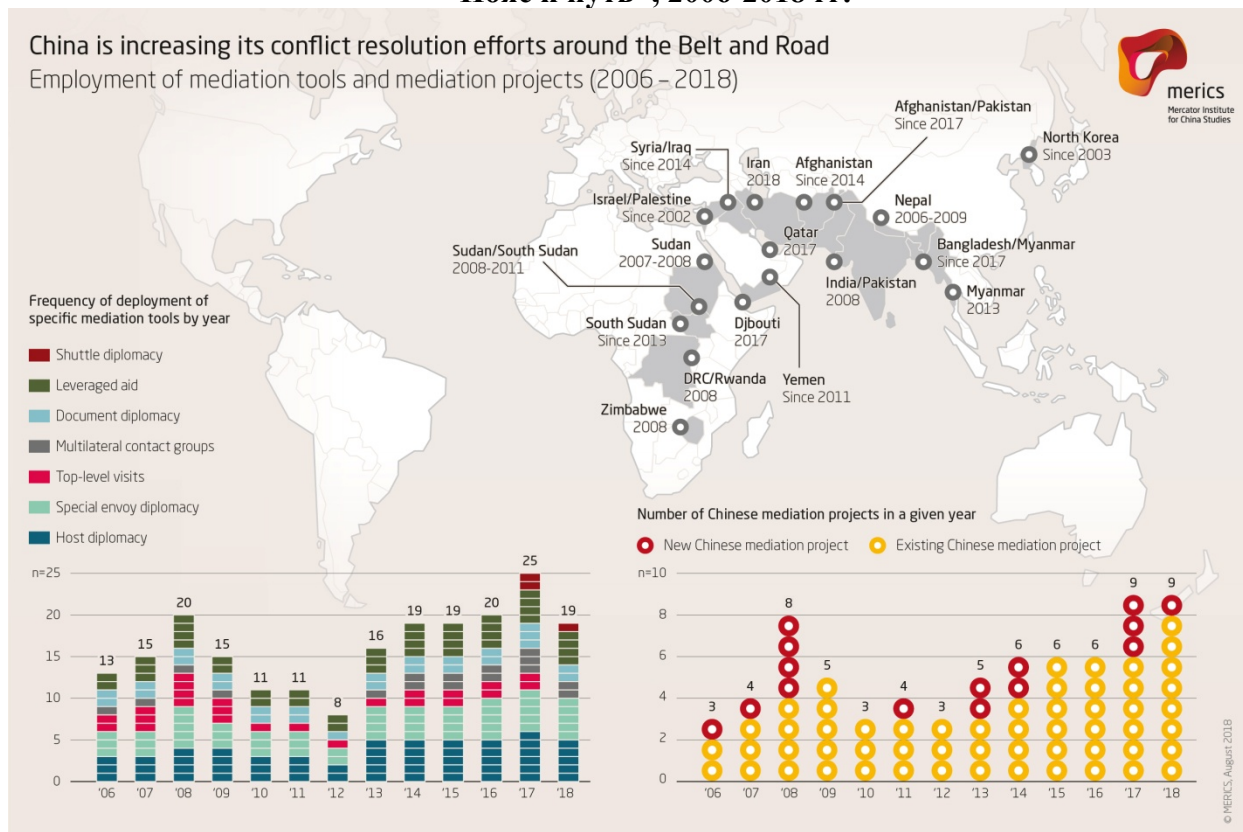
⁴Parviz Mullodjanov. Sino-Tajik military field exercises in GBAO: combating terrorism or protecting Chinese investments? Cabar agency, 18.09.2019, <https://cabar.asia/en/sino-tajik-military-field-exercises-in-gbao-combating-terrorism-or-protecting-chinese-investments/>

немецкого аналитического центра и, одновременно, крупнейшего европейского аналитического института по изучению Китая "Меркатор" (Mercator Institute for China Studies). Согласно наработкам

данного института, основанным на 12-ти летнем мониторинге китайский усилий по предотвращению конфликтов, все без исключения государства ЦА остаются вне основного фокуса КНР (карта № 2).

Карта № 2.

География китайских усилий по предотвращению конфликтов в рамках инициативы "Пояс и путь", 2006-2018 гг.

Источник: The Mercator Institute for China Studies (MERICS), 2018.⁵

⁵MERICS, 2018, <https://www.merics.org/en/china-mapping/china-conflict-mediator>

Причем, данное исследование может свидетельствовать не только в пользу того, что между Китаем и Россией существует (и, скорее всего, неизбежно соблюдается) договоренность о разграничении географических зон ответственности, но и косвенно – в пользу некой (возможно, растущей) координации региональных и глобальных усилий Пекина и Москвы. Кроме того, следует предположить и то, что координация усилий может касаться не только сферы безопасности, но и других сфер двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Заключение

Политика КНР в ЦА и китайско-центральноазиатские двусторонние отношения в сфере безопасности подвержены влиянию целого ряда факторов, связанных не только с подходами Китая и государств региона, но и с подходами России, а также более широким контекстом международных отношений.

Во-первых, представляется, что Китай продолжает рассматривать ситуацию, складывающуюся в Центральной Азии и вокруг нее, не только в качестве новых для себя перспектив и возможностей, но и через призму потенциальных угроз собственной безопасности. При этом КНР стремится к развитию тесных и доверительных отношений со всеми государствами ЦА без исключения и одновременно признает ведущую роль РФ в регионе в сфере безопасности.

Во-вторых, динамика происходящих вокруг Центральной Азии процессов обуславливает постоянную корректировку Китаем критериев оценки возникающих угроз своим интересам и, соответственно, алгоритмов реагирования на них. При этом одной из принципиально важных составляющих стратегии Китая в сфере безопасности остается нацеленность на тесное сотрудничество с Россией. Это находит соответствующий отклик и в самой РФ, отражается в растущей координации подходов двух держав по целому спектру вопросов.

В-третьих, базовые элементы стратегии КНР в ЦА в настоящее время

концептуально определены и вписаны в рамки глобальной инициативы "Пояс и путь". На современном этапе стратегия заключается в том, чтобы, опираясь на инструменты и проекты этой инициативы, возможности ШОС и тесное партнерство с Россией всячески поддерживать страны региона в решении ими комплекса проблем национальной и региональной безопасности.

В целом, складывающаяся в мире ситуация в еще большей степени подталкивает Китай к поиску новых решений и инициатив по защите своих интересов на региональном и глобальном уровнях, что ведет к усилению для Пекина значения ЦА, РФ и ШОС. Все это должно найти соответствующее более глубокое осмысление в России и самих странах Центральной Азии.

В первую очередь, это должно предполагать задачу кардинального усиления междисциплинарной научно-исследовательской работы по региональной (центральноазиатской) тематике, принципиальное повышение ее качества и более тесную координацию соответствующих усилий как в формате "РФ+ЦА", так и в форматах "ЦА+РФ+КНР", ШОС, а также других.

В этом плане, представляется, что особого внимания заслуживают два направления:

- поиска новых возможностей и создания устойчивых механизмов для формирования в Центральной Азии с активным участием России уникального пространства геэкономического и, возможно, как следствие, даже геополитического сотрудничества, а не соперничества мировых и региональных держав;
- поиска крупных, масштабных - "локомотивных" геэкономических проектов, "строек века", способных обеспечить долгосрочное процветание внутренних районов Евразии, мир и стабильность как минимум для значительной части нашего континента, при этом дав десяткам миллионов граждан РФ и стран ЦА новые возможности для

трудоустройства, развития и социального благополучия.

Как представляется, именно такие принципы и подходы должны отражать смысл будущих экономических и иных инициатив в рамках российского проекта

"Большая Евразия," если, конечно, это проект подразумевает решение обозначенных выше стратегически и жизненно-важных задач, стоящих на повестке дня России и Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Khaydarov, A., Mirkasymov, S.* Uzbek Perspectives on Eurasia. // *India Quarterly: A Journal of International Affairs.* Volume: 75 issue: March 11, 2019, pp. 94-99.
- Limanov, O.* China's Policy Towards Central Asia in the Post-Soviet Era // *Building a Common Future: Indian and Uzbek Perspectives on Security and Economic Issues.* New Delhi, 1999, pp. 87-98.
- Paramonov V.* China's Security Policy in Central Asia / *New Alliance and Security Cooperation in the 21st Century in Asia (Joint Academic Conference of Center for International Studies, Inha University and Jeju Peace Institute).* - Jeju (Republic of Korea): Jeju Peace Institute, 2012, pp.22-36.
- Paramonov V., Stolpovsky O.* Chinese Security Interests in Central Asia. - Swindon (UK): Advanced Research and Assessment Group of the Defense Academy of the UK, 2008, 13p.
- Paramonov V., Stolpovsky O.* Russia and Central Asia: Bilateral Cooperation in the Defence Sector. - Swindon (UK): Advanced Research and Assessment Group of the Defense Academy of the UK, 2008, 21p.
- Rakhimov, M.* and others (Eds). *Central Asia, issues, problems and perspectives.* - Cuvillier Publishing House, Goettingen, 2015, 298 p.
- Yuldasheva, G.* Iran in Russia's Central Asian Policy. // *Central Asia and the Caucasus*, 15(3), 2014, pp. 111-120.
- Yuldasheva, G.* Iran-Uzbekistan Relations in the Regional Security Context. // *Asian Journal of Peacebuilding*, 2020, 8 (1 Special Issue), pp.187-202.
- Yuldasheva, G.* The Iranian-Pakistani Factor in the Geopolitics of Central and South Asia. // *Central Asia and the Caucasus*, 15(2), 2013, pp.32-41.
- Загорская О.* Военно-техническое сотрудничество Китая и постсоветских республик Центральной Азии / *Журнал "Новый оборонный заказ. Стратегии"*, Санкт-Петербург, № 3 (56) 2019, с.70-77.
- Киндалов В., Лиманов О.* Россия и Китай в Центральной Азии: изменяющаяся геополитическая ситуация // *Журнал "Центральная Азия и Кавказ"* (Швеция), 2003, №3(27), с.83-89.
- Парамонов В.* Взаимоотношения Китая и стран Центральной Азии в сферах безопасности и экономики, а также отдельных сегментах социальной сферы // *Сборник материалов международной научной конференции "Инициатива "Пояс и путь": перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии"*. Алматы, 2019, с.70-79.
- Парамонов В.* Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений. - Свиндон (Великобритания): Центр исследований конфликтов Академии Вооруженных Сил Великобритании, 2005, 19 с.
- Парамонов В.* Основные факторы Центральноазиатской политики Китая в сфере безопасности в конце XX - начале XXI в. / *Журнал "Китай в мировой и региональной политике. История и современность"* (Институт Дальнего Востока РАН), Том 14, 2009, с.83-93.
- Парамонов В.* Социально-экономическое измерение отношений Китая и стран Центральной Азии // *Журнал "Общественное мнение"* (Узбекистан), № 1, 2020, с.38-46.
- Парамонов В., Столповский О.* Интересы безопасности Китая в Центральной Азии. - Свиндон (Великобритания): Группа стратегических исследований и оценок Академии Вооруженных Сил Великобритании, 2008, 14с.

- Парамонов В., Столповский О.* Россия и Центральная Азия: двустороннее сотрудничество в сфере безопасности. - Группа стратегических исследований и оценок Академии Вооруженных Сил Великобритании, 2008, 16с.
- Парамонов В., Строков А., Столповский О.* Россия и Китай в энергетике Центральной Евразии: соперники или партнеры? (Присутствие России и Китая в ТЭК стран Центральной Азии). - Барнаул (Россия), 2012, 344 с.
- Парамонов В., Строков А., Столповский О.* Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс? (Китайское экономическое присутствие в Центральной Азии). - Барнаул (Россия), 2010, 160 с.
- Парамонов В., Строков А., Столповский О.* Последний исторический шанс России: освоение, развитие и оборона внутренней Евразии (Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность). - Барнаул (Россия), 2011, 121с.
- Парамонов В., Строков А., Столповский О.* Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. - Бишкек, Кыргызстан, 2008, 200 с.
- Попов Д.* Таджикиско-китайские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2019, № 4 (55), с.97.
- Рахимов М.* Международное сотрудничество Узбекистана в контексте обеспечения стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии. - Ташкент, 2011, 230 с.
- Ходжаев А.* Китайский фактор в Центральной Азии. - Ташкент, 2004, 136с.
- Ходжаев А.* Китайский фактор в Центральной Азии. - Ташкент, 2007, 171с.
- Ходжаев А.* О центральноазиатской политике КНР (на основе китайских источников) // Журнал "Центральная Азия и Кавказ" (Швеция), №3(51), 2007, с.30-46.

REFERENCES

- Zagorskaya O.* Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Kitaya i postsovetskih respublik Central'noj Azii / ZHurnal "Novyj oboronnyj zakaz. Strategii», Sankt-Peterburg, № 3 (56) 2019, s.70-77.
- Kindalov V., Limanov O.* Rossiya i Kitaj v Central'noj Azii: izmenyayushchayasya geopoliticheskaya situaciya // ZHurnal "Central'naya Aziya i Kavkaz" (SHveciya), 2003, №3(27), s.83-89.
- Paramonov V.* Vzaimootnosheniya Kitaya i stran Central'noj Azii v sferah bezopasnosti i ekonomiki, a takzhe otdel'nyh segmentah social'noj sfery // Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Iniciativa "Poyas i put'": perspektivy social'no-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo razvitiya stran Central'noj Azii". Almaty, 2019, s.70-79.
- Paramonov V.* Kitaj i Central'naya Aziya: sostoyanie i perspektivy ekonomicheskikh otnoshenij. - Svindon (Velikobritaniya): Centr issledovaniy konfliktov Akademii Vooruzhennyh Sil Velikobritanii, 2005, 19 s.
- Paramonov V.* Osnovnye faktory Central'noaziatskoj politiki Kitaya v sfere bezopasnosti v konce HKH - nachale HKHI v. / ZHurnal "Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'" (Institut Dal'nego Vostoka RAN), Tom 14, 2009, s.83-93.
- Paramonov V.* Social'no-ekonomicheskoe izmerenie otnoshenij Kitaya i stran Central'noj Azii // ZHurnal "Obshchestvennoe mnenie" (Uzbekistan), № 1, 2020, s.38-46.
- Paramonov V., Stolpovskij O.* Interesy bezopasnosti Kitaya v Central'noj Azii. - Svindon (Velikobritaniya): Gruppy strategicheskikh issledovaniy i ocenok Akademii Vooruzhennyh Sil Velikobritanii, 2008, 14s.
- Paramonov V., Stolpovskij O.* Rossiya i Central'naya Aziya: dvustoronnee sotrudnichestvo v sfere bezopasnosti. - Gruppy strategicheskikh issledovaniy i ocenok Akademii Vooruzhennyh Sil Velikobritanii, 2008, 16s.
- Paramonov V., Strokov A., Stolpovskij O.* Rossiya i Kitaj v energetike Central'noj Evrazii: soperniki ili partnery? (Prisutstvie Rossii i Kitaya v TEK stran Central'noj Azii). - Barnaul (Rossiya), 2012, 344 s.

- Paramonov V., Strokov A., Stolpovskij O.* Kitajskij ekonomicheskij ekspres v centre Evrazii: novaya ugroza ili istoricheskij shans? (Kitajskoe ekonomicheskoe prisutstvie v Central'noj Azii). - Barnaul (Rossiya), 2010, 160 s.
- Paramonov V., Strokov A., Stolpovskij O.* Poslednij istoricheskij shans Rossii: osvoenie, razvitie i oborona vnutrennej Evrazii (Kitaj v Central'noj Azii: politika, ekonomika, bezopasnost'). - Barnaul (Rossiya), 2011, 121s.
- Paramonov V., Strokov A., Stolpovskij O.* Rossiya i Kitaj v Central'noj Azii: politika, ekonomika, bezopasnost'. - Bishkek, Kyrgyzstan, 2008, 200 s.
- Popov D.* Tadzhiksko-kitajskie otnosheniya na sovremennom etape: problemy i perspektivy // Problemy nacional'noj strategii. 2019, № 4 (55), s.97.
- Rahimov M.* Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Uzbekistana v kontekste obespecheniya stabil'nosti i ustojchivogo razvitiya v Central'noj Azii. - Tashkent, 2011, 230 s.
- Hodzhaev A.* Kitajskij faktor v Central'noj Azii. - Tashkent, 2004, 136s.
- Hodzhaev A.* Kitajskij faktor v Central'noj Azii. - Tashkent, 2007, 171s.
- Hodzhaev A.* O central'noaziatskoj politike KNR (na osnove kitajskih istochnikov) // Zhurnal "Central'naya Aziya i Kavkaz" (SHveciya), №3(51), 2007, s.30-46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Парамонов Владимир Владимирович , кандидат политических наук, доктор философии / Ph.D., D.Sc. докторант методического центра современной истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан, основатель Аналитической группы "Центральная Евразия" и одноименного интернет-проекта [www.ceasia.org] (Ташкент, Узбекистан)	Vladimir Paramonov , Ph.D., D.Sc. Coordination Methodological Center on the Contemporary History of Uzbekistan under the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Founder of the Central Eurasia Analytical Group and Internet Project [www.ceasia.org] (Tashkent, Uzbekistan)
---	---

Интересы Китая в Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс - один путь»

Д. Б. Абубакирова

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
abubakirovaa.di@gmail.com*

Аннотация. Китайская Народная Республика, являясь одной из ведущих развивающихся стран в мире, активно продвигает свое влияние во все регионы с помощью многочисленных государственных программ и инициатив. Центральная Азия в этой связи является одним из наиболее привлекательных регионов ввиду таких многочисленных преимуществ как: огромный сырьевой потенциал, выгодное геополитическое расположение региона, транспортно-логистические возможности, а также регион является, так называемой, буферной зоной для поддержания безопасности. В качестве одного из инструментов для достижения своих целей в Центрально-Азиатском регионе, правительство Китая использует, созданную в 2013 г. и опирающуюся на возрождении и усовершенствовании Великого Шёлкового Пути, инициативу «Один пояс - Один путь».

Ключевые слова: Китай, инициатива «Один пояс - Один путь», Центральная Азия, интересы, экономика, политика.

Для цитирования: Абубакирова Д. Б. Интересы Китая в Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс - один путь». Постсоветские исследования. 2021;4(4):285–295.

China's interests in Central Asia in the framework of the Belt and Road initiative

Diana B. Abubakirova

*RUDN University, Moscow, Russia
abubakirovaa.di@gmail.com*

Abstract. The People's Republic of China, as one of the leading developing country in the world, actively promotes its influence in all regions through numerous governmental programs and initiatives. In this regard, the Central Asian region is one of the most attractive regions due to such numerous advantages as: huge raw material potential, favorable geopolitical location of the region, transport and logistics opportunities, also the region is a so-called buffer zone for maintaining security. As one of the tools to achieve its goals in the Central Asian region, the Chinese government uses the Belt and Road initiative, created in 2013 and based on the revival and improvement of the Great Silk Road.

Keywords: China, Belt and Road initiative, Central Asia, interests, economy, politics.

For citation: Abubakirova D. B. China's interests in Central Asia in the framework of the Belt and Road initiative. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(4):285–295. (In Russ.)

Китайская инициатива «Один пояс-Один путь» была создана с целью дать новый стимул развитию Китайской Народной Республики, через поиск новых международных и внутригосударственных источников роста в новом, динамично меняющемся мире, помочь в решении экономических проблем, стимулировать новые производства и повысить роль

государства на региональном и глобальном уровне. Тем самым Китай, рассматривает данную инициативу, как способ его глобальной и выгодной интеграции с развитыми странами, государствами региона и в основном государствами Центральной Азии, где КНР представляет собой регионального лидера, способным предоставить как финансовую, так и

гуманитарную помощь. Далее в статье будут подробно рассмотрены интересы Китая в Центральной Азии рамках инициативы «Один пояс-Один путь» преимущественно в экономической и политической областях.

Экономические интересы.

С момента провозглашения о создании инициативы «Один пояс – Один путь» отношения Китая с регионом Центральной Азии, вышли на перспективно новый уровень, при котором были намечены новые тенденции и направления сотрудничества. В этом, сторонам не смог значительно помешать даже мировой кризис. Заметные улучшения, практически сразу, начали происходить во многих областях взаимодействия, таких как: политика, культура, социальная сфера, но наиболее заинтересованы обе стороны были в развитии, безусловно экономической области.

Как известно, развитием экономической отрасли инициативы «Один пояс-Один путь» отчасти занимается, ее составная программа-Экономический пояс Шелкового пути, который направлен на развитие 7 поясов сотрудничества, таких как: транспортный, торговый, информационный, энергетический, научно-технический, аграрный и туристический пояс¹. По всем этим направлениям инициатива будет стремиться развивать взаимовыгодные отношения с государствами-участниками. Что же касается региона Центральной Азии, в этом плане ЭПШП во главе с Китаем нацелен активно сотрудничать именно в энергетической сфере. Это обуславливается, тем что значительные части Евразии и Китая, в последние годы испытывают заметную нехватку энергетических ресурсов, а страны Центральной Азии являются обладателями значительных запасов таких важных природных ресурсов как: нефть, газ, углеводороды, вода, а также месторождения драгоценных металлов. В данном контексте уже выдвигались идеи мега проектов по строительству собственного независимого

энергетического рынка между странами участницами ОПОП.

И хотя в инициативе, со стабильной периодичностью, упоминается о приобретении выгод всеми государствами-участниками инициативы, именно в Центральной Азии, Китай видит и стремится к достижению своих собственных экономических выгод, при этом не придавая этому огласки.

Для дальнейшего развития ОПОП и улучшения своего экономического роста, Китай считает необходимым приобретение новых рынков и ресурсов, в особенности энергетических, и регион Центральной Азии может покрыть данные нужды, а также выступать в качестве проводника китайских товаров на мировые рынки путем реэкспорта и открытием новых маршрутов через свои границы, ведущие в Европу. Данные планы, Китай осуществляет преимущественно выделением инвестиций и кредитования, которые направлены на построение выгодной инфраструктуры вокруг разведки и добычи месторождений, а также энергетической отрасли. В этой связи Китайское правительство проводит разную политику и разные подходы к каждой отдельной стране региона, в зависимости от ее значимости для Китая. Таким образом, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, манят КНР своими богатыми нефтегазовыми источниками, А Кыргызстан и Таджикистан в свою очередь могут оказать пользу своими запасами воды, энергетической отраслью, а также инфраструктурными возможностями.

Получить доступ к сырьевым ресурсам, являлось легкой задачей, так как сами государства Центральной Азии не имеют в достаточном объеме промышленного и транспортного инструментария, которое могло бы позволить им самим добывать, перерабатывать и импортировать такого рода продукцию, а также среди стран самого региона, не были налажены экономическое сотрудничество и интеграция. Таким образом, Китаю без труда удалось проникнуть в минерально-сырьевую отрасль

¹ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI

века. [Электронный ресурс] <http://www.chinaconsulate.knb.ru/rus/xwtd/t1255142.htm>.

Центральной Азии, и государства ЦА стали выступать в качестве сырьевых источников для китайского производства. Это в свою очередь способствовало еще одной важной цели Китая и ОПОП, развитию западных регионов, в процессе борьбы с неравенством в плане экономического развития регионов Китая, в особенности СУАР, который граничит с государствами Центральной Азии, путем образования на его территории транспортно-логистического хаба, который объединил бы несколько экономических коридоров, таких как: Новый Евразийский наземный мост, экономические коридоры КНР- Центральная Азия – Западная Азия, и Китай-Пакистан [Chen 2018: 71]. Перевозка товаров по этим путям, через государства Центральной Азии напрямик до Европы значительно снизит стоимость и время доставки. Сотрудничество такого типа, в рамках инициативы ОПОП, упростит свободное движение товара, финансовых средств и людей, а также способствует ускоренному развитию национальных экономик и интеграцию как государств Центральной Азии, так и всех участников ОПОП.

Для обозначения более конкретных экономических интересов, преследуемых КНР в Центральной Азии, следует разобрать каждое государство региона в отдельности.

Республика Казахстан является наиболее приоритетной страной региона для Китая, как в рамках двустороннего сотрудничества, так и при реализации инициативы ОПОП. Данный факт обуславливается тем, что Казахстан располагает огромным количеством природных ресурсов, на территории государства находятся месторождения 99различных элементов, что не может не привлекать Китай, находящийся в поиске новых энергетических ресурсов. Помимо этого, Китай и Казахстан сближает их географическое расположение, что способствует более тесному сотрудничеству и осуществлению более дешевой экспортно-импортной деятельности. В экспортном

плане Казахстан занимает первое место по отправке нефти и газа Китаю, что составляет примерно 65% от всего экспортного объема Казахстана. Этому способствует построенный еще в 2000-х годах нефтепровод, протяженностью 3000 км и мощностью 20 млн тонн в год, связывающий казахские нефтяные месторождения и западные районы Китая. Также на экспорт в Китай идет значительная часть казахских цветных металлов¹. В рамках инициативы ОПОП Китай продолжает инвестировать в добывающую промышленность Казахстана, вдобавок к нефти и газу, инвестиции касаются и урановые, хромовые и медные месторождения, что в свою очередь позволяет Китаю получать данное сырье по выгодным условиям. Так, по результатам исследования British Petroleum, были сделаны примерные оценки, что Китай станет самым крупным импортером нефти и газа к 2035 г., что станет результатом того, что КНР потребляет ¼ всей производимой электроэнергии в мире. Для достижения наибольшей выгоды от взаимодействия с энергетической отраслью Казахстана, Китай инвестирует и скупает акции в нефтедобывающих компаниях РК, таким образом КНР уже принадлежит более 20% всей нефтедобывающей отрасли Казахстана, что в свою очередь является мощной привязкой страны к Китаю и к инициативе ОПОП, в частности, и приносит свои выгоды обоим сторонам.

Интересы Китая в Кыргызской Республике также в большинстве своем обусловлены наличием немалых природных ресурсов, в основном таких как: большие запасы золота и угля, а также нефть и газ. Уже на протяжении долгого времени, Китай заинтересован в поиске новых и разработке имеющихся золотых месторождений на территории республики. Именно в это русло и направлено множество китайских инвестиций. Также как и в Казахстане, Китай имеет значительные доли в добывающих компаниях, примерно 20% всех имеющихся лицензий, выданных на разработку золотых

¹ Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества РК и КНР. – <https://articlekz.com/article/7006>.

месторождений, принадлежат именно Китаю, что дает ему возможность полностью осуществлять и контролировать весь процесс добычи золота, отчисляя Кыргызстану лишь налоги.

Что касается инициативы ОПОП, в этом плане, Кыргызстан также играет значительную роль, так как он расположен на территории между Казахстаном и Китаем, и входит в число членов ВТО, что позволяет беспрепятственно реализовывать экономические проекты, связанные с торговлей и экспортом, так как способствует беспрепятственному внедрению и движению китайской продукции на рынки страны и далее. вследствие чего, по объему товарооборота с Китаем, Кыргызстан занял вторую строчку среди стран ЦА.

Также развитие транспортных коммуникаций Кыргызстана в рамках инициативы ОПОП, способствует развитию соседнего с ним китайского района Синьцзяня, на широкомасштабное развитие которого делается значительный упор при реализации инициативы.

Как инициатива пояса и пути, так и сам Китай, предоставляют стране значительное количество кредитов и инвестиций, около 70% [Хаджиева 2013: 32-37] всех выдаваемых кредитов Китаем, приходится на Кыргызстан, что, в свою очередь, не остается без значительных выгод для Китая. Например, КНР в двустороннем порядке, или же в рамках ОПОП, полностью финансирует строительство транспортных путей, дорог и так далее, с условием того, что ему будут предоставлены различные месторождения золота или угля в виде долгосрочной аренды.

Таджикистан, как последняя приграничная с Китаем страна региона, является важной частью экономического взаимодействия в рамках ОПОП, как одна из составных связующих частей торговых коммуникаций и продвижения китайских товаров. Помимо этого, Таджикистан также является не менее важным поставщиком

сырья в Китай. Алюминий, цветные металлы, хлопок и значительные запасы пресной воды- все то, что привлекает Китай в данном государстве.

Что касается инвестиционной политики, Таджикистан по оценкам многих экспертов, является заложником экономической экспансии Китая, о чем свидетельствует количество полученных кредитов и не способность их выплачивать, что уже привело к частичной выдаче долга, некоторыми горными частями Таджикской территории.

Говоря о государствах, не имеющих общей приграничной территории с Китаем, Узбекистане и Туркменистане, можно выделить их значимость в плане владения значительными запасами природного газа, который уже долгое время поставляется в больших количествах в Китай. Теперь же посредством Инициативы ОПОП, и энергетических и транспортно-коммуникационных проектах осуществляемых в ее рамках, газ может поставляться во многие другие страны инициативы, как через газопровод Туркменистан-Китай, так и через строящийся газопровод объединяющий Туркменистан-Афганистан-Пакистан и Индию, что способствует экономическому развитию многих стран пролегающих по маршруту данного газопровода и также участвующих в инициативе¹.

Туркменистан также представляет значительный интерес инициативе ОПОП, в виде выгодного транзитного региона, и создании общего логистического центра, объединяющего множество транспортных маршрутов, по которому проходят пути ОПОП, тем самым возрождая исторические тропы Великого шелкового пути².

Другую важность для инициативы, Туркменистан представляет возможностью странам Центральной Азии выхода к морю через Туркменский порт, что в свою очередь способствует более дешевому и облегченному обмену товарами между

¹ Выступление Посла КНР в Туркменистане г-на Сунь Вэйдун по случаю Праздника Новруз на туркменском государственном телевидении // Официальный сайт

посольства КНР в Туркменистане. URL: <http://tm.china-embassy.org/rus/sgdt/t1550355.htm>.

² Об основах транспортной политики Туркменистана. URL: <http://turkmenistan.gov.tm/?id=16515>.

маршрутами Морского шелкового пути, а также упрощенному процессу прохождения границ для туристов.

В достижении всех вышеуказанных целей, которые преимущественно направлены на развитие Китая и усилению его позиций в регионе, значительную роль сыграло развитие инициативы пояса и пути и ее умелое применение в регионе. После начала сотрудничества в рамках ОПОП, Китай стал усердно проводить инвестиционно-кредитную политику в регионе. Посредством лидерства в инициативе, Китай, уже на протяжении

долгого времени остается одним из крупнейших инвесторов во всей Центральной Азии, это стало осуществимым так как, Китай является практически уникальной страной в плане возможности распоряжения и инвестиций огромными суммами, которые в разы превосходят те, что могут предложить другие страны.

На приведенной ниже таблице, наглядно раскрыты основные приоритетные направления Инициативы ОПОП и Китая в странах Центральной Азии и количество ее инвестиций.

Таблица 1. Общее количество инвестиций инициативы «Один пояс-один путь» в страны Центральной Азии¹.

Страна	Общий объем инвестиций ОПОП	Основные сферы вложений инвестиций
Казахстан	3,58 млрд \$	Энергетика (нефть, газ, углеводороды) транспорт
Кыргызстан	4,20 млрд \$	Транспорт, энергетика
Узбекистан	4,90 млрд \$	Транспорт, энергетика, сфера недвижимости, металлы, химические препараты
Таджикистан	1,61 млрд \$	Транспорт, энергетика, сфера недвижимости
Туркменистан	5 млрд \$	Энергетика

Таким образом, за последние несколько лет активного сотрудничества стран Центральной Азии с Китаем, а в последствии и с Инициативой «Один пояс-один путь», страны региона постепенно стали максимально зависимы от китайских инвестиций, особенно это коснулось

энергетической, транспортной, инфраструктурной, а также нефтедобывающей отраслей.

Но помимо инвестиций, наиболее часто происходят сделки по выдаче кредитов на осуществление той или иной деятельности. Предоставление кредита, также

¹ Таблица составлена автором статьи на основе данных: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

осуществляется с учетом некоторых условий, которые были бы выгодны Китайской стороне. Например: кредиты выдаются с низкими процентами от 1 до 3%, на срок примерно до двадцати лет. При случаях, когда государство не может выплатить кредит в срок, Китай предоставляет «благородную» возможность расплатиться не деньгами, а самими природными ресурсами.

Отсюда следует, что в настоящий момент, абсолютно все страны Центральной Азии, а также и другие государства пояса и пути являются должниками Китая. Наглядным примером может послужить Кыргызская Республика, долг которой перед Китаем составляет примерно 30% от ВВП страны. Данная тенденция приобретения некой зависимости экономик государства региона, с последующим развитием инициативы ОПОП, будет только ухудшаться, но в тоже время при отказе стран от экономической поддержки Китая, это окажет еще худшее влияние на национальные экономики данных государств, и вряд ли они смогут это пережить.

Еще одним аспектом, благодаря которому Китай может получить экономические выгоды от Центральной Азии, являются условия финансирования проектов, осуществляющихся в рамках инициативы ОПОП. Условия заключаются в следующем:

1. Главным подрядчиком при осуществлении того или иного проекта всегда должна быть китайская компания;
2. Государство, в котором реализуется проект, в обязательном порядке должно выделить определенное количество рабочих мест для китайских работников;
3. Строительные материалы и оборудование также должны быть китайского производства, за счет чего компании в Китае получают больше заказов. Также данные материалы имеют возможность завозиться в государства ЦА без каких-либо пошлин и налогов.

Таким образом, Китай получает значительные выгоды практически от каждого проекта ОПОП, даже осуществляемого за рубежом, так как

фактически вся деятельность по реализации осуществляется китайскими национальными компаниями.

Еще одной важной особенностью, представляющей экономический интерес для Китая и инициативы ОПОП, это возможность расширения использования юаня за рубежом и проникновения этой национальной валюты в страны Центральной Азии. Данная возможность, хоть и малыми шагами, но осуществляется посредством заключения своп-соглашений, т. е. соглашений по обмену национальных валют государств на юань, такого рода соглашения подписаны уже с четырьмя из пяти стран региона. Помимо этого, практически половина выделяемых Китаем и ОПОП кредитов, предоставляется в юанях.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть основные направления деятельности Экономического пояса шелкового пути в рамках инициативы ОПОП в Центральной Азии, которые одновременно являются интересами, приносящими свои выгоды:

1. Строительство транспортной инфраструктуры, облегчающей перевоз и доставку различных товаров, в первую очередь китайского производства, на международные рынки Ближнего, Среднего Востока, Азии и Европы.
2. Облегчение деятельности предпринимателей, как китайских, так и других государств, и потока туристов, путем упрощения процедур, таможенного и визового характера, что в свою очередь способствует увеличению объемов сотрудничества.
3. Увеличение товарооборота между государствами участниками инициативы.
4. Укрепление позиций юаня, путем расчетов по проектам именно в национальной валюте и ослаблений позиций доллара.
5. Развитие ресурсо-добывающей отрасли, и налаживание беспрепятственного экспорта сырья (нефти, газа, золота) из региона, преимущественно в КНР.

Все перечисленные аспекты позволяют говорить о том, что инициатива, направленная на многостороннее развитие и получение выгод всеми ее участниками, хоть

и выполняет свои функции, но все же нельзя отрицать тот факт, что основной упор ставится на экономическое развитие именно самого инициатора, то есть Китая. Таким образом, все имеющиеся интересы и цели ОПОП, направленные на регион Центральной Азии и других участников, так или иначе всегда влияют и на Китай.

Тем самым можно прийти к выводу, что экономические интересы являются первоочередными и определяют направление политических интересов и основные направления внешней политики Китая по отношению к Центральной Азии.

Политические интересы.

Помимо значительных экономических интересов Китая и инициативы ОПОП, в частности, в Центрально-Азиатском регионе, существуют и достаточно значительные политические, а также геополитические преимущества, которые регион может предоставить инициативе. Данный аспект стал более ощутимым, благодаря современным процессам по смене мирового центра тяжести в направлении АТР, что впоследствии увеличило значимость региона Центральной Азии во многих сферах, в том числе и политической, так как регион является геополитическим центром всего Евразийского континента.

Все пять стран центральной Азии, на сегодняшний момент являются достаточно важными игроками на мировой политической арене, что в какой-то мере объясняется их географическим расположением. То есть регион расположен между несколькими глобальными политическими игроками, такими как Россия, Китай, Европейский Союз а также регионы Западной Азии и Южной, что за время независимости, значительно воздействовало и на становление культурной и политической составляющей этих стран, так как происходило некое смешение и периодическое изменение сфер влияния данных государств на Центральную Азию. Помимо этого, регион объединяет перечисленные государства своими сухопутными маршрутами, что позволяет ЦА занимать немаловажную роль в политических процессах современности.

Исключением не стал и Китай, который на протяжении сотен лет связан с регионом как историческим, так и территориальным взаимодействием. А с началом работы инициативы «Один пояс-один путь», это взаимодействие приобрело новый вектор развития.

В политическом плане, Центральная Азия имеет стратегически важное значение, для двух глобальных держав, таких как: Китай и Россия, которых объединяет общее стремление по недопущению усиления влияния США в регионе.

Говоря исключительно о Китайской Народной Республике и ее инициативе пояса и пути, то в областях, так или иначе касающихся политики, Пекин имеет несколько определяющих интересов в регионе ЦА. К ним относятся:

1. Геополитика, то есть выгодное расположение региона на континенте, которое может влиять на положение дел в Китае, а также на стремление Китая в повышении своего влияния в регионе.

2. Присутствие в регионе интересов других глобальных держав, России и США.

3. Вопросы безопасности, к которым относятся, обеспечение безопасности государственных границ, контроль соседних государств в вопросах невступления в военные блоки, настроенные против КНР, а также недопущение сепаратизма Синцзян-уйгурского автономного округа.

Далее следует рассмотреть указанные пункты более подробно.

Говоря о важности географического расположения ЦА, необходимо отметить что, так как западные регионы КНР, в том числе и СУАР, граничат с Центральной Азией, в основном с ее восточными регионами, во многих стратегических документах инициативы ОПОП, таких как «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового Пути XXI века», ни раз отмечена необходимость и важность использования такого рода соседства и развития интенсивного сотрудничества в различных сферах, путем создания научно-образовательных центров, транспортных узлов, а также центров бизнеса и логистики.

Данный аспект, делает страны Центральной Азии, объектом, на который направлена так называемая «периферийная дипломатия» Китая, с помощью которой государство может добиться своих намеченных целей, что также прописано в осуществляемой Пекином политике «марш на запад», где Центральная Азия выступает первой основательной остановкой [Синь 2012: 65].

Также выгодное геополитическое расположение ЦА, позволяет Китаю держать под контролем и регулировать вопросы безопасности границ, в основном это касается установления стабильности на приграничных территориях, содействие в установлении и укреплении мира и стабильности, а также экономического развития для всех стран участниц ОПОП.

Главным важным аспектом, который ОПОП видит в Центральной Азии, является ее исключительное военно-стратегическое положение и совместная борьба против «трех зол», терроризма, экстремизма и сепаратизма, которая направлена на недопущение их распространения в государствах инициативы, и на поддержание стабильности в регионах склонных к отделению, таких как Синьцзянь и Тайвань. Поэтому Китай старается оказывать всяческую помощь Центральной Азии в сохранении стабильности в регионе, который за последнее десятилетие стал одним из важнейших участников политических, военных, а также торгово-экономических отношений, так как от безопасности этого региона, граничащего с такими опасными странами как Афганистан, Ирак и Пакистан, зависит и безопасность самого Китая. Данная идея даже прописана в Китайской стратегии о стабилизации окружающей среды, как одно из приоритетных направлений [Чанцин 2007: 36-39]. Таким образом, поддержание стабильной, безопасной обстановки в Центральной Азии, считается одним из важнейших интересов инициативы ОПОП в области региональной безопасности.

Что касается интересов других внешнеполитических игроков в Центральной Азии, можно сказать, что ЦАР, всегда являющаяся завидным полем для проникновения и регулирования какими-либо международными игроками и

выдвигаемыми ими инициативами, после распада СССР, в частности, в каком-то смысле пустовала. В тоже время Китай, ощутил острую нехватку пространства для своих многочисленных производств и проектов, и практически вынужден был направить свой взор на центрально-азиатский регион, и заполнить своими перспективами временно забытыми другими глобальными державами государства ЦА. В этом плане отчетлива видна роль инициативы ОПОП, наряду с которой, некоторые осуществляемые проекты в ЦАР таких стран как Турция или Европейский Союз, не выдерживали конкуренции и сбавляли активное присутствие в регионе [Парубочая 2016:147-151].

Таким образом Китай, и созданная практически в этих целях ОПОП, уже стал одним из основных политических, экономических и военных союзников региона, вытесняя при этом таких основных конкурентов как США и Россия. Но если в первом случае ему это хорошо удается, то в случае с Россией, Пекин пока не достиг таких целей и действует в сотрудничестве с ней, так как понимает, что Россия, в любом случае, остается главным партнером и другом ЦА, в связи с исторической взаимосвязанностью. Также такое сотрудничество с Россией, не противоречит, а наоборот только способствует планам Пекина по обеспечению в регионе Центральной Азии стабильности, поддержанию дружеских и взаимовыгодных отношений и устранению общего конкурента в лице США. Таким образом, Китай и Россия сумели, некоторым образом, договориться о сферах влияния в ЦА, где Китай усиливает сотрудничество в сфере экономики, а Россия направляет свое влияние на культурную, военную и политическую сферы [Bitabarova 2018: 149-173]. В подобных условиях, Китай научился максимально продуктивно осуществлять свою внешнюю политику в рамках ОПОП, продвигая при этом свои национальные интересы. Это стало достаточно легко осуществимым, благодаря тому что, политическая модель, осуществляемая в регионе и преемственная у СССР, довольно близка и самому Китаю, в идеологическом плане, в частности, то есть

для правительства Китая она более понятна и легко прогнозируемая, нежели чем для политических элит развитых западных стран.

Также, существуют мнения экспертов о желании Турецкой Республики интегрироваться с государствами Центральной Азии и другими тюркскими народами, в целях возрождения глобальной турецкой державы, которая бы существовала в качестве единого актора на международной арене [Мкртычян 2014], что также выступает в качестве катализатора усиления влияния Китая в регионе, для противодействия турецким амбициям.

Пять стран Центральной Азии, действительно, играют значительную роль в региональном сотрудничестве с соседними странами, которое тем или иным образом влияет и на всю мировую политику. Основными аспектами такого влияния и важности центрально-азиатских стран преимущественно для такой масштабной инициативы, как «Один пояс-один путь» является:

- их развитие и активное участие во множестве международных и региональных организациях;

- страны, находящиеся в центре Евразии, выступают в качестве поддержания международного баланса, которые также связывают государства политическим и экономическим сотрудничеством и дают возможность для диверсификации данных отраслей;

- Поддержание мира, стабильности и безопасности в регионе и недопущение проникновения терроризма в Азии и Европе, путем борьбы с международным терроризмом, экстремизмом, национализмом и преступностью.

Данные аспекты позволяют говорить о возрастающей роли и влияния Центрально-азиатских государств в процессе становления меняющегося международного и экономического миропорядка, что действительно важно и необходимо для целей, реализуемых инициативой пояса и пути.

В целом, в сфере политической направленности, Китая видит Центральную Азию, как поле для сотрудничества в рамках

ОПОП, при котором у Китая было бы больше возможностей для укрепления взаимосвязей с внешними, развитыми государствами, а также для получения максимальных выгод от процессов глобализации. В данном контексте, в настоящее время, при динамично меняющейся политической обстановке в мире и в регионе ЦА, в частности Китай считает необходимым иметь четкое представление и понимание большинства политических процессов, как внутренних, так и внешних, происходящих в регионе. В этой связи, правительством Китая, за последние несколько лет были созданы около девяти аналитических центров, концентрирующихся на изучении именно государств Центральной Азии, что в последствии даст им квалифицированных специалистов в полной мере разбираясь во всех сферах деятельности стран ЦА, что в свою очередь позволит использовать еще более продуманную и эффективную политику.

В общем и целом, все политические интересы Китая, а вместе с ним и инициативы ОПОП, сводятся к следующему: сохранение собственного суверенитета, противостояние западному напору, обострившемуся в последнее время, создание новой концепции международной безопасности, а также пропаганда более сбалансированного и диверсифицированного развития региона и мира.

Опираясь на все вышесказанное, можно сделать вывод, что в целом само создание инициативы «Один пояс-один путь» и активное взаимодействие с соседствующими странами, в том числе и с Центральной Азией, подразумевалось не только как один из самых масштабных инфраструктурных проектов, но и как возможность перенаправить центр мирового развития в сторону Китая, где страны преимущественно Центральной Азии, выступали бы главной опорой способствующей образованию развитого китаецентричного региона с азиатской составляющей.

Но, говоря о присутствии Китая в регионе, необходимо отметить, что несмотря на существующее достаточно сильное экономическое проникновение в Центральную Азию, Пекин вряд ли настроен

на ее полное политическое переформатирование. При этом, следует признать, что несмотря на упор Китая и Инициативы ОПОП именно на экономическое развитие, Китай в любом случае, является одним из главных внешнеполитических игроков в регионе Центральной Азии. В достижении данной цели, а также в получении неограниченного доступа к центрально-азиатским энергоресурсам и призвана служить инициативе «Один пояс – один путь».

Подводя итог данной статьи, освещающей интересы Китая и его инициативы пояса и пути в Центральной Азии, можно прийти к выводу, что Китай действительно имеет особенный интерес в данном регионе, в особенности в связи с его постоянно увеличивающимися экономическими интересами, потребностями в энергетических ресурсах, новых транзитных развязок, и вопросах

безопасности. В этой связи Китай считает выгодным снизить преобладающую роль России, интеграционные амбиции Турции и оттеснить интересы США. И это действительно достаточно хорошо удается правительству Китая, которое увеличивает экономическую и политическую мощь страны посредством деятельности инициативы ОПОП. Таким образом, Китай за последние несколько лет стал одним из основных геополитических акторов, способным оказывать влияние на формирование как экономического, так и политического положения в регионе. И несмотря на многостороннюю направленность и большое количество участвующих стран в инициативе пояса и пути, очевидно, что, благодаря, данной инициативе Китай, уверенными шагами движется в сторону экономической и политической гегемонии в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bitabarova, A.* Unpacking Sino-Central Asian Engagement Along the New Silk Road: a Case Study of Kazakhstan // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. – 2018. – 7:2. – P. 149-173.
- Chen, X.* Re-centering Central Asia: China's «New Great Game» in the Old Eurasian Heartland / X. Chen, F. Fazilov // *Palgrave Communication* 2018. – №4, 71.
- Martyntenko S.E., Parkhitko N.P.* Russian-Chinese cooperation in Central Asia in the context of Belt and Road Initiative: Historical retrospective and economic prospects. *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 845-864.
- Курьлев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Ли Синь.* Экономические интересы России и Китая в Центральной Азии: сравнительный анализ // *Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика*. 2012. № 3. С. 65
- Мкртычян А.А.* 2014. Особенности внешнеполитической стратегии и ближневосточная политика Турции в условиях геополитических трансформаций. – Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах: материалы международной конференции, г. Москва, 2 апреля 2014 г. (под ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко). М.: МГИМО(У).
- Парубочая Е.Ф.* 2016. Интеграция тюркского мира на современном этапе. – Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6(68). В 2 ч. Тамбов: Грамота. Ч. 1. С. 147-151
- Хаджиева, Г.У.* Шанхайская организация сотрудничества: экономические взаимоотношения стран Центральной Азии и Китая / Г.У. Хаджиева // *Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. – 2013. – № 4 (6). – С. 32–37.
- Чжао Чанцин.* 2007. Переплетение интересов великих держав в Центральной Азии // *Журнал мира и развития*. № 2. С. 36-39. С. 36.

References

- Bitabarova, A.* Unpacking Sino-Central Asian Engagement Along the New Silk Road: a Case Study of Kazakhstan // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. – 2018. – 7:2. – P. 149-173.

- Chen, X.* Re-centering Central Asia: China's «New Great Game» in the Old Eurasian Heartland / Н. Chen, F. Fazilov // Palgrave Communication 2018. – №4, 71. [Elektronnyi resurs]– Rejim dostupa: www.nature.com/articles/s41599-018-0125-5#Fn15
- Chjao Chansin.* 2007. Perepletienie interesov velikih derjav v Sentralnoi Azii // Jurnal mira i razvitija. № 2. S. 36-39. S. 36
- Hadjieva, G.U.* Şanhaiskaja organizacija sotrudnichestva: ekonomicheskie vzaimootnoşeniya stran Sentralnoi Azii i Kitaja / G.U. Hadjjeva // Vestnik UGUES. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Serija: Ekonomika. – 2013. – № 4 (6). – S. 32–37.
- Kurylev K.P., Martynenko E.V.* Rossijsko-kitajskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta «odin pojas, odin put'». Faktor EAES i SHOS // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoşenij. 2019. T. 9. № 11 (56). S. 1937-1948.
- Li Sin.* Ekonomicheskie interesy Rossii i Kitaja v Sentralnoi Azii: sravnitelnyi analiz // Vestnik SPbGU. Serija 5. Ekonomika. 2012. № 3. S. 65
- Mkrtychjan A.A.* 2014. Osobennosti vneşnepoliticheskoj strategii i bližnevostochnaja politika Tursii v uslovijah geopoliticheskikh transformasii. – Tursija: novye realii vo vnutrennei politike i uchastie v regionalnyh geopoliticheskikh proessah: materialy mejdunarodnoj konferensii, g. Moskva, 2 aprelya 2014 g. (pod red. V.A. Avatkova, S.B. Družilovskogo, A.V. Fedorchenko). M.: MGİMO(U).
- Parubochaja E.F.* 2016. İntegracija trkskogo mira na sovremennom etape. – İstoricheskie, filosofskie, politicheskie i ridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. № 6(68). V 2 ch. Tambov: Gramota. Ch. 1. S. 147-151.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абубакирова Диана Бакытжановна, Abubakirova Diana Bakytzhanovna,
магистр в области международных отношений РУДН. Master of International Relations of the RUDN University.

Цифровой шёлковый путь, как составляющая инициативы «Один пояс – Один путь»

А. Р. Соломатина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

1032140863@rudn.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема проекта «Цифрового Шелкового пути». КНР начинает превращаться в настоящую инновационную державу и обладает значительными экономическими, военными и технологическими возможностями, которые увеличивают её национальную мощь. В современном мире цифровая экономика является не только катализатором экономического роста, но и гарантом его качества. «Она преобразует и модернизирует реальные секторы экономики, способствует развитию предпринимательства и инноваций». Китай, осознавая современные реалии, считает развитие своей цифровой экономики неотъемлемым компонентом китайской стратегии по обеспечению будущего процветания и достижения «китайской мечты». Поскольку цифровая экономика Китая становится важнейшим фактором будущего роста, активное использование современных технологий, включая большие данные, спутниковую навигацию, искусственный интеллект и квантовые вычисления, позволит ему процветать в ходе нынешней четвертой промышленной революции. Китайская экосистема цифровой экономики быстро развивается: она опередила остальной мир благодаря быстрому переходу на электронные платежи и стала крупнейшим в мире рынком электронной коммерции. В этой связи, появилась необходимость цифровизации масштабного проекта КНР «Один пояс – Один путь». Поэтому следуя современным тенденциям цифровизации экономики и общества, в рамках ОПОП выдвигается проект «Цифрового Шёлкового пути». Проект нацелен на развитие электронной торговли вдоль ОПОП, а также предполагает внедрение на маршруты Нового Шёлкового пути новейших технологий, таких как интернет, технологии больших данных, спутниковая навигация, облачные вычисления и искусственный интеллект. Реализация проекта «Цифрового Шёлкового пути» будет способствовать достижению крепкой взаимосвязи между странами ОПОП и поможет Китаю усилить свое геополитическое влияние. Тем самым, проект ЦШП призван содействовать развитию и реализации китайской инициативы «Пояса и Пути», а значит и достижению «китайской мечты» в целом.

Ключевые слова: Цифровой Шелковый путь, Один пояс – Один путь, Китай, цифровизация.

Для цитирования: Соломатина А.Р. Цифровой шёлковый путь, как составляющая инициативы «Один пояс – Один путь». Постсоветские исследования. 2021;4(4):296–307.

Digital Silk Road as a component of the «Belt and Road initiative»

Anastasia R. Solomatina

RUDN University, Moscow, Russia

1032140863@rudn.ru

Abstract. The article deals with the problem of the "Digital Silk Road" project. The PRC is beginning to develop into a true innovative power and has significant economic, military and technological capabilities that increase its national power. In the modern world, the digital economy is not only a catalyst for economic growth, but also a guarantee of its quality. "It transforms and modernizes the real sectors of the economy, promotes entrepreneurship and innovation." China, aware of the current realities, considers the development of its digital economy an integral component of the Chinese strategy to ensure future prosperity and achieve the "Chinese dream". As China's

digital economy becomes a critical driver of future growth, the active use of modern technologies, including big data, satellite navigation, artificial intelligence, and quantum computing, will enable it to thrive during the current fourth industrial revolution. China's digital economy ecosystem is growing rapidly: it has outperformed the rest of the world with its rapid transition to electronic payments and has become the world's largest e-commerce market. In this regard, there is a need to digitalize the large-scale project of the People's Republic of China "Belt and Road initiative". Therefore, following the current trends of digitalization of the economy and society, the project "Digital Silk Road» is being put forward within the framework of the BRI. The project is aimed at developing e-commerce along the BRI, and involves the introduction of the latest technologies, such as the Internet, big data technologies, satellite navigation, cloud computing and artificial intelligence, on the routes of the New Silk Road. The implementation of the Digital Silk Road project will contribute to the achievement of a strong relationship between the countries of the BRI and will help China to strengthen its geopolitical influence. Thus, the CSC project is designed to promote the development and implementation of the Chinese Belt and Road Initiative, and thus the achievement of the " Chinese dream" as a whole.

Keywords: Digital Silk Road, Belt and Road initiative, China, digitalization.

For citation: Solomatina A. R. Digital Silk Road as a component of the «Belt and Road initiative» Initiative. Post-Soviet studies. 2021;4(4):296–307.

Содержание и значение проекта Цифрового Шёлкового пути. Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин неоднократно заявлял о своем намерении превратить Китай в «интернет-сверхдержаву» или «кибер-сверхдержаву». Данный термин (网络强国 wǎngluò qiángguó) впервые прозвучал еще в 2014 г. на первом заседании специально созданной руководящей группы по информатизации и кибербезопасности КНР под руководством председателя Си.

В настоящее время Китай становится мощной технологической сверхдержавой. В условиях замедления темпов экономического роста Пекин рассматривает подъем цифровой экономики Китая, в качестве ключевого фактора будущего развития, который также поможет укрепить легитимность политического режима в стране. Поскольку Китай проводит стратегию развития, которая сосредоточена на продвижении технологических инноваций, борьба за лидерство в информационных технологиях следующего поколения, особенно в области искусственного интеллекта, также является одним из основных приоритетов проводимой политики. Таким образом, Китай видит кибернетическое и технологическое развитие страны, как важнейший компонент его «всеобъемлющей национальной мощи».

Нельзя не отметить, что такой курс развития играет особенно важную роль в условиях четвертой промышленной революции. В современном мире технологический фактор напрямую влияет на экономическое развитие государства, и таким образом экономическое превосходство страны зависит от её успехов в технологическом и инновационном развитии. Примерами чего являются три предыдущие промышленные революции.

Так, первая промышленная революция, произошедшая в начале XVIII — середине XIX в., сыграла важную роль в становлении Великобритании как мирового лидера в области промышленности, ключевого игрока «в мировой торговле и колониальной экономике» [Хейфец 2020]. Вторая промышленная революция, которая произошла в период с 1870 г. по 1904 г., позволила Соединенным Штатам Америки занять позиции лидера, благодаря активному внедрению различных инновационных технологий и переходу к массовому производству. В свою очередь, третья промышленная революция, затронувшая конец XX в. и начало XXI в., способствовала экономическому развитию стран, которые активно внедряли автоматизацию и компьютеризацию. Благодаря своему инновационному и технологическому развитию, в этот период появились так

называемые «азиатские тигры» - Южная Корея, Сингапур, Тайвань и Гонконг. Четвертая промышленная революция, которая вступила в активную фазу с 2010 г. и происходит по сей день, определяется технологическими и инновационными прорывами, которые обусловлены «развитием и слиянием цифровых, физических и биологических технологий» [Хейфец 2020]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в современном мире странам необходимо опираться на технологические инновации для достижения долгосрочных целей экономического развития и процветания, а также для достижения лидирующих позиций на мировой арене и статуса сверхдержавы. Именно поэтому Китай, осознавая все реалии современно мира, активно осуществляет цифровизацию своей экономики.

Так, отчет цифровизации в Китае можно начинать с 2012 г., именно в этом году в XII пятилетний план вошел проект по облачным вычислениям, которые признавались важным фактором в развитии промышленности. Также в последние годы правительство Китая выдвинуло ряд концепций и государственных программ для содействия развитию цифровой экономики страны. Наиболее масштабными являются стратегия «Сделано в Китае 2025» и стратегия «Интернет +», о них было объявлено на Всекитайском народном собрании в 2015 г.

Стратегия «Сделано в Китае 2025» направлена на «модернизацию обрабатывающей промышленности на основе императивов четвертой промышленной революции с ликвидацией старого промышленного фундамента» [Ижу Лю, Авдокушин 2019]. В рамках стратегии за 10 лет предполагается достичь успешного развития в десяти ключевых сферах, таких как информационные технологии, сельскохозяйственная техника, энергетическое оборудование и энергосбережение, современные станки и робототехника, оборудование для железнодорожного транспорта и другие. Ключевыми направлениями в секторе информационных технологий являются «большие данные, облачные вычисления,

индустриальный интернет, искусственный интеллект, технологии мобильной связи пятого поколения - 5G, виртуальная реальность, «умные» города» [Перская, Ревенко 2020]. Основными целями стратегии являются внедрение отечественных инновационных технологий в промышленность, уменьшение зависимости страны от зарубежных технологий и становление КНР как великой промышленной державы. Успешная реализация стратегии также позволит Китаю упрочнить свои позиции как лидера в высокотехнологических отраслях. Стратегия «Сделано в Китае 2025» выступает основным ориентиром в реализации цифровизации экономики и общества КНР.

Концепция «Интернет +» направлена на цифровизацию производства и его «онлайнизацию» за счет внедрения интернет-технологий, облачных технологий, технологий «интернета вещей» и технологий обработки большого объема информации в традиционные отрасли экономики. В рамках концепции интернет выступает основой развития всех отраслей экономики. Планируется, что концепция «Интернет +» станет к 2025 г. основным катализатором социально-экономического развития в стране. Стоит отметить, что данная концепция является неким ответом на аналогичные стратегии, реализуемые в Германии («Индустрия 4.0») и США («Промышленный интернет»). Модель «Интернет +» – это «определенная революция в экономическом мышлении, поскольку она порождает новые отношения в обществе и экономике, поднимая их на более высокий уровень технологического и интеллектуального развития» [Лю Ижу 2020].

Еще одной фундаментальной основой цифровизации в Китае выступает Государственная стратегия инновационного развития, принятая в 2016 г. В рамках данной стратегии ключевым фактором в развитии выступают инновационные технологии. Стратегия инновационного развития, рассчитанная до 2050 г., нацелена на «полную цифровую трансформацию национальной экономики и лидерство Китая

в цифровизации глобальной экономики» [Лю Ижу 2020].

Именно на этих основополагающих стратегиях реализуется цифровизация национальной экономики КНР и осуществляется переход к глобальной цифровой системе.

В реалиях современного мира, когда на фоне четвертой промышленной революции для дальнейшего развития экономики необходимо опираться на инновационные технологии, когда происходит борьба за лидерство в высокотехнологических отраслях, Китай чётко осознает, что достижение «китайской мечты» и строительство «единой судьбы человечества» невозможны без цифровизации такой глобальной инициативы Китая, как «ОПОП».

Так, за время концептуальной разработки, практического развития и реализации ОПОП, стала очевидной необходимость дополнить инициативу новым инновационным и цифровым направлением. Поэтому следуя современным трендам в формировании и развитии цифрового будущего мирового сообщества, а также ввиду перехода на платформу четвертой индустриальной революции, была выдвинута модель «Цифрового Шёлкового пути».

О выдвижении проекта «Цифрового Шёлкового пути» было объявлено на Форуме международного сотрудничества «Пояс и Путь» в мае 2017 г. В своей речи председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что инициатива ОПОП должна стать «дорогой инноваций», а именно «Цифровым Шёлковым путем XXI века». По его словам, за время реализации «Пояса и Пути» Китай «приложил видимые усилия по созданию интеллектуального Шелкового пути»¹. Си Цзиньпин также призвал к дальнейшему внедрению в «ОПОП» инновационных технологий следующего поколения, таких как нанотехнологии, квантовые вычисления, искусственный интеллект, умные города, технологии больших данных и облачных вычислений для содействия

инновационному развитию вдоль Нового Шёлкового пути.

Проект «Цифрового Шёлкового пути» и его реализация являются прямым продолжением всей стратегии по цифровизации экономики страны и инновационного развития Китая. Как отмечается в докладе, «посвященном анализу проекта «Один пояс - Один путь » 2018 г., «Цифровой Шёлковый путь» представляет собой симбиоз цифровой экономики с инициативой ОПОП» [Ижу Лю, Авдокушин 2019]. Таким образом, можно сделать вывод, что «Цифровой Шёлковый путь», опираясь на фундаментальные государственные стратегии «Сделано в Китае 2025», «Интернет +» и Государственную стратегию инновационного развития 2016 г., ставит своей целью не только цифровизацию инициативы «Пояс и Путь», но и продолжает формирование национальной инновационной системы Китая.

Необходимо отметить, что проект «Цифрового Шёлкового пути» находится в стадии активной разработки и в настоящее время реализуется начальный этап его строительства, так как окончательное одобрение китайского руководства проект получил только в 2017 г.

Значительные достижения Китая в области электронной коммерции, искусственного интеллекта, финансовых технологий и других инновационных технологий имеют решающее значение для осуществления цифровизации на Новом Шёлковом пути. Так, «Цифровой Шёлковый путь» являясь важнейшим компонентом инициативы «Один пояс - Один путь» нацелен на цифровизацию всех ключевых направлений деятельности и сотрудничества в рамках ОПОП. Китайский «Цифровой Шёлковый путь» — это многоуровневый проект, направленный на превращение инициативы «Пояс и Путь» в высокотехнологичную и инновационную сеть за счет обмена технологиями, знаниями и культурой. Ожидается, что страны вдоль Нового Шёлкового пути будут сотрудничать

¹ «Один пояс, один путь»: полный текст речи Си Цзиньпина // Интернет-портал ИноСми. URL:

<https://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html> (дата обращения 07.05.2021)

в области новых технологий для общего инновационного развития и процветания.

В рамках проекта «Цифрового Шёлкового пути» планируется создание цифровой и телекоммуникационной инфраструктуры следующего поколения по всему миру, от проектов в области телекоммуникаций и умных городов в Азии и Африке до проектов 5G связи в Европе.¹ Этот проект имеет значительные выгоды и преимущества, поэтому обладает очевидной привлекательностью для стран вдоль «Пояса и Пути».

Опираясь на научные статьи и публикации, публичные заявления официальных лиц, публикации в средствах массовой информации, можно выделить три основных направления реализуемых в рамках ЦШП, которые при помощи цифровых технологий будут содействовать достижению более эффективного сообщения между странами, развитию инфраструктуры и логистики, а также общему социально-экономическому процветанию.

Первым и основным направлением ЦШП является электронная торговля. Она выступает важнейшим элементом реализации «Цифрового Шёлкового пути» и играет определяющую роль в цифровизации глобальной экономики. Китайские гиганты в сфере электронной коммерции, такие как «Alibaba», «Tencent», «Huawei» и «JD.com» уже подтвердили свое участие в проектах в рамках ЦШП. Так, компания «JD.com» заявила о своем намерении создать более 20 складов для хранения и передачи различных товаров более чем из 100 стран и регионов, включая страны вдоль «Пояса и Пути».² А основатель «Alibaba» Джек Ма заявил, что для компании страны вдоль ОПОП являются одним из приоритетных направлений торговли.

«В 2019 г. оборот электронной торговли в Китае составил около 1,08 трлн. юаней и продолжает расти, при этом Китай захватил почти 56 % мирового онлайн-ритейла. По итогам 2020 г. ожидается, что объем китайской трансграничной интернет-

торговли вырастет до 1,295 трлн. юаней за счет ограничений посещения гипермаркетов в условиях продолжающейся пандемии Covid19 во всем мире» [Лю Ижу 2020].

Реализация «Цифрового Шёлкового пути» позволит китайским корпорациям выйти на новые прибыльные рынки, особенно в Южной и Юго-Восточной Азии. В этой связи китайская стратегия осуществления электронной торговли в рамках ЦШП предлагает создание зон для свободной трансграничной электронной коммерции, а также создание маркетплейсов и маркетспейсов.

Цифровые зоны свободной торговли создаются для снижения издержек, связанных с международными перевозками и трансграничной торговлей. Так, компания Alibaba в 2017 г. установила партнерство с Малайзией, создав первую цифровую зону свободной торговли в рамках ЦШП, которая включает в себя региональный логистический центр, обслуживающий Юго-Восточную Азию, платформу электронной коммерции и цифровую платежную систему. Такое партнерство поможет Малайзии стать одним из крупнейших логистических центров региона, а также даст возможность любым компаниям страны покупать и продавать вещи по всему миру.

Стоит также отметить, что расширение электронной торговли и трансграничных транзакций на региональном уровне имеет дополнительное преимущество для Китая, так как они ускоряют интернационализацию юаня. Поскольку юань все чаще используется для трансграничных операций, он ослабляет способность США распространять свое влияние за рубежом с помощью международных финансовых инструментов, таких как санкции.

Также в рамках «Цифрового Шёлкового пути» Китай расширяет использование своих мобильных платежных приложений (Alipay и WeChat Pay), предоставляя возможность осуществления быстрых мобильных платежей вдоль ОПОП за счет данных платежных систем. Китайская система

¹ John Chipman, 'China's long and winding Digital Silk Road' // IISS. 2019. URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2019/01/china-digital-silk-road> (дата обращения 08.05.2021)

² Rachel Brown, Beijing's Silk Road Goes Digital // Council on Foreign Relations. 2017. URL: <https://www.cfr.org/blog/beijings-silk-road-goes-digital> (дата обращения 08.05.2021)

электронных платежей Alipay «установила прямое присутствие или работает через местных операторов в более чем 40 странах Европы и Азии, включая Пакистан, Бангладеш и Индию» [Хейфец 2020].

Однако стоит учитывать, что стремительный рост внешней и электронной торговли выявил необходимость серьезных изменений транспортно-логистической системы ОПОП. Одной из проблем, стоящих перед маршрутами «Пояса и Пути», являются задержки, часто вызванные длительными таможенными процедурами, проверками безопасности и необходимостью смены поездов в соответствии с различными стандартами. Автоматизация таможенных процедур с помощью IT-проектов «Цифрового Шёлкового пути» может значительно сократить время ожидания товаров европейским или китайским заказчиком. Осуществление быстрой доставки товаров по маршрутам ОПОП станет одним из важнейших условий роста электронной торговли Китая.

Вторым направлением, реализуемым в рамках «Цифрового Шёлкового пути», можно назвать строительство новейшей инновационной инфраструктуры вдоль ОПОП. Посредством реализации «Цифрового Шёлкового пути» Китай стремится стать мировым лидером в создании и обеспечении инфраструктуры в цифровой сфере, которая включает в себя сотовые сети следующего поколения, а именно технологию 5G; волоконно-оптические кабели, используемые для передачи данных через интернет; а также центры обработки данных, используемые для хранения данных. В рамках реализации ЦШП китайские государственные предприятия и частные корпорации вкладывают значительные средства в развитие данных областей цифровой инфраструктуры. Непрозрачный характер китайских иностранных инвестиций затрудняет точное определение их масштабов, однако, по данным Международного института стратегических

исследований, Китай «участвует в проектах цифровой инфраструктуры примерно в 80 странах и инвестировал около 79 млрд долл. в проекты «Цифрового Шелкового пути» по всему миру».¹

Помимо новых железных дорог, портов и электростанций, еще одним приоритетным направлением ЦШП в развитии инфраструктуры являются волоконно-оптические кабели. Китайские государственные предприятия и крупные технологические корпорации, включая China Telecom, China Unicom и China Mobile уже начали проведение вдоль ОПОП подводных и наземных волоконно-оптических кабелей, которые передают огромные объемы информации через интернет. Среди таких проектов стоит выделить, проект 2017 г. в рамках Китайско-Пакистанского экономического коридора, одного из шести экономических коридоров вдоль «Пояса и Пути», в рамках которого Китай начал прокладывать волоконно-оптические кабели через Пакистан в порт Гвадар, который впоследствии будет связан с Джибути подводными кабелями. Также стоит отметить проекты «4800-километровой волоконно-оптической линии, соединяющей город Кашгар в Китае с Файзабадом в Афганистане через Ваханский коридор; волоконно-оптический проект Юго-Восточная Азия – Ближний Восток – Западная Европа 5 (SEA-ME-WE 5) через Бенгальский залив; проект 25000-километровой линии Азия – Африка – Европа-1 (AAE-1), включающей кабель China Unicom, соединяющей Азию, Африку и Европу, и ряд других проектов» [Хейфец 2020]. Китай постепенно расширяет охват своей волоконно-оптической кабельной сети, завоевывая доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но важно заметить, что хотя наибольший объем китайских инвестиций в волоконно-оптические кабели приходится на АТР, китайские корпорации по-прежнему ориентированы на рынки далеко за пределами этого региона, поэтому Китай

¹ Clayton Cheney China's Digital Silk Road: Strategic Technological Competition and Exporting Political Illiberalism// Pacific Forum. 2019. Vol.19, p.4.

стремится стать лидером в этой области в Африке и на Ближнем Востоке. Таким образом, данные проекты не только улучшат цифровую связь в недостаточно обслуживаемых странах Центральной и Юго-Восточной Азии, но и значительно ускорят передачу данных из интернета, а также обеспечат прямой интернет-маршрут между странами ОПОП.

Также нельзя не отметить роль связи 5G в осуществлении цифровизации «Пояса и Пути». Развитие технологий новых мобильных сетей 5G, разрабатываемых по всему миру, значительно увеличат скорость передачи данных и уменьшат задержку, что необходимо для разработки новых приложений в этих сетях, таких как беспилотные автомобили, «Интернет вещей», искусственный интеллект и «умные» города.

Помимо сотовых сетей и волоконно-оптических кабелей, строительство центров обработки данных также является важным компонентом цифровой инфраструктуры в рамках «Цифрового Шёлкового пути». Китайские инвестиции в строительство центров обработки данных, в которых хранятся данные пользователей интернета, играют важную роль в обеспечении глобальной экспансии китайских компаний, так как они получают гораздо более легкий доступ к данным, хранящимся в этих центрах. В эпоху больших данных, когда доступ к данным обеспечивает определенные стратегические преимущества, инвестиции в центры обработки данных являются важным аспектом «Цифрового Шёлкового пути».

Еще одним направлением строительства цифровой инфраструктуры в рамках ЦШП является создание «умных городов». «Умные города» — это города «с интеллектуальной инфраструктурой и цифровым управлением всем городским комплексом с использованием интернета 5G» [Лю Ижу 2020] для улучшения функционирования всей деятельности внутри города от транспортных потоков до изменения климата и предупреждения преступности. В последние годы «ZTE» и «Huawei» активно реализуют проекты «умных городов» в таких странах, как Малайзия, Кения и Германия.

Главный директор по информации и стратегии «ZTE» Чэнь Цзе подчеркнул готовность компании к созданию «умных городов» по всему маршруту ОПОП. Данное направление поможет модернизировать города, повысить их эффективность и способствовать стандартизации в области информационных технологий.

Третьим направлением ЦШП является разработка передовых технологий. Китай сосредоточен на разработке передовых технологий, которые имеют важное экономическое и стратегическое применение. Двумя ключевыми технологиями являются спутниковые навигационные системы и искусственный интеллект. Эти передовые технологии будут использоваться в гражданских и военных целях, и послужат укреплению китайской мощи, как с экономической, так и с военной точки зрения.

В настоящее время Китай вкладывает значительные средства в свою собственную спутниковую навигационную систему, систему «BeiDou», которая укрепляет военный потенциал Китая и уменьшает любую зависимость от спутниковой навигационной системы, управляемой Министерством обороны США, как в случае с GPS. Кроме того, Китай призывает страны, участвующие в ОПОП, принять систему «BeiDou» в качестве средства укрепления интеграции и взаимной связи между странами «Пояса и Пути». Китай предлагает странам использовать систему «BeiDou» в качестве способа повышения эффективности инфраструктуры ОПОП, такой как железные дороги и автомагистрали, за счет использования китайской навигационной системы. Важно понимать, что, как и в случае реализации остальных компонентов ЦШП и ОПОП в целом, Китай посредством развития спутниковой навигационной системы стремится расширить свое экономическое и политическое влияние на международной арене. По мере того, как все больше стран будут подключены к системе «BeiDou», влияние Китая на эти страны будет расти. В условиях стратегической конкуренции между великими державами, сфера технологического развития станет важным источником глобальной власти.

Другой областью передовых технологий, которую Китай рассматривает как важный фактор своего возвышения на мировой арене, является развитие искусственного интеллекта. Китай осознает экономическую, военную и геополитическую важность, которую ИИ будет играть в формировании будущей международной среды. С военной точки зрения развитие в области технологий искусственного интеллекта, позволит стране расширить свои боевые возможности. Но, что играет важную роль для успешной реализации ОПОП, внедрение искусственного интеллекта поможет в обработке невероятно больших объемов данных, которые производит наше общество, что позволит использовать ИИ для прогнозирования и контролирования процессов в различных аспектах «Пояса и Пути», а также поможет упростить организацию различных логистических каналов.

Таким образом, можно сделать вывод, что передовые технологии, включая спутниковые системы и искусственный интеллект, являются важным направлением китайского «Цифрового Шёлкового пути». Способность КНР стать мировым лидером в этих технологиях окажет глубокое влияние на китайскую экономическую конкурентоспособность и военное развитие. Реализация «Цифрового Шёлкового пути» будет происходить по трём основным инновационным направлениям. Во-первых, ЦШП будет способствовать развитию электронной коммерции через цифровые зоны свободной торговли. Во-вторых, Китай в рамках ЦШП планирует содействовать распространению сотовой сети нового поколения, формированию центров обработки данных и проведению волоконно-оптических кабелей. И в-третьих, Китай считает необходимым внедрение в ОПОП передовых технологий, а именно спутниковой навигационной системы и искусственного интеллекта.

Важно отметить, что «Цифровой Шёлковый путь» имеет свои внутренние и внешние предпосылки. Внутреннее содержание «Цифрового Шёлкового пути» имеет пять основных пунктов. Китай надеется, что участие отечественных

цифровых игроков в ЦШП может уменьшить избыточные производственные мощности, способствовать глобальной экспансии китайских фирм, поддержать интернационализацию юаня, построить транснациональную инновационную сетевую инфраструктуру, ориентированную на Китай, и будет способствовать инклюзивной глобализации с поддержкой интернета. Всё это, на основе императивов четвертой промышленной революции, должно привести к глобальной цифровизации китайской экономики и общества, что в свою очередь превратит Китай в инновационную сверхдержаву.

Внешний же аспект, в первую очередь, предполагает цифровое сотрудничество КНР со странами вдоль ОПОП в реализации проектов инициативы, посредством чего Китай надеется расширить свое экономическое и политическое влияние, как в регионе, так и на мировой арене. Также еще одним важным фактором является соперничество между США и Китаем за глобальное и региональное влияние. Технологическое развитие и международные связи в цифровом пространстве будут играть решающую роль в определении исхода этого соревнования великих держав, которое в конечном итоге сформирует международный порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во всем мире.

В целом необходимо отметить, что современные реалии диктуют свои условия, которые нельзя игнорировать. Так, на фоне четвертой промышленной революции инновационные технологии становятся решающим фактором в социально-экономическом развитии, а также в конкуренции великих держав за глобальное и региональное влияние. В этой связи Китай активно реализует цифровизацию экономики и общества страны. Поскольку глобальная инициатива «Пояса и Пути» является одной из самых весомых внешнеполитических концепций Китая и неотъемлемой частью достижения великой «китайской мечты», то не возникает никаких сомнений в необходимости цифровизации ОПОП для её ускоренного развития и успешной реализации. Поэтому, на наш взгляд, формирование ЦШП становится совершенно

очевидным и обоснованным решением. В рамках ЦШП предполагается реализация значительного ряда проектов в таких направлениях, как электронная торговля, спутниковая навигация, Интернет, искусственный интеллект, квантовые вычисления, новейшая инфраструктура и многие другие. Это говорит о том, что ЦШП является не только инновационной составляющей инициативы «Пояса и Пути», но и ключевым аспектом всего процесса цифровизации экономики и общества КНР, а также выражает стремления Китая распространить свое влияние, как в регионе, так и на мировой арене в целом.

Реализация проекта «Цифрового Шёлкового пути». Проект «Цифровой Шёлковый путь», являясь одним из основных компонентов ОПОП, нацелен на цифровизацию инициативы посредством внедрения инновационных технологий в различные области деятельности на маршрутах «Пояса и Пути». По словам председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс – Один путь» должен стать «путем инноваций». Реализация проекта ЦШП является прямым продолжением программы инновационного развития Китая.

Для четкого понимания значения и целей «Цифрового Шёлкового пути» и инициативы ОПОП в целом, необходимо проанализировать практику внедрения инновационных технологий на маршрутах Нового Шёлкового пути.

Так, первым и ключевым направлением реализации ЦШП стала электронная торговля вдоль «Пояса и Пути». «Быстрое развитие Интернет-торговли в Китае способствовало тому, что эта отрасль занимает ведущее место по своим объемам не только среди азиатских стран, но и в мире» [Ижу Лю, Авдокушин 2019]. Поскольку ОПОП базируется на экономическом взаимодействии стран вдоль Нового Шёлкового пути, электронная торговля приобретает первостепенное значение для реализации всей инициативы, а также становится ключевым фактором развития экономик Китая и стран ОПОП.

На долю Китая приходится «более 40% всех транзакций в мире, а уровень внедрения электронной торговли (от общего объема розничных продаж) достигает 15%; в США этот показатель достигает 10%» [Джан Лунмэй 2019]. Как сообщает China Internet Network Information Center «за 2020 год объем розничной онлайн-торговли в Китае увеличился на 10,9% и составил 11,76 трлн юаней (1,82 трлн долл.)».¹

Стратегия развития электронной торговли в рамках ОПОП заключается в создании цифровых зон свободной торговли и маркетплейсов, которые ускорят развитие электронной коммерции вдоль «Пояса и Пути», помогут снизить издержки, связанные с международными перевозками, а также откроют новые рынки для китайских компаний.

Отметим, что такие мировые интернет-корпорации как «Alibaba», «Tencent» и «JD.com» уже присоединились к реализации проектов ОПОП. Одним из крупных проектов в сфере электронной торговли в рамках ЦШП является создание цифровой зоны свободной торговли между компанией «Alibaba» и Малайзией в 2017 г. Данный проект является обоюдно выгодным как для КНР, так и для Малайзии. Он откроет новые рынки для компаний обеих стран, позволит малому и среднему бизнесу увеличить долю в ВВП и станет новым стимулом для развития электронной торговли.

Также, расширяя сотрудничество в сфере электронной коммерции, в 2018 г. было подписано соглашение о создании совместного предприятия между Китаем и российскими партнерами. Соглашение заключили российские компании «Мегафон», «Mail.ru Group», Российский фонд прямых инвестиций и китайская компания «Alibaba Group» «с соответствующими долями (48% — владелец СП Alibaba, 24% — Мегафон, 15% — Mail.ru, 13% — РФПИ)» [Ижу Лю, Авдокушин 2019]. Такой вид сотрудничества позволит «Alibaba Group» получить доступ к цифровым данным российских потребителей и расширить масштабы экспансии на российском рынке. В

¹ За 2020 году объем розничной онлайн-торговли в Китае вырос на 11% // Финмаркет. 2020. URL:

<http://www.finmarket.ru/database/news/5404358> (дата обращения 09.05.2021)

свою очередь, российские компании также получают выход на китайские рынки электронной торговли, например на платформу «AliExpress», и получают возможность увеличить темпы роста электронной коммерции за счет упрощения системы логистики, продаж и закупок, а также системы платежей. Как отметил гендиректор «Alibaba Group» Д. Чжан «совместное предприятие «AliExpress Russia» поможет развитию цифровой потребительской экономики в России и странах СНГ».¹

Стоит отметить, что важную роль в развитии электронной торговли играет совершенствование каналов доставки и их механизмов. Быстрая доставка товаров становится ключевым фактором конкурентоспособности предприятий и роста электронной коммерции в целом. Поэтому огромное внимание уделяется цифровизации транспортно-логистической системы вдоль ОПОП. Так, планируется внедрить в практику такие современные технологии как «беспилотные автомобильные перевозки и технологии блокчейна» [Ижу Лю, Авдокушин 2019].

Следует отметить, что развитие электронной торговли также способствует усовершенствованию и налаживанию работы системы электронных платежей вдоль маршрутов «Пояса и Пути». Так, например, для граждан Китая в России работают китайские платежные системы «Alipay» и «WeChat», которые позволяют совершать покупки в российских аэропортах, некоторых банках, МЦК и в ЦУМе. В этой связи также стоит отметить, что под эгидой «Цифрового Шёлкового пути» Китай осуществляет сотрудничество с российскими банковскими организациями. Так, Сбербанк РФ сотрудничает с китайским поставщиком цифровых технологий «Huawei» для модернизации его IP-сети. В свою очередь ВТБ в сотрудничестве с компанией «Huawei» запустил «два дополнительных центра обработки данных, создал виртуальные рабочие места для 14 тыс. пользователей» [Ижу Лю, Авдокушин 2019].

Таким образом, электронная торговля стала одним из основных направлений «Цифрового Шёлкового пути» и основополагающим столпом цифровой экономики Китая. Однако, цифровизация инициативы «Один пояс – Один путь» проходит не только по направлению электронной коммерции и её логистической составляющей, но и по ряду других направлений, таких как искусственный интеллект, «интернет вещей» и строительство «умных» городов.

Так, «интернет вещей», который представляет собой = сеть, объединяющую различные объекты («вещи») способные взаимодействовать друг с другом, является важным и полезным компонентом цифровизации ОПОП. Операционная система «Lite OS», разработанная «Huawei», которая позволяет управлять объектами, подключенными к интернету, от автомобиля до часов, сможет значительно облегчить работу логистических систем. Внедрение «интернета вещей» на маршруты «Пояса и Пути» для управления различными процессами в рамках ЦШП является необходимым фактором для осуществления цифровой трансформации Нового Шёлкового пути.

Следующим направлением, реализуемым в рамках «Цифрового Шёлкового пути», является создание «умных» городов. Такие города «помогут оптимизировать дорожную сеть, работу коммуникационных служб и других систем городского хозяйства. В свою очередь, использование технологий «интернета вещей» должно способствовать розничным продажам и поднять потребительскую удовлетворенность» [Ижу Лю, Авдокушин 2019]. Предполагается, что создание «умных» городов вдоль «Пояса и Пути» в дальнейшем приведет к формированию «мегагородов и мегаагломераций» [Ижу Лю, Авдокушин 2019]. В настоящее время китайские компании «ZTE» и «Huawei» выразили свою готовность к созданию «умных» городов на маршрутах инициативы. Таким образом, данное направление будет

¹ Alibaba и Mail.Ru Group завершили создание совместного предприятия // РБК. 2019. URL:

<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d9c9aaa9a7947c0e9ac3f92> (дата обращения 09.05.2021)

содействовать модернизации и совершенствованию городов вдоль ОПОП, и повысит их эффективность.

Стоит отметить, что важное место в реализации ЦШП занимает технология искусственного интеллекта. Китай уделяет приоритетное внимание разработкам в данной сфере, так, в 2017 г. для достижения лидерства в области искусственного интеллекта к 2030 г. в Китае была принята соответствующая стратегия, и «был одобрен план создания национальной лаборатории для исследований в области искусственного интеллекта».¹ В общеобразовательных школах Китая даже был введен предмет «Основы искусственного интеллекта». Таким образом, очевидно, что внедрение элементов искусственного интеллекта вдоль маршрутов ОПОП является важным направлением цифровизации инициативы. В реализации проектов в области искусственного интеллекта участвуют такие китайские компании, как «Huawei», «Tencent», «Alibaba» и «Baidu».

Внедрение элементов искусственного интеллекта в рамках «Цифрового Шёлкового пути» станет движущей силой для модернизации производства и экономической трансформации в странах вдоль ОПОП. По прогнозам Huawei Global Industry Vision, «в 2025 г. доступ к интернету получают 77% населения Земли и домохозяйств, 80% людей будет обеспечено мобильной связью. Рост такого количества подключений станет драйвером создания «интеллектуального мира» [Ижу Лю, Авдокушин 2019]. И ЦШП, соответственно, рассматривается Huawei как часть этого мира, в котором должны генерироваться и использоваться новые сетевые технологии, на основе которых операторы связи и высокотехнологичные компании смогут развивать и внедрять новые цифровые услуги. Так, одним из проектов в данной области стало открытие компанией «Huawei» в 2020 г. облачного Африканского инновационного центра в Йоханнесбурге, сосредоточенного на услугах на основе ИИ.

Подводя итог, стоит отметить, что масштабы направлений, реализуемых в рамках ЦШП, действительно поражают. Все вышеперечисленные направления, от электронной коммерции до внедрения в практику на маршрутах ОПОП китайской спутниковой навигационной системы и искусственного интеллекта, способствуют успешной реализации инициативы «Пояса и Пути», а также станут стимулом для развития и благополучия всех стран вдоль Нового Шёлкового пути.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что, отвечая всем трендам современности, «Цифровой Шёлковый путь» является ключевым компонентом реализации глобальной китайской инициативы «Один пояс – Один путь». Он нацелен на сокращение производственных издержек, повышение глобальной конкурентоспособности китайской продукции и рост товарооборота со странами-участницами инициативы.

Необходимо отметить, что проект «Цифрового Шёлкового пути» является международным проектом и затрагивает интересы стран вдоль ОПОП. Это говорит о том, что многие страны «Пояса и Пути» рассматривают ЦШП как возможность для осуществления цифровизации своих национальных экономик и как возможность для преодоления цифрового разрыва. Китай имеет все ресурсы, чтобы обеспечить развивающимся странам развитие инфраструктуры и передачу технологий, к которым они в противном случае не имели бы доступа. Значительные достижения Китая в области роста электронной коммерции, искусственного интеллекта, финансовых технологий и др. имеют решающее значение для перехода к цифровизации вдоль Нового Шёлкового пути. Развитие ЦШП будет способствовать экономическому росту, повышению эффективности экономического развития, созданию рабочих мест и повышению благосостояния людей. Таким образом, проект ЦШП, посредством внедрения инновационных технологий на

¹ Интеллектуальное превосходство: Китай ставит на мировое господство на рынке искусственного интеллекта // Forbes. 2017. URL:

<https://www.forbes.ru/kompanii/344031-iskusstvo-intellekta-kitay-stavit-na-mirovloe-gospodstvo-na-rynke-iskusstvennogo> (дата обращения 09.05.2021)

маршрутах Нового Шёлкового пути, станет стимулом для развития и процветания.

Но, в свою очередь, внутренней предпосылкой выдвижения ЦШП является стремление Китая стать лидирующей технологической державой. Это говорит о том, что успех КНР в реализации «Цифрового Шёлкового пути» будет иметь решающее значение для увеличения его влияния в регионе и на мировой арене.

Однако, на наш взгляд несмотря на внутренние причины формирования ЦШП и

некоторые опасения по поводу китайской экспансии, проект «Цифрового Шёлкового пути» имеет колоссальный потенциал и значительные преимущества. По нашему мнению, вспыхнувшая в 2020 г. пандемия COVID-19 как нельзя лучше показала необходимость и значимость осуществления цифровизации, а в частности цифровизации глобальной инициативы «Пояса и Пути». Становится совершенно очевидно, что в ближайшее время ЦШП будет только развиваться и расширяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Clayton Cheney* China's Digital Silk Road: Strategic Technological Competition and Exporting Political Illiberalism// Pacific Forum. 2019. Vol.19, p.4.
- Martynenko S.E., Parkhitko N.P.* Russian-Chinese cooperation in Central Asia in the context of 'Belt and Road Initiative: Historical retrospective and economic prospects. RUDN Journal of Russian History 18, no. 4 (November 2019): 845–864.
- Джан Лунмэй* Цифровая экономика Китая: возможности и риски // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. №2.
- Ижу Лю, Авдокушин Е.Ф.* Формирование основ «Цифрового шелкового пути» // Мир новой экономики. 2019. №4.
- Курьлев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Лю Ижу* «Цифровой шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, Один путь» // Инновации и инвестиции. 2020. №12.
- Перская В.В., Ревенко Н.С.* «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития // Азия и Африка сегодня. 2020. №7.
- Хейфец Б.А.* Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути. М.: Институт экономики РАН, 2020. – 62 с.

REFERENCES

- Dzhan Lunmej* Cifrovaya ekonomika Kitaya: vozmozhnosti i riski // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2019. №2.
- Izhu Lyu, Avdokushin E.F.* Formirovanie osnov «Cifrovogo shelkovogo puti» // Mir novoj ekonomiki. 2019. №4.
- Kurylev K.P., Martynenko E.V.* Rossijsko-kitajskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta «odin poyas, odin put'». Faktor EAES i SHOS // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2019. T. 9. № 11 (56). S. 1937-1948.
- Lyu Izhu* «Cifrovoy shelkovyj put'» kak innovacionnaya osnova global'nogo proekta «Odin poyas, Odin put'» // Innovacii i investicii. 2020. №12.
- Perskaya V.V., Revenko N.S.* «Sdelano v Kitae 2025»: kitajskij opyt obespecheniya zadach nacional'nogo razvitiya // Aziya i Afrika segodnya. 2020. №7.
- Hejfec B.A.* Kakim marshrutom pojdet Rossiya po odnomu neprostomu kitajskomu puti. M.: Institut ekonomiki RAN, 2020. – 62 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Соломатина А.Р., магистр в области международных отношений РУДН.

Anastasia R. Solomatina, Master of International Relations of the RUDN University.

Сопряжение ЕАЭС и АСЕАН: роль Китая как связующего звена**Чжан Хунюань***Пекинский университет иностранных языков, Пекин, КНР
1032205451@rudn.ru*

Аннотация. Исторически реализация национальных интересов КНР в Азиатско-Тихоокеанский регион осуществляется посредством двухсторонних межгосударственных связей и публичной дипломатии. Этот инструментарий включает в себя как традиционные политические и экономические решения, так и контакты в военно-технической сфере. Например, КНР установил стратегическое партнерство как с отдельными государствами Юго-Восточной Азии, так и с АСЕАН в целом. Являясь практически монопольным центром экономического притяжения в регионе, Китай логично заинтересован в развитии интеграции в Юго-Восточной Азии. Основной внешнеполитический вектор в данном случае просматривается в усилении влияния КНР в странах АСЕАН и максимально возможном нивелировании негативных эффектов от антикитайской внешнеполитической практики Японии, ряда стран Западной Европы и США. Если рассматривать ситуацию в историческом контексте, то становится очевидно, что с течением столетий большинство азиатских государств в той или иной степени заимствовали многие культурные и политические черты Китая, поэтому социокультурное поле для воздействия «мягкой силы» в отношении стран АСЕАН представляется весьма благодатным. Для ЕАЭС КНР – ключевой торгово-экономический партнер. Сотрудничество между Евразийским союзом и Китайской Народной Республикой может создать новые возможности для реализации огромных и важных транснациональных проектов через в том числе евразийскую реинтеграцию и ее сопряжение с инициативой «Один пояс, один путь». Кроме того, благодаря двустороннему сотрудничеству уже между КНР и РФ, существуют серьезные перспективы в обмене умными технологиями, и развитии цифровых технологиях, упрощениях регуляторики взаимной торговли, цифровизации, дистанционной технологии предоставления услуг и развитии региональной инфраструктуры. В рамках исследования автор использовал методологию экономической, политической и исторической наук.

Ключевые слова: ЕАЭС, АСЕАН, РФ, КНР, сотрудничество, конкуренция, экономика, политика.

Для цитирования: Чжан Хунюань. Сопряжение ЕАЭС и АСЕАН: роль Китая как связующего звена. Постсоветские исследования. 2021;4(4):308–317.

Integration of the EAEU and ASEAN: China's role as a link**Zhang Hongyuan***Beijing University of Foreign Languages, Beijing, China
1032205451@rudn.ru*

Abstract. Historically, the implementation of the national interests of the People's Republic of China in the Asia-Pacific region is carried out through bilateral interstate relations and public diplomacy. This toolkit includes both traditional political and economic decisions, as well as contacts in the military-technical sphere. For example, the PRC has established a strategic partnership with both individual states of Southeast Asia and with ASEAN. As a near-monopoly center of economic attraction in the region, China is logically interested in developing integration in Southeast Asia. The main foreign policy vector in this case is seen in the strengthening of the PRC's influence in the ASEAN countries and the maximum possible leveling of the negative effects of the anti-Chinese foreign policy practices of Japan, some Western European countries and the United States. Looking at the situation in the historical context, it becomes obvious that over the centuries, most Asian

states have to some extent borrowed many of the cultural and political features of China, so the socio-cultural field for the impact of "soft power" in relation to the ASEAN countries seems very fertile. For the EAEU, China is a key trade and economic partner. Cooperation between the Eurasian Union and the People's Republic of China can create new opportunities for the implementation of huge and important transnational projects, including Eurasian reintegration and its integration with the "One Belt, One Road" initiative. In addition, thanks to the bilateral cooperation already between the PRC and the Russian Federation, there are serious prospects for the exchange of smart technologies, and the development of digital technologies, simplifying the regulation of mutual trade, digitalization, remote technology for providing services and the development of regional infrastructure. Within the framework of the study, the author used the methodology of economic, political and historical sciences.

Keywords: EEU, ASEAN, Russia, China, cooperation, competition, economy, politics.

For citation: Zhang Hongyuan. Integration of the EAEU and ASEAN: China's role as a link. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(4):308–317. (In Russ.)

Перед лицом давления Запада Россия ускорила реализацию стратегии «поворота на Восток» и предложила Великое евразийское партнерство, намереваясь распространить свои геополитические преимущества на регионы Тихого и Индийского океанов. Среди них АСЕАН стала стратегической точкой опоры Большого евразийского партнерства в Юго-Восточной Азии. Укрепление политического сотрудничества и сотрудничества в сфере безопасности с АСЕАН является для России важной отправной точкой для расширения своего геополитического влияния, построения нового евразийского порядка и противодействия стратегическому сдерживанию США. В настоящее время у России есть большой спрос на развитие экономического сотрудничества со странами АСЕАН и содействие построению зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН в рамках Большого евразийского партнерства. Что касается стран АСЕАН, развитие отношений сотрудничества с Россией способствует сбалансированности их основных держав и сохраняет их центральную роль в делах Юго-Восточной Азии. Тем не менее, по сравнению с постоянным нагнетанием политического сотрудничества и сотрудничества в сфере безопасности между двумя сторонами, низкая экономическая взаимозависимость и слабая основа сотрудничества по-прежнему являются основными факторами, ограничивающими дальнейшее развитие отношений между Россией и странами АСЕАН, а также ЕАЭС и АСЕАН. Кроме того, из-за глобализации интересов АСЕАН и роста мощи России многие факторы, влияющие

на двустороннее сотрудничество, фактически выходят за рамки двусторонних отношений. Игра между крупными державами и ситуация в Южно-Китайском море добавили сложности и неопределенности двусторонним сотрудничеством. Китай может действовать как мост и связующее звено между ЕАЭС и АСЕАН, реализовывать взаимосвязь между ЕАЭС и АСЕАН и формировать международный логистический канал ЕАЭС-Китай-АСЕАН, который играет ведущую роль в сопряжении между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН; ЕАЭС может также использовать условия содействия торговле с Китаем для интеграции в экономической интеграции в Юго-Восточной Азии, для содействия двустороннему консенсусу с результатами многостороннего сотрудничества и углубления сопряжения и сотрудничества с АСЕАН.

Факторы, влияющие на возможность сопряжения ЕАЭС и АСЕАН. Среди благоприятных факторов стоит отметить следующие.

а) Взаимные стратегические потребности России и АСЕАН

Внешняя политика России в отношении АСЕАН проистекает из ее суждений о текущей международной ситуации и национальных интересах, а также из ее собственной оценки своего статуса как региональной и глобальной державы. «Россия все еще рисует картину своей современной политики в воображаемой многополярной (полицентричной) структуре»¹. Развитие более глубо-

¹ Bobo Lo. *Russia and the New World Disorder*. London:

кого и всеобъемлющего стратегического партнерства с АСЕАН стало важной частью ее дипломатической стратегии. С международной точки зрения происходит реконструкция международного порядка. В условиях ухудшения отношений с Западом и «упадок Востока и подъем Запада» международного баланса сил Россия пытается воспользоваться исторической возможностью, чтобы расширить свои геополитические преимущества на регионы Тихого и Индийского океанов за пределами региона СНГ. Юго-Восточная Азия расположена на стыке Индийского океана и Тихого океана, и ее стратегическое положение очень важно. Это также делает АСЕАН одной из точек входа для России в интеграцию в азиатско-тихоокеанскую интеграционную систему, построение нового евразийского порядка. и против США. С национальной точки зрения укрепление сотрудничества с АСЕАН является реальной потребностью для России в защите своих национальных интересов в новой ситуации. С момента начала украинского кризиса в 2014 г. США и ЕС непрерывно сжимали стратегическое пространство России и вводили последовательные раунды экономических санкций против России. Наряду с резким падением мировых цен на нефть и обесцениванием рубля внутреннее экономическое и социальное развитие России столкнулось с колоссальными трудностями, вынуждающими Россию не форсировать «поворот на восток» и искать новое стратегическое пространство. АСЕАН - интегрированная организация, имеющая важное политическое и экономическое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Развитие партнерства с АСЕАН, естественно, стало важным звеном в интеграционном процессе России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С географической точки зрения, Большое евразийское партнерство сосредоточено на сопряжение ЭПШП и ЕАЭС,¹ распространилось на Тихий и Индийский

океаны, и её конечная цель - создать «континентальную систему общего развития, сотрудничества и безопасности от Джакарты до Лиссабона» [Канаев, Королев 2019: 29-43]. На основе углубления традиционного сотрудничества сотрудничество между странами продвигается через стратегическое сопряжение региональных организаций, то есть в рамках Большого евразийского партнерства содействие сопряжения ЕАЭС и АСЕАН является положительным ответом России на изменения стратегического признания в этот период. Это поможет России участвовать в формулировании правил в АТР, получить стратегическую инициативу и расширить географическое влияние; это также поможет России и ЕАЭС для интеграции в процесс интеграции Азиатско-Тихоокеанского региона и поиска новых точек экономического роста.

В то же время Россия и ЕАЭС являются для АСЕАН важной силой, позволяющей уравновесить экстерриториальные полномочия. Важное стратегическое положение АСЕАН делает его одной из целей конкуренции между крупными державами: инициатива Китая «Один пояс, один путь», проблема Южно-Китайского моря, Индо-Тихоокеанская стратегия США, вмешательство Индии и Японии в региональную ситуацию и т. д. С одной стороны, эти соревнования уменьшили доминирование стран АСЕАН в решении региональных дел и ослабили их влияние в регионе; с другой стороны, АСЕАН часто сталкивается с дилеммой выбора стороны между Соединенными Штатами и Китаем. В этих обстоятельствах сотрудничество с Россией способствует поддержанию баланса АСЕАН между крупными державами и сохраняет свою центральную роль в делах Юго-Восточной Азии.

б) Достижения на раннем этапе сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН

С точки зрения политики, с постоянным восстановлением своего статуса крупной державы, Россия постепенно увеличивала свое стратегическое присутствие в Юго-Восточной Азии. На саммите Россия-АСЕАН в 2018 году обе стороны повысили уровень двусторонних отношений с диалогового партнерства до стратегического парт-

Chatham House. - 2015. - С. 43.

URL : <https://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctt6wpccc>

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (08.05.2015)

нерства. Стратегическое взаимное доверие между Россией и АСЕАН обеспечивает хорошую основу для сопряжения и сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН. С точки зрения государств-членов АСЕАН Вьетнам, Индонезия и Сингапур являются странами АСЕАН с наиболее тесными отношениями сотрудничества с Россией. Вьетнам является крупнейшим политическим, экономическим и военным партнером России в Юго-Восточной Азии. Россия и Вьетнам имеют прочную основу для сотрудничества в области политики и безопасности и имеют давние традиции исторического обмена. В 2001 году Россия и Вьетнам установили стратегическое партнерство, которое в 2012 году было преобразовано во всеобъемлющее стратегическое партнерство. Отношения между двумя сторонами продолжали углубляться. Обмены на высоком уровне, углубленные контакты и стратегическое взаимное доверие - основные характеристики российско-вьетнамского сотрудничества. На данном этапе для России Вьетнам как один из основных членов АСЕАН является важным мостом для России и ЕАЭС в углублении отношений с АСЕАН.

Что касается экономики, Евразийский экономический союз подписал соглашения о создании зон свободной торговли с Вьетнамом и Сингапуром, а также подписал меморандумы о сотрудничестве с Индонезией, добившись положительного прогресса в реализации либерализации и упрощения процедур торговли. Эти соглашения станут моделью для поощрения большего числа стран-членов АСЕАН к ведению переговоров и подписанию соглашений о свободной торговле с ЕАЭС, а также для лучшего содействия сопряжению и сотрудничеству между ЕАЭС и АСЕАН.

В то же время Россия и АСЕАН имеют хорошую основу для сотрудничества в области военных технологий и энергетики. АСЕАН - один из важных рынков сбыта оружия в России. Вьетнам, Малайзия и Индонезия - традиционные партнеры России в области военных технологий. После распада Советского Союза Россия была крупнейшим поставщиком оружия и оборудования Вьетнаму, занимая абсолютное доминирующее положение на вьетнамском рынке вооруже-

ний. По сравнению с США Россия не предъявляет политических условий и ценностных требований при продаже оружия и не вмешивается во внутренние дела стран АСЕАН, что приветствовалось некоторыми государствами-членами АСЕАН. Например, Филиппины. Как одно из государств-членов АСЕАН, которые имеют наименьшее торговое сотрудничество с Россией, Филиппины и Россия постепенно расширяют свое сотрудничество в области военных технологий, а продажа оружия и сотрудничество в области военных технологий становятся одним из ключевых направлений сотрудничества между двумя сторонами. Россия также играет важную роль в энергетической безопасности АСЕАН. Россия завершила совместную разработку ряда морских нефтяных проектов с Вьетнамом, подписала соглашение о совместном нефтепереработке с Индонезией и активно стремится к сотрудничеству с Мьянмой и Брунеем. В то же время Россия также активно продвигает технологии ядерной энергетики и расширяет рынок ядерной энергии АСЕАН, успешно подписав соглашения о сотрудничестве в области ядерной энергетики с Вьетнамом, Мьянмой и Индонезией. Прочная основа и динамика экономического сотрудничества между Россией и странами АСЕАН заложили хорошую основу для сопряжения и сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН.

Есть и факторы, которые не благоприятствуют возможности сопряжения ЕАЭС и АСЕАН:

а) Евразийский экономический союз имеет ограниченную глубину внешнеэкономического сотрудничества

Развитие сотрудничества России с АСЕАН в рамках Большого евразийского партнерства в большей степени направлено на ослабление давления западных санкций и необходимость разработки собственной стратегической схемы. Политическая цель больше, чем экономическая, а стратегическое значение больше, чем практическое значение. Таким образом, Евразийский экономический союз твердо настроен на внешнеэкономическое сотрудничество, но его подход консервативен.

Внешнеэкономическое сотрудничество Евразийского экономического союза сосре-

доточено на либерализации и упрощении процедур торговли, а достигнутые соглашения о свободной торговле являются низкими по уровню и небольшими масштабами. В качестве примера возьмем четыре соглашения о свободной торговле, подписанные Евразийским экономическим союзом: основное содержание соглашения о свободной торговле, подписанного Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом, это снижение тарифов на торговлю товарами. Согласно соглашению, согласованное двумя сторонами содержание касается только торговли товарами, а не торговли услугами и инвестиций. В предварительном соглашении о создании зоны свободной торговли, подписанном Евразийским экономическим союзом и Ираном, говорится, что основная цель создания зоны свободной торговли заключается в снижении или отмене импортных тарифов на некоторые товары в торговле между двумя сторонами. Соглашение между Евразийским экономическим союзом и Сингапуром предусматривает, что обе стороны отменят или снизят тарифы, в том числе Сингапур освобождает от тарифов все товары, происходящие из стран-членов Союза. В то же время соглашение также включает такие области, как торговля услугами и инвестиции. Соглашение о свободной торговле между союзом и Сербией предусматривает, что товары в рамках тарифных квот двух сторон освобождаются от тарифов. Видно, что Евразийский экономический союз выбрал небольшие экономические страны с географическими преимуществами и символическим значением в качестве целей подписания соглашения о свободной торговле. Масштабы торговли между этими странами и союзом невелики, объем товаров, охватываемых соглашениями о свободной торговле, невелик, и лишь немногие товары пользуются тарифными уступками и льготами.

В то же время не существует режим свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его основными экономическими партнерами ЕС и Китаем. Сотрудничество между Евразийским экономическим союзом и Китаем сосредоточено на упрощении процедур торговли, и намерение дальнейшего сотрудничества также находится в области торговли услугами, а не за-

ключения соглашения о свободной торговле. Кроме того, внешнеэкономическое сотрудничество Евразийского экономического союза осуществляется в основном в форме подписания меморандума. Это необязательные экономические отношения, выполнение которых не может быть гарантировано.

Поэтому Евразийский экономический союз придает большее значение торговле услугами и упрощению процедур торговли, чем торговле товарами и либерализации торговли. Другими словами, для крупных стран с экономической мощью, чтобы защитить интересы самого союза, союз придает большое значение торговле услугами и облегчению товарами; для стран с небольшим объемом торговли со союзом, союз будет заниматься вопросами торговли товарами и либерализации торговли. Это значительно снизит качество и эффективность стыковочного взаимодействия.

б) Слабая экономическая взаимодополняемость между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН.

В течение долгого времени преимущества экономического и торгового сотрудничества России и АСЕАН не были очевидны, а доля взаимных торговых инвестиций в их общих внешнеторговых инвестициях была очень низкой, и рост был медленным. По сравнению с предыдущей моделью сотрудничества Россия-АСЕАН, хотя строительство зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН более привлекательно для стран АСЕАН, но основным условием сопряжения двух интегрированных организаций является высокоуровневое функционирование их внутренней экономики [Ли Юнхуэй 2017: 38-44]. В настоящее время, только исходя из практики экономической интеграции с момента создания Евразийского экономического союза, роль России как экономического лидера в Евразийском экономическом союзе невелика. Отсутствие жизнеспособности экономического развития в рамках союза и несовершенная системная конструкция привели к нестабильности экономического развития Евразийского экономического союза и недостаточной привлекательности для развития экономического сотрудничества между союзом и странами АСЕАН. В то же вре-

Статистические данные Евразийской экономической комиссии и Конференции ООН по торговле и развитию показывают, что торговое сотрудничество между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН имеет большую асимметрию. Это отражается не только на доле взаимной торговли в их соответствующем общем объеме торговли, но и на дисбалансе структуры торговли. Этот дисбаланс приводит к плохой экономической взаимодополняемости между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН. Основная трудность в создании зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН заключается в единой экономической структуре России и других государств-членов Евразийского экономического союза. Особенно с точки зрения региональной производственной сети основных интересов и зоны свободной торговли, которые АСЕАН стремится продвигать, России и ЕАЭС сложно сделать вклад [Фу Цзинцзюнь 2012: 48-53].

в) Вмешательство крупных стран за пределами региона

Азиатско-Тихоокеанский регион - это регион с наибольшей жизнеспособностью и потенциалом роста в мировой экономике. Как региональная интеграционная организация с важным политическим и экономическим влиянием, АСЕАН стала важным инструментом для крупных стран в борьбе за стратегические возможности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «Индо-Тихоокеанская стратегия» под руководством США окажет большое влияние на сотрудничество между Россией и АСЕАН. С одной стороны, «Индо-Тихоокеанская стратегия» может привести к маргинализации роли системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, например Региональный форум АСЕАН и Сопровождающее совещание министров обороны АСЕАН, что «самым неблагоприятным образом повлияет на политику России в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [Канаев, Королев 2019: 26-43]. С другой стороны, перед лицом давления со стороны США и их союзников государства-члены АСЕАН неизбежно столкнутся с проблемой «выбора стороны». Это расширит различия внутри АСЕАН, усложнит процесс интеграции АСЕАН и окажет очень негативное влия-

ние на развитие отношений сотрудничества между Россией и Евразийским экономическим союзом и АСЕАН.

Китай одновременно является конкурентом российского политического и экономического сотрудничества в регионе АСЕАН. Будь то экономическая мощь Китая, Зона свободной торговли Китай-АСЕАН или «Соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве» — все это показывает, что Китай и страны АСЕАН имеют зрелое экономическое, торговое и инвестиционное сотрудничество, а Россия и Евразийский экономический союз не могут конкурировать с этим. В то же время Россия также стоит перед дилеммой: с одной стороны, АСЕАН надеется, что Россия сможет сдерживать и уравнивать Китай в Юго-Восточной Азии; с другой стороны, Россия и Китай представляют собой отношение всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, и это делает Россию неизбежно скованной китайско-российскими отношениями при ведении отношений со странами АСЕАН. Следовательно, России необходимо найти хороший компромисс между Китаем и АСЕАН.

Кроме того, стратегия японского правительства и политика индийского правительства в Индо-Тихоокеанском регионе усложнили ситуацию в Южно-Китайском море. Эти страны также сформировали широкую конкуренцию с Россией в Юго-Восточной Азии, подрывая стабильность сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН.

Международный логистический канал Евразийский экономический союз-Китай-АСЕАН. Транспорт — это звено, которое эффективно реорганизует географические и природные ресурсы различных мест. Качество и эффективность транспортных услуг могут формировать производственную цепочку и цепочку создания стоимости, а также стимулировать развитие смежных отраслей. Транспортное сотрудничество может значительно повысить эффективность логистики и стимулировать экономическое развитие. Целью международного транспортно-сотрудничества является улучшение региональных связей, упрощение процедур и укрепление кадровых и товарных обменов, чтобы помочь экономическому и социаль-

ному развитию стран региона, особенно процветанию и стабильности внутренней территории регионов.

В рамках инициативы «Один пояс, один путь», продвигая либерализацию двусторонней торговли, Китай и страны АСЕАН также активно продвигают взаимосвязь транспортной инфраструктуры между Китаем и странами АСЕАН. В 2004 г. на 3-м совещании министров транспорта Китая и АСЕАН Китай, и АСЕАН предложили каждому государству-члену провести серию сотрудничества в строительстве транспортной инфраструктуры и упрощении перевозок. В 2016 г. на 15-м совещании министров транспорта Китая и стран АСЕАН было решено, что Китай и страны АСЕАН совместно построят «четыре вертикальных и три горизонтальных» региональных транспортных коридора под руководством стратегического планирования. В общем объеме двусторонней торговли Китая и АСЕАН импорт и экспорт товаров наземным транспортом составили более 80%. Сухопутный маршрут между Китаем и странами АСЕАН начинается из Наньнина, Гуанси и Куньмина, Юньнань, и заканчивается в Сингапуре, и проходит через 7 стран, включая Вьетнам, Лаос, Таиланд, Камбоджу, Мьянму, Малайзию и Сингапур на полуострове Индокитай. Это основной канал торговли землей Китая и стран АСЕАН. Этот канал использует автомобильные и железные дороги в качестве перевозчика и включает три перехода: восточный маршрут, средний маршрут и западный маршрут. Во-первых, восточный маршрут с севера на юг соединяет Китай, Вьетнам, Камбоджу, Таиланд, Малайзию и Сингапур; во-вторых, средний маршрут с севера на юг соединяет Китай, Лаос, Таиланд, Малайзию и Сингапур; в-третьих, западный маршрут с севера на юг соединяет Китай, Мьянму, Таиланд, Малайзию и Сингапур. Поскольку наземная инфраструктура стран АСЕАН является относительно отсталой, несовместимой со стандартами международных транспортных средств, низкой скоростью транспортировки и слабой транспортной мощностью, можно ожидать, что соединение транспортных средств Китая и АСЕАН значительно увеличит возможности наземных перевозок между Китаем и Страны АСЕАН,

сокращают время наземной перевозки и значительно сокращают торговые издержки.

Создание единого транспортного пространства также является одним из приоритетных направлений развития Евразийского экономического союза. Еще в рамках Евразийского экономического сообщества государства-члены сотрудничали в области унификации затрат на железнодорожные перевозки, усиления упрощения наземной перевозок и развития потенциала транспортных коридоров. Они подписали международные соглашения о автомобильных перевозках и разработали концепцию единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества, и достигли консенсуса по унификации технических стандартов для инфраструктуры, разработке дорожных карт региональных транспортных коридоров, обмену информацией, системы координации транзита и созданию совместных транспортных предприятий. Евразийский экономический союз унаследовал результаты сотрудничества Евразийского экономического сообщества. В 2017 г. он установил единую карту маршрутов воздушных перевозок, налоги на полеты и аэропортовые услуги союза, а также определил развитие пяти основных международных транспортных коридоров, в том числе 4 железнодорожных и 1 дорога: Международный Север-Юг Транспортный коридор, Транссибирская магистраль, железная дорога, соединяющая Россию и Среднюю Азию, железная дорога из Китая в Европу через Среднюю Азию и Россию, а также Западная Европа-Западный Китай Шоссе.

«Новый западный канал сухопутной и морской торговли» является новым магистральным каналом для внутренних районов западного Китая и основным каналом международной торговли и логистики, соединяющим АСЕАН, Центральную Азию и Южную Азию, реализуя «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь XXI века» и «Экономический пояс реки Янцзы» - это всеобъемлющий международный торговый канал, объединяющий региональную производственную цепочку и цепочку поставок, агломерацию суши и моря и эффективность таможенного оформления. Это национальная стратегия развития Китая.

Содействие качественному развитию «Нового западного канала сухопутной и морской торговли» будет способствовать дальнейшему укреплению основы межсетевому взаимодействию Китай-АСЕАН, поддержанию безопасности цепочки поставок и стабильности производственной цепочки Китай-АСЕАН, будет способствовать развитию регионального экономического сотрудничества между Китаем и АСЕАН на более высоком уровне и обеспечивать бесперебойную работу международной логистической цепочки поставок. Чтобы добиться качественного развития «Нового западного канала сухопутной и морской торговли», должны ускорить строительство новой транспортной сети и максимально использовать преимущества недорогих водных перевозок, крупнотоннажных железнодорожных перевозок, гибких автомобильных перевозок, а также быстрых воздушных перевозок, чтобы сформировать систему, в которой вся индустрия логистики управляет торговлей и продвигается большое количество нового торговли.

В настоящее время развитие международных перевозок демонстрирует фазовые характеристики: от двусторонней торговой транспортировки как основной услуги до многостороннего сотрудничества и строительства транспортных коридоров. Различные виды транспорта меняются от независимого развития и взаимной конкуренции к координированному развитию и всесторонней эффективности [Лю Сяомин 2018: 11-14]. В контексте сопряжения и сотрудничества между Экономическим поясом Шелкового пути и Евразийского экономического союза, а также растущего спроса на соединение инфраструктуры между Китаем и АСЕАН, «Новый западный канал сухопутной и морской торговли» и Китай может служить мостом и связующим звеном, чтобы сформировать крупный международный логистический канал между Евразийским экономическим союзом-Китаем-АСЕАН, реализовать связь Евразийский экономический союз и АСЕАН, задействовать в полной мере транзитный потенциал различных регионов, обеспечить бесперебойную работу и повышение эффективности регионов вдоль маршрута, и обеспечивать стабильность и

безопасность цепочки поставок и производственной цепочки Евразийского экономического союза-Китай-АСЕАН.

В частности, необходимо на основе существующих каналов ускорить объединение региональных транспортных линий, обеспечить унификацию правил перевозки и обмена информацией и достигнуть расширения сетей и мощей транспортных услуг; необходимо способствовать построению разнообразных транспортных сетей и использовать стандартные грузовые инструменты и оборудования для быстрой перевалки и перегрузки для повышения эффективности логистики и транспортировки; необходимо принять передовые международные стандарты, ускорить межтаможенное сотрудничество и достичь полного охвата таможенного оформления; необходимо способствовать строительству интеллектуальных портов вдоль канала, продвигать строительство интеллектуального штыка, улучшить цифровые операции и сократить расходы на таможенное оформление. Кроме того, необходимо улучшить возможности предотвращения и контроля рисков на маршруте, улучшить надзор за операциями и механизм распределения рисков вдоль маршрута, создать механизм быстрого реагирования и гибкий механизм и поддерживать стабильность транспортировки. Необходимо на основе межсетевого взаимодействия создать кластеры логистической отрасли в регионе, улучшить логистические возможности распределения и способствовать развитию международной торговли товарами.

Строительство международного логистического коридора Евразийский экономический союз-Китай-АСЕАН — это региональный ведущий проект. Ощутимые результаты, которые он приносит, могут усилить чувство идентичности сотрудничества, что поможет всем сторонам продолжать углублять сопряжение и дополнять преимущества друг друга и снизить региональные или межрегиональные операционные издержки по товарам, логистике и т.д., и стимулировать рост торговли; поможет ускорить формирование крупного логистического и транспортного канала и сетевой системы для всего евразийского континента, оптимизировать производственную цепочку,

цепочку создания стоимости, и цепочку поставок вдоль маршрута, а также повысить эффективность распределения ресурсов в странах вдоль маршрута.

Содействие двустороннему сопряжению за счет многосторонней интеграции. С тех пор, как Китай стал партнером АСЕАН по всестороннему диалогу в июле 1996 года, экономические и торговые отношения между Китаем и АСЕАН вышли на новый этап повышения качества и обновления после периода быстрого развития, постепенно формируя новую модель взаимной выгоды. В 2010 году Зона свободной торговли Китай-АСЕАН была полностью завершена. В 2019 году Протокол о совершенствовании режима свободной торговли Китай - АСЕАН вступит в полную силу для всех участников соглашения. В 2020 году АСЕАН впервые станет крупнейшим торговым партнером Китая.

Масштабы торговли и инвестиций в Зоне свободной торговли Китай-АСЕАН быстро увеличивались, и эффект торговли и инвестиций становились все более очевидными. С развитием строительства «Один пояс, один путь» разделение труда в промышленности между Китаем и АСЕАН станет более тесным, а двусторонняя торговля и инвестиция будет двигаться в направлении производственной цепочки с более высокой добавленной стоимостью и будет создавать более глубокое и широкое слияние производственной цепочки и цепочки создания стоимости и сообщество интересов. В будущем экономическое сотрудничество Китая и АСЕАН будет двигаться в сторону большего числа областей и более высоких уровней, включая укрепление сотрудничества двух сторон в таких областях «новой инфраструктуры», как 5G, Интернет вещей, искусственный интеллект и промышленный Интернет, а также продвижение развития трансграничной электронной торговли между двумя сторонами. В постэпидемическую эпоху Китай и страны АСЕАН будут глубоко вовлечены в оптимизацию и изменение производственной цепочки и цепочки создания стоимости. 15 ноября 2020 года Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и десять стран АСЕАН подписали «Соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве», образуя

крупнейшую в мире зону свободной торговли. С подписанием «Соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве» потенциал сотрудничества между Китаем и АСЕАН в производственной цепочке, цепочке поставок, технологических инновациях и в других областях будет еще больше раскрыт.

Создание Евразийского экономического союза в основном направлено на защиту региональных интересов. Экспортные товары союза - это в основном сырьевые товары, а импортируемые товары - в основном промышленные товары. Такая структура торговли приводит к тому, что фактический эффект от соглашения о свободной торговле союза может заключаться в том, что торговые убытки превышают торговые выгоды, поэтому подписание соглашения о свободной торговле продвигается медленно. Однако с усилением стратегической игры крупных держав и усилением протекционизма в международной торговле развитые страны ускоряют «реиндустриализацию», глобальные инвестиционные и торговые правила и международное промышленное разделение труда сталкиваются с серьезными изменениями, а глобальные производственные цепочки и цепочки поставок ускоряют корректировку. Евразийский экономический союз, имеющий относительно слабую экономическую мощь, должен активно участвовать в других механизмах экономического сотрудничества в регионе и в максимальной степени поддерживать собственную экономическую стабильность за счет экономического и торгового сотрудничества и распределения рисков, и ускорить оптимизацию и модернизацию собственной производственной структуры.

Китай может служить связующим звеном. Будь то с АСЕАН или Шанхайской организацией сотрудничества, Китай является твердым сторонником регионального экономического сотрудничества и реализации либерализации и упрощения торговых процедур. Евразийский экономический союз может использовать стратегическое сопряжение и упрощение процедур торговли с Китаем, чтобы стать одним из строителей зоны свободной торговли Китай-АСЕАН, тем самым интегрировавшись в глобальную це-

почку создания стоимости и участвуя в торговле цепочки создания стоимости, характеризующейся промежуточными продуктами, и постепенно формируя региональную экономическую интеграцию.

Это не только способствует достижению стабильности и модернизации экономики Евразийского экономического союза, но

также способствует продвижению открытости Евразийского экономического союза и политики АСЕАН в более многосторонней структуре, с тем чтобы способствовать двустороннему консенсусу с многосторонними результатами и продвигать связь между двумя сторонами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Канаев Е.А., Королев А.С.* Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН. // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* М., 2019. № 1. С. 26-43.
- 李勇慧.大欧亚伙伴关系框架下俄罗斯与东盟关系:寻求区域一体化合作[J].俄罗斯学刊,2017,7(02):38-44. (Ли Юнхуэй. Отношения между Россией и АСЕАН в рамках Большого евразийского партнерства: соискание сотрудничества в региональной интеграции // *Исследования России.* - 2017. - № 02. - С. 38-44.).
- 富景筠.俄罗斯与东亚合作——动因、制约因素及前景[J].俄罗斯中亚东欧研究, 2012(02):48-53. (Фу Цзинцзюнь. Сотрудничество России и Восточной Азии: стимулы, ограничения и перспективы. // *Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии.* - 2012. - № 02. - С. 48-53.).
- 刘小明.逐步形成运输便利化的"中国模式"[J].中国道路运输, 2018(01):11-14. (Лю Сяомин. Постепенное формирование «китайской модели» облегчения перевозок // *Дорожная перевозка Китая.* - 2018. - № 01. - С. 11-14.).

REFERENCES

- Kanaev E.A., Korolev A.S.* Indo-Tihookeanskij region i otnosheniya Rossii s ASEAN. // *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo.* M., 2019. № 1. S. 26-43.
- 李勇慧.大欧亚伙伴关系框架下俄罗斯与东盟关系:寻求区域一体化合作[J].俄罗斯学刊,2017,7(02):38-44. (Li YUnhuej. Otnosheniya mezhdru Rossiej i ASEAN v ramkah Bol'shogo evrazijskogo partnerstva: soiskanie sotrudnichestva v regional'noj integracii // *Issledovaniya Rossii.* - 2017. - № 02. - S. 38-44.).
- 富景筠.俄罗斯与东亚合作——动因、制约因素及前景[J].俄罗斯中亚东欧研究, 2012(02):48-53. (Fu Czinczyun'. Sotrudnichestvo Rossii i Vostochnoj Azii: stimuly, ogranicheniya i perspektivy. // *Issledovaniya Rossii, Vostochnoj Evropy i Central'noj Azii.* - 2012. - № 02. - S. 48-53.).
- 刘小明.逐步形成运输便利化的"中国模式"[J].中国道路运输, 2018(01):11-14. (Lyu Syaomin. Po-stepennoe formirovanie «kitajskoj modeli» oblegcheniya perevozok // *Dorozhnaya perevozka Kitaya.* - 2018. - № 01. - S. 11-14.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чжан Хунюань, Пекинский университет иностранных языков, Пекин, КНР.

Zhang Hongyuan, Beijing University of Foreign Languages, Beijing, China.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Научная статья / Research article

Российско-белорусское сотрудничество в контексте эволюции евроатлантического направления внешней политики Республики Беларусь во второй половине 1990-х гг.

Е. В. Мацулевич

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Витебск, Республика Беларусь
ORCID:0000-0002-5151-279X, evgeniya.maculevich@mail.ru*

Аннотация. Актуальность темы обусловлена трансформационными процессами на постсоветском пространстве после обретения бывшими советскими республиками независимости и их включения в процессы глобализации и интеграции. Цель данного исследования – изучить процесс изменения внешней политики Республики Беларусь во второй половине 1990-х гг., который произошел под влиянием кризиса отношений Республики Беларусь и Запада и выразился в углублении российско-белорусского сотрудничества. В основу исследования легли принципы историзма, объективности и системности, общенаучные и специально-исторические методы. Источниковой базой послужили архивные материалы и официальные документы, находящиеся в открытом доступе. Был сделан вывод о том, что кризис евроатлантического направления внешней политики Беларуси и негативное отношение стран Запада к сотрудничеству с республикой послужили стимулом к углублению российско-белорусского сотрудничества. Россия выступила противовесом угрозе для Беларуси со стороны НАТО, а также альтернативой экономических неудач на евроатлантическом направлении. Данное сотрудничество было продиктовано объективными внешнеполитическими обстоятельствами и отвечало белорусским интересам.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, Запад, российско-белорусская интеграция, внешняя политика, Евроатлантика, многовекторность

Для цитирования: Мацулевич Е.В. Российско-белорусское сотрудничество в контексте эволюции евроатлантического направления внешней политики Республики Беларусь во второй половине 1990 х гг. Постсоветские исследования. 2021;4(4):318–325.

Russian-Belarusian cooperation in the context of the evolution of the Euro-Atlantic direction of the foreign policy of the Republic of Belarus in the second half of the 1990s

Evgeniya V. Matsulevich

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
ORCID:0000-0002-5151-279X, evgeniya.maculevich@mail.ru*

Annotation. The relevance of the topic is caused by the transformation processes in the post-Soviet space after the former Soviet republics gained independence and their inclusion in the processes of globalization and integration. The purpose of this research is to study the process of changing the foreign policy of the Republic of Belarus in the second half of the 1990s, which occurred under the influence of the relation crisis between Belarus and the West and was expressed in the deepening of Russian-Belarusian cooperation. The research is based on the principles of historicism, objectivity and consistency, general scientific and special historical methods. The source base includes archival materials and official documents that are in the public domain. It was concluded that the Euro-Atlantic crisis of Belarus' foreign policy and the negative attitude of Western countries to cooperation with the republic served as an incentive to deepen

Мацулевич Е.В. Российско-белорусское сотрудничество в контексте эволюции евроатлантического направления внешней политики Республики Беларусь во второй половине 1990 х гг.

Russian-Belarusian cooperation. Russia acted as a counterweight to the threat to Belarus from NATO, as well as an alternative to economic failures in the Euro-Atlantic direction. This cooperation was the result of objective foreign policy circumstances and met the Belarusian interests.

Keywords: Belarus, Russia, West, Russian-Belarusian integration, foreign policy, Euro-Atlantic, multi-vector

For citation: Matsulevich E.V. Russian-Belarusian cooperation in the context of the evolution of the Euro-Atlantic direction of the foreign policy of the Republic of Belarus in the second half of the 1990s. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(4):318–325. (In Russ.)

После обретения независимости белорусское руководство стремилось включить страну в «европейский дом», в свете чего сотрудничество с постсоветскими государствами рассматривалось как «обреченность быть и жить вместе (хотелось бы это кому-либо или нет)», но с намерением белорусской стороны в сложившихся условиях «вместе с ними [другими странами СНГ] двигаться в Европу» [Кравченко 2009: 50]. После введения в Беларуси института президента в 1994 г. наблюдается отход от таких стремлений и переориентация на сотрудничество на восточном векторе (с Россией и странами СНГ) [Зиновьев, Троицкий 2017: 126]. Цель данного исследования – изучить процесс изменения внешней политики Республики Беларусь во второй половине 1990-х гг., который произошел под влиянием кризиса отношений Республики Беларусь и Запада и выразился в углублении российско-белорусского сотрудничества.

В «основных направлениях внешнеполитической деятельности Республики Беларусь», разработанных Министерством иностранных дел во второй половине 1994 г., впервые говорилось о том, что Беларусь строит многоуровневую систему приоритетов и двусторонних отношений. Страны экономически высокоразвитого Запада в данной системе занимали не первостепенное значение, уступая Российской Федерации, Украине, Польше и государствам Прибалтики, затем бывшим социалистическим странам Запада (Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния), а также Австрии, Республике Югославии, Скандинавским

государствам, Португалии, Швеции, среднеразвитым государствам Европы. США по-прежнему отводилось первостепенное значение, но уже наравне с Китаем и Индией [Шадурский 2011: 33]. Отход от стремления стать частью «европейского мира» был связан с происходившими на Западе процессами, в первую очередь с расширением НАТО на Восток, вызывавшим опасение и неприятие А. Лукашенко, и подталкивающим к поиску военного союзника [Косов 2018: 541].

Опыт предшествующих лет, когда взаимодействие с Европой шло медленно, а диалог с США напрямую зависел от вопроса ядерного разоружения Беларуси, который по окончании данного процесса имел перспективу перестать развиваться, способствовал усилению сотрудничества с ближайшими странами и с регионом СНГ и Россией в середине 1990-х гг. В таком направлении развивалась «Концепция международных отношений и внешней политики Республики Беларусь» 1995 г. (проект), в которой регион СНГ и Россия занимали место главного внешнеполитического партнера [Улахович 2009: 124].

В то же время среди руководства страны существовало и иное видение внешнеполитической деятельности государства. В 1995 г. депутат Верховного Совета Республики Беларусь П.В. Донеико (бел. – Данейка), рассматривая экономическую составляющую международного сотрудничества, призывал белорусское руководство держать ориентир не на Россию, а на более

эффективные рынки стран Запада¹. Объективные условия позволяли делать прогноз, что в будущем именно рынок России откроет новые возможности для белорусского экспорта, однако Запад, по мнению депутата, не должен был терять свою актуальность для страны. Как компромиссный вариант между прозападными и пророссийскими политиками предлагался «финляндский вариант», т.е. «безусловная ориентация на Запад с задачей захвата и удержания российского рынка»². Данный пример показывает внутривластные разногласия, которые были характерны при выработке внешнеполитической концепции Беларуси, что в конечном итоге не могло не сказаться на том, что ни один из проектов Концепции так и не был принят. В то же время этот пример иллюстрирует стремление ряда белорусских политиков развивать внешнеполитическую деятельность страны, основываясь на принципе взаимодействия с партнерами различных регионов, что в последующем легло в основу концепции многовекторности внешней политики Республики Беларусь.

Примером реализации такого подхода на практике стало появление планов совместного с Россией сотрудничества в западных структурах. Так, в тандеме с Россией планировалось присоединение Беларуси к ВТО³. В целом, Беларусь была заинтересована в расширении экономического и политического сотрудничества между ЕС и Союзом Беларуси и России, что должно было реализовать белорусскую задачу «повысить практическую отдачу» от внешней политики, т.е. ее экономическую

результативность, а также обеспечить региональную стабильность⁴. При этом Россия рассматривалась как природоресурсный источник, Беларусь – как партнер, полезный своими производственными и интеллектуальными возможностями, а Запад – как «центр соединения капитала и возможностей»⁵. Аргументом к сотрудничеству служил белорусский тезис о том, что «экономическое неравенство стран реально угрожает миру и стабильности в Европе», идея невозможности процветания ЕС в окружении стран с экономическими и социальными проблемами. Примечательно, что дискурс президента Беларуси исходил из понятия такого пространства, куда вошли Беларусь, Россия и ЕС, как «общего дома», который «должен стать единым Евросоюзом», по

⁴ Заява МЗС Рэспублікі Беларусь у сувязі з прыняццем Еўрапейскім парламентам Рэзалюцыі аб дагаворы аб Саюзе Беларусі і Расіі // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 100; Інтэрв'ю міністра замежных спраў-намесніка прэм'ер-міністра Рэспублікі Беларусь У. Е. Латыпава часопісу «Беларуская думка» // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 283–284; Інтэрв'ю міністра замежных спраў Рэспублікі Беларусь І. І. Антановіча «Белорусской деловой газете» // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 232.

⁵ Доклад намесніка міністра замежных спраў Рэспублікі Беларусь А. А. Дабрамудрава «Тэндэнцыі і перспектывы развіцця інвестыцыйнай дзейнасці ў Беларусі» на II Міжнароднай канферэнцыі па інвестыцыях у эканоміку Рэспублікі Беларусь // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 353.

¹ НАРБ (Нац. арх. Рэспублікі Беларусь). Ф. 7. Оп. 12. Д. 2394. Л. 111–114.

² НАРБ (Нац. арх. Рэспублікі Беларусь). Ф. 7. Оп. 12. Д. 2394. Л. 114.

³ Вытрымкі з Нацыянальнай праграмы развіцця эспарту на 2000–2005 гг. // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 422.

сути, обозначая идею интеграции ЕС и постсоветского пространства¹.

Сотрудничество с Россией также отвечало белорусской задаче в сфере политики на западном направлении – укрепить свои позиции в ОБСЕ. На 8-й сессии Парламентского собрания Союза Беларуси и России в 1998 г. российская сторона заверила белорусскую, что она будет отстаивать интересы республики на сессии Генеральной Ассамблеи ОБСЕ в июне 1998 г. в Копенгагене². Также Российская Федерация выступала защитницей Беларуси в ее конфликте с Западом, осудив в 1998 г. санкции ЕС в отношении республики, расценив это как давление на Союз Беларуси и России и стремление добиться его изоляции³. Таким образом, евроатлантическое направление не теряло важности при активизации деятельности на восточном векторе внешней политики Беларуси. Наиболее выгодным было сотрудничество как с Западом, так и с Востоком (Россией и СНГ), что в последующем привело к выработке понятия многовекторной внешней политики и определению особого геополитического положения Беларуси между Востоком и Западом как «моста».

Однако исследователи справедливо отмечают, что становление многовекторности происходило и в последующем развивалось с «опорой на одно крыло» – на СНГ, в частности на Россию [Косов 2020а: 55]. Это подтверждается количеством официальных визитов и встреч Президента

Республики Беларусь на высшем уровне в период с 1995 г. по 1998 г., среди которых наиболее часты контакты с представителями СНГ, в частности РФ⁴. После конституционного кризиса 1996 г. в Беларуси, когда страны Запада не признали итоги референдума в стране, евроатлантическое направление внешней политики республики вступило в фазу кризиса [Шадурский 2003: 45; Снапковский 2015: 13]. Инцидент с «изгнанием» (как это было воспринято европейцами и американцами) послов из белорусского правительственного комплекса «Дрозды» в 1998 г. в связи с его реконструкцией углубил этот кризис. Инициативы Минска по развитию белорусско-европейских и белорусско-американских отношений стали сдерживаться так называемым «ограничительным подходом западных партнеров» [Бабенко 2012: 137]. В условиях лишения права на получение въездных виз в государства-члены Евросоюза практически всех государственных служащих Республики Беларусь, приостановления контактов на высоком уровне, процесса пролонгации торговых соглашений и статуса «специально приглашенного» в Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) «отход от атлантизма» был закономерным следствием в качестве реакции белорусского руководства на подход Запада к стране. Развитие сотрудничества с СНГ и особенно с Россией должно было стать альтернативой экономических и политических неудач на евроатлантическом направлении. Установление диалога на азиатском направлении также отвечало этим целям, кроме того, на азиатском векторе Беларусь пыталась получить поддержку и одобрение интеграции с Россией в противовес противоположной позиции Запада. В связи с этим вопрос интеграционных процессов

¹ Выступленне Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі на сустрэчы кіраўнікоў дзяржаў і ўрад краін-членаў Арганізацыі па бяспецы і супрацоўніцтву ў Еўропе // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Маргынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 360.

² 8-я сессія Парламентскага сабраўня Саюза Беларусі і Расіі // Вестник Міністэрства інастранных дел. 1998. №2. С. 48.

³ Обращение Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации к парламентам государств-участников Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе // Вестник Министерства иностранных дел. 1998. №3. С. 40.

⁴ НАРБ (Нац. арх. Республики Беларусь). Ф. 7. Оп. 16. Д. 2787. Л. 28–29, 31–32; НАРБ (Нац. арх. Республики Беларусь). Ф. 7. Оп. 16. Д. 2783. Л. 43, 45, 210, 221, 224; НАРБ (Нац. арх. Республики Беларусь). Ф. 7. Оп. 16. Д. 2784. Л. 1, 5, 12, 22, 26, 91, 124.

в СНГ обсуждался с руководством Кореи, Вьетнама и Китайской Народной Республики (КНР) в ходе визитов туда Президента Республики Беларусь в 1997 г.¹.

В то же время евроатлантическое направление не было исключено из белорусского внешнеполитического курса и развивалось в контексте новых условий. Внимание уделялось Европейскому Союзу, приоритетность отношений с которым ставилась наравне с углублением сотрудничества с Российской Федерацией и развитием интеграционных процессов в рамках СНГ, что отвечало бы национальным интересам Беларуси². Однако позиция европейцев в отношении российско-белорусской интеграции была однозначно негативной, что вело к дальнейшему «отходу от атлантизма» Беларуси и углублению ее взаимодействия с Россией. В очередном проекте белорусской концепции внешней политики 1997 г. сотрудничество с СНГ и Российской Федерацией занимало не только первое место среди основных направлений, но и было прописано отдельно от текста о взаимодействии с другими странами, более основательно³. Кроме того, по мере ухудшения отношений с Западом меняется внешнеполитический дискурс Республики Беларусь. Если раньше опыт европейской интеграции брался за основу сближения со странами СНГ⁴, то теперь белорусское руководство апеллировало к опыту СССР⁵.

¹ НАРБ (Нац. арх. Республики Беларусь). Ф. 7. Оп. 16. Д. 681. Л. 110]

² Вытрымка з дакумента «Магчымыя наступствы для Рэспублікі Беларусь пашырэння Еўрапейскага саюза», падрыхтаванага Упраўленнем агульнаеўрапейскага супрацоўніцтва МЗС Рэспублікі Беларусь // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 337.

³ НАРБ (Нац. арх. Республики Беларусь). Ф. 7. Оп. 16. Д. 341. Л. 91–92.

⁴ Вытрымка з выступлення Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі на I Усебеларускім сходзе // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж.

Одной из причин активизации сотрудничества с восточным партнером, с Россией, по замечанию белорусского президента, стал личный фактор его персоны, которая являлась «не столь авторитетной» на Западе⁶. Особенно критично к нему относились США, которые готовы были поддержать Беларусь только до момента реализации своих интересов в стране, в частности до вывода ядерного оружия из республики, благодаря чему было «можно говорить хорошие вещи о Беларуси, несмотря на Лукашенко»⁷. При этом США своим стремлением не упустить контроль над Беларусью сами подталкивали ее и Россию к сближению. Если в 1991 г. страны высокоразвитого Запада и особенно ведущая держава – США, рассматривались белорусским руководством как «гарант нашей независимости» [Кебич 2008: 79], то после обвинения А.Г. Лукашенко в авторитаризме, нарушении прав человека, «нападении» на демократические институты в стране⁸, белорусское руководство было вынуждено искать нового значимого партнера для противодействия Западу. Дискурс личного

спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 83.

⁵ Встреча Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко с премьер-министрами государств-членов СНГ // Вестник Министерства иностранных дел. 1999. №2. С. 18.

⁶ Паведамленне інфармацыйнага агенцтва БелТА аб сустрэчы прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі з прэзідэнтам Польшчы А. Кваснеўскім // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 46–48.

⁷ E-mail from Blinken, Antony at Trip // The National Archives Catalog. 23 November 1996. URL: <https://catalog.archives.gov/id/23903484/2/public?contributionType=tag> (date of access: 19.10.2020).

⁸ Hearing announced: «Belarus – back in the USSR?» // Commission on Security and Cooperation in Europe: CSCE. 19 April 1999. URL: <https://www.csce.gov/international-impact/press-and-media/press-releases/hearing-announced-belarus-back-ussr> (date of access: 07.03.2020).

фактора «неавторитетности» белорусского лидера на Западе свидетельствует о том, что в условиях отсутствия восприятия Беларуси и ее руководства как значимых фигур западного мира ответной реакцией стало стремление добиться авторитета в рамках другого пространства (СНГ, восточного вектора).

После создания Союзного государства в политике США наблюдается дальнейшее давление на Беларусь, теперь уже в контексте российско-белорусского взаимодействия. 3 мая 2000 г. Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию по ситуации в Беларуси. Американцами оценивалась теперь не только внутривнутриполитическая ситуация в стране, но и процессы российско-белорусской интеграции. Вашингтон стремился привлечь российского лидера к обсуждению политических проблем (демократии) в республике, что свидетельствует о том, что США были намерены использовать российско-белорусское взаимодействие в своих интересах¹. Давление со стороны США через руководителей Российской Федерации было замечено белорусскими политиками², что углубляло отход Беларуси от ориентации на сотрудничество с США и активизировало «борьбу» за внимание России, которая, по мнению некоторых белорусских политиков, была вызвана стремлением А. Лукашенко стать главой союзного государства [Косов 2020b: 17; Косов, Юрчак 2021: 134].

Таким образом, с 1994 г. в основу внешнеполитической концепции Республики Беларусь были положены

принципы реализма и прагматизма. Под влиянием ухудшения отношений с Западом Беларусь переориентировала свою политику на сотрудничество со странами СНГ, в частности с Россией. Изначально выдвигаемая идея российско-белорусско-европейского сотрудничества не могла быть реализована из-за стремления Запада, в частности США, распространить свою сферу влияния на постсоветское пространство. Углубление российско-белорусской интеграции на фоне кризиса евроатлантического направления внешней политики Республики Беларусь отвечало национальным интересам страны (экономическим; политическим, в первую очередь – стремлению повысить международный престиж государства и его руководства).

¹ Congress of the United States. Washington DC, 20515 // The National Archives Catalog. 2 June 2000. URL:

<https://catalog.archives.gov/id/40484785/19/public?contributionType=tag> (date of access: 07.03.2020).

² Заява прэс-сакратара МЗС Рэспублікі Беларусь аб рэзалюцыі па сітуацыі ў Беларусі, прынятай Палатай прадстаўнікоў Кангрэса ЗША // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І.І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С.М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. Т.8. С. 446.

Мацулевич Е. В. Российско-белорусское сотрудничество в контексте эволюции евроатлантического направления внешней политики Республики Беларусь во второй половине 1990 х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко О.В.* Республика Беларусь между Россией и Западом: 1991–2010 гг. (Реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История. 2012. №2. С. 128–140.
- Зиновьев В.П., Троицкий Е.Ф.* Внешняя политика Белоруссии (1992–2017 гг.): малое государство на геостратегическом разломе // Русин. 2017. №4. С. 123–133.
- Кебич В.Ф.* Искушение властью: из жизни премьер-министра. Минск: Парадокс, 2008. С. 78, 229.
- Косов А.П.* Изучение экспертным сообществом страны белорусско-российских отношений в двустороннем и многостороннем форматах // Постсоветские исследования. 2020. №1. С. 54–74.
- Косов А.П.* Современные белорусско-российские отношения: восприятие и оценки политиков, экспертов, СМИ и общественности Беларуси, России, Украины и стран Запада. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. 316 с.
- Косов А.П.* Союзное государство Беларуси и России в 1999–2018 гг.: геополитический аспект // Постсоветские исследования. 2018. №6. С. 537–549.
- Косов А.П., Юрчак Д.В.* Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. 387 с.
- Кравченко П.К.* Беларусь на переломе: дипломатический прорыв в мир. Выступления, статьи, интервью, беседы, дипломатические документы и переписка: учеб.-метод. пособие. Минск: БИП-С Плюс, 2009. С. 50.
- Снапковский В.Е.* Внешняя политика Республики Беларусь: концептуальные основы и приоритетные направления // Внешняя политика новых независимых государств: сборник / редкол.: Б.А. Шмелёв (отв. ред) [и др.]. Москва: ИЭ РАН, 2015. С. 10–33.
- Улахович В.Е.* Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2005 гг.). Минск: Харвест, 2009. 352 с.
- Шадурский В.Г.* Отношения Республики Беларусь и Европейского союза: внутренний и внешний контекст // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. №1. С. 45–48.
- Шадурский В.Г.* Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2011) // Веснік БДУ. 2011. №3. С. 31–36.

REFERENCES

- Babenko O.V.* (2012). Respublika Belarus' mezhdru Rossiei i Zapadom: 1991–2010 gg. (Referativnyi obzor) // Social sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 5: History, 2, ss. 128–140.
- Kebich V.F.* Iskushenie vlast'yu: iz zhizni prem'er-ministra. Minsk: Paradoкс, 2008. S. 78, 229.
- Kosov A.P.* (2018). Soyuznoe gosudarstvo Belarusi i Rossii v 1999–2018 gg.: geopoliticheskii aspekt // Postsovetskie issledovaniya, 6, ss. 537–549.
- Kosov A.P.* (2020a). Izuchenie ekspertnym soobshchestvom strany belorussko-rossiiskikh otnoshenii v dvustoronnem i mnogostoronnem formatakh // Postsovetskie issledovaniya, 1, ss. 54–74.
- Kosov A.P.* (2020b). Sovremennye belorussko-rossiiskie otnosheniya: vospriyatie i otsenki politikov, ekspertov, SMI i obshchestvennosti Belarusi, Rossii, Ukrainy i stran Zapada. Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova, 316 s.
- Kosov A.P., Yurchak D.V.* (2021). Respublika Belarus' v integratsionnykh protsessakh na postsovetskom prostranstve. Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova, 387 s.
- Kravchenko P.K.* Belarus' na perelome: diplomaticheskij proryv v mir. Vystupleniya, stat'i, interv'yu, besedy, diplomaticheskie dokumenty i perepiska: ucheb.-metod. posobie. Minsk: BIP-S Plyus, 2009. S. 50.
- Shadurskii V.G.* (2011). Formirovanie kontseptual'nykh osnov vneshnei politiki Respubliki Belarus' (1991–2011). Vesnik BDU, 3, ss. 31–36.

- Shadursky V.* (2003). The Relations Between Belarus and the European Union: Domestic and Foreign Policy Aspects // *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, 1, ss. 45–48.
- Snapkovskii V.E.* (2015). Vneshnyaya politika Respubliki Belarus': kontseptual'nye osnovy i prioritetye napravleniya // Foreign policy of the new independent states. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, ss. 10–33.
- Ulakhovich V.E.* (2009). Formirovanie osnov vneshnei politiki Respubliki Belarus' (1991–2005 gg.). Minsk: Kharvest, 352 s.
- Zinovyev V.P., Troitskiy E.F.* (2017). The foreign policy of Belarus (1992–2017): a small state at the geostrategic break // *Rusin*, 4, ss. 123–133.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мацулевич Евгения Васильевна – **Evgeniya V. Matsulevich** – Master's магистрант кафедры истории и degree student of the Department of History культурного наследия Витебского and Cultural Heritage, Vitebsk State University государственного университета имени named after P.M. Masherov П.М. Машерова

Сотрудничество между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в сфере ядерной энергетики

И. А. Zubov

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
1032170061@rudn.ru*

Аннотация. Предметом анализа данного небольшого исследования является в широком смысле российско-белорусское сотрудничество в сфере атомной энергетики, в узком - развитие «мирного атома» в Беларуси. 15 марта 2011 г. в Минске в ходе заседания Совета министров Союзного государства было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Беларусь атомной электростанции. А уже 18 июля 2012 г. в Минске по итогам заседания Совета министров Союзного государства РФ и Белоруссии в присутствии премьеров Д.А. Медведева и М. В. Мясникова был подписан генеральный контракт на сооружение Белорусской АЭС. С политической точки зрения строительство первой атомной станции в Беларуси не только сохранит энергетическую независимость республики от соседних стран Евросоюза, но и может существенно усилить ее собственный экспортный потенциал на всём восточноевропейском энергетическом рынке. В свете этого причины противодействия планам Беларуси по освоению технологий атомной энергетики со стороны восточноевропейских соседей, прежде всего Литвы, кроются, по мнению автора, именно в конкуренции на рынке энергетики. В рамках данной статьи мы рассмотрим ключевые политические и экономические аспекты, относящиеся к реализации российско-белорусского сотрудничества в атомной энергетике. В ходе подготовки исследования автор использовал историко-аналитический метод, метод экономического моделирования, метод структурного анализа и метод политического анализа.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, атомная энергетика, АЭС, сотрудничество, Союзное Государство

Для цитирования: Zubov И.А. Сотрудничество между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в сфере ядерной энергетики. Постсоветские исследования. 2021;4(4):326–332.

Cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation in the field of nuclear energy

Ilya A. Zubov

*RUDN University, Moscow, Russia
1032170061@rudn.ru*

Abstract. The subject of this short research is the Russian-Belarusian cooperation in the field of nuclear energy in a broad sense, and the development of the "peaceful atom" in Belarus in a narrow sense. On March 15, 2011, during a meeting of the Council of Ministers of the Union State in Minsk, an agreement was signed between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on cooperation in the construction of a nuclear power plant on the territory of the Republic of Belarus. And already on July 18, 2012 in Minsk, following a meeting of the Council of Ministers of the Union State of the Russian Federation and Belarus, in the presence of Prime Ministers Dmitry Medvedev and Mikhail Myasnikov, a general contract for the construction of the Belarusian nuclear power plant was signed. From a political point of view, the construction of the first nuclear power plant in Belarus will not only preserve the energy independence of the republic from the neighboring EU countries, but also significantly strengthen its own export potential in the entire Eastern European energy market. In this light, the reasons for the

opposition to Belarus ' plans to develop nuclear energy technologies on the part of its Eastern European neighbors, primarily Lithuania, lie, in the author's opinion, precisely in the competition in the energy market. In this article, we will consider the key political and economic aspects related to the implementation of Russian-Belarusian cooperation in the nuclear energy sector. Working on the study, the author used the historical-analytical method, the method of economic modeling, the method of structural analysis and the method of political analysis.

Keywords: Russia, Belarus, nuclear power, nuclear power plants, cooperation, Union State of Russia and Belarus.

For citation: Zubov I.A. Cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation in the field of nuclear energy. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(4):326–332. (In Russ.)

Основные направления сотрудничества стран. Попытки создать в Беларуси ядерную инфраструктуру для обеспечения потребностей её энергозатратной экономики были предприняты еще в СССР. Атомные электростанции активно строились во всех частях Союза, за исключением Белорусской республики и в планах руководства страны в середине 1970-х гг. предполагалось строительство АЭС в вышеперечисленной республике. Данное решение позволило бы обеспечить более полно энергетическую безопасность Минска. Например, стране не пришлось бы закупать у соседних государств электроэнергию после развала СССР. Однако после аварии на ЧАЭС, конечно, данный вопрос был отложен более чем на 20 лет.

Необходимо отметить тот факт, что центральное место в отношениях стран в области ядерного взаимодействия занимает строительство и дальнейшая эксплуатация атомной электростанции на территории Беларуси, строительством которой занимается Россия.

С 2006 г., Москва и Минск начали вести активно переговоры о строительстве АЭС на территории Беларуси. Данная атомная электростанция, её строительство занимают центральное место в сотрудничестве двух стран в области ядерной энергетики. В 2008 г. РБ определилась с подрядчиком на строительство данного объекта. Им, конечно, стала Москва. В 2009 г. страны подписали соглашение о сотрудничестве в области мирного атома¹, а в 2011 г. был непосредственно ра-

тифицирован договор о строительстве АЭС в ходе визита российского лидера в братскую республику².

Столь масштабный проект требовал измеримых затрат, которых у Минска не было. Об этом заявило белорусское руководство еще на этапе переговоров о строительстве и, единственным выходом из сложившейся ситуации, стал льготный кредит от Москвы. Кремль одобрил данную просьбу Беларуси и выдал около 10 млрд. Изначально Россия планировала одобрить кредит в 2 раза меньше, однако белорусская сторона настояла на увеличении финансирования. И Москва решила пойти на уступки, осознавая важность проекта не столько для решения энергетических потребностей Беларуси, сколько для повышения своего международного авторитета, как ядерной державы. Строительство белорусской атомной электростанции по прогнозам российских экспертов благоприятно повлияет на общую экономическую ситуацию в стране. Будет положительно решен вопрос энергоснабжения, появиться возможность экспортировать электроэнергию в сопредельные страны, что позволит Минску получать еще большую прибыль с продаж данного сырья.

Также к выгодам использования атомной электростанции можно отнести ее эко-

энергии в мирных целях от 28.05.2009 г. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28480 (дата обращения: 15.11.2020).

² Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Беларусь атомной электростанции от 15.03.2011 г. URL: http://sosny.bas-net.by/wp-content/blogs.dir/2/files/2013/05/agreement_2.pdf (дата обращения: 23.11.2020).

¹ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области использования атомной

логичность. Беларусь является участником Парижского соглашения, и она вынуждена сокращать выбросы парниковых газов. Данное обязательство можно решить двумя путями – строительством АЭС или альтернативными источниками. Последние строить крайне дорого, и пока еще данный вид энергетики развит не так хорошо, чтобы вырабатывать достаточное количество электроэнергии. В отличие от атомной электростанции.

Строительство АЭС также способствует повышению международного авторитета Беларуси на мировой арене. После окончательного завершения строительства Минск станет полноправным участником клуба, в котором состоят государства, воспользовавшиеся своим правом на мирный атом.

Также атомная электростанция положительно повлияет на развитие региона, в котором она находится. АЭС позволит обеспечить около 3 тысяч новых рабочих мест, создать современную инфраструктуру, повысится медицинское обслуживание, улучшится образовательный процесс и в целом повысится уровень жизни населения. Также для работы на атомной электростанции потребуется переквалификация или подготовка новых кадров, а соответственно ВУЗы страны должны будут расширить спектр своей деятельности.

Помимо кредита Москва также пообещала обслуживать атомную электростанцию с технической точки зрения, а также перерабатывать и утилизировать ядерные отходы. Однако при условии, что топливо для АЭС будет закупаться именно у Москвы.

Наконец, в 2013 г. А. Г. Лукашенко дал старт строительству АЭС и к началу 2021 г. первый блок был построен, второй предполагается ввести в эксплуатацию через год.

Атомная электростанция в Беларуси будет производить после окончания ее строительства около 1/3 всей необходимой электроэнергии для выполнения социальных обязательств перед своими гражданами. А именно 2500 МВт она будет вырабатывать. В 2022 г. Минск планирует отключить крупнейшую Лукомльскую теплоэлектростанцию в связи с введением в эксплуатацию АЭС. Данный шаг призван сократить зависимость Республики от Москвы, так как

все ТЭЦ Беларуси работают на российском голубом топливе. И если данная все пройдет так, как задумано белорусским руководством, то уже на 30% энергетическая безопасность Беларуси будет обеспечена.

Проект возведения атомной электростанции в Беларуси стал одним из самых обсуждаемых и подверженных критике прежде всего в западных СМИ. И причины для беспокойства европейцев были. Стоит отметить, что взволнованы больше всех были и также остаются на сегодняшний день страны Прибалтики. По мнению ряда исследователей, данные опасения и резкая критика в адрес проекта Беларуси и России носит, прежде всего, политический мотив. Если ранее Литва в первую очередь закупала существенную часть электроэнергии у Минска, то после запуска АЭС ситуация изменилась, и Вильнюс покупает также и сегодня данное сырье у Москвы. Благодаря данному спору Россия нарастила экспорт электроэнергии в Прибалтийские страны.

Литва, Латвия и Эстония при каждом удобном случае пытаются дискредитировать белорусскую АЭС. Страны опасаются повторения чернобыльского сценария, а также усиления России на рынке электроэнергии. В связи с этим страны Прибалтики с 2025 г. будут закупать электричество только в Европейском союзе и полностью откажутся от российского аналога. В связи с этим Минск, который надеялся всё равно продавать соседним странам электроэнергию после завершения строительства белорусской АЭС, задался вопросом о сбыте. За время проектировки и ввода в эксплуатацию ситуация на сырьевом рынке коренным образом изменилась. Если ранее, например, Литва после отключения от сети собственной АЭС была крайне заинтересована в покупке электроэнергии, то сейчас ситуация изменилась и в скором времени Вильнюс будет закупать вышеупомянутое сырье только у Запада. Украина обладает собственными АЭС и даже продает излишки электроэнергии. Москве явно хватает собственного электричества, и закупать у Беларуси не планирует, как в ближайшей перспективе, так и в далекой.

Также Минску нелегко будет реализовывать за рубеж свои излишки электроэнер-

гии еще и благодаря геополитическому фактору. Отношения в 2020 г. Запада и Беларуси испортились кардинальным образом. Однако еще и раньше европейские страны отказались покупать электроэнергию, которая, по их мнению, выработанную недостаточно экологическим путем. Данное мнение высказывается западными лидерами, несмотря на всевозможные доклады МАГАТЭ, которые заявляют о полном соответствии белорусской АЭС всем международным стандартам безопасности.

Однако все вышеперечисленные сложности Москвы и Минска с Западом только спланируют Россию и Беларусь. Два государства в последнее время всё активнее сотрудничают в сфере атомной энергетики. После завершения строительства второго блока АЭС и полноценного ввода ее в эксплуатацию Москва и Минск смогут сотрудничать в совершенно новых промышленных отраслях. Например, две страны могут создать совершенно новый научно-исследовательский институт в области ядерной энергетики, который будет под общим управлением. По мнению ряда экспертов из Курчатовского института Россия и Беларусь могли бы благодаря такому развитию событий работать в сельском хозяйстве, медицине и промышленности с использованием новейших и самых безопасных ядерных технологий.

Также белорусское и российское руководство рассматривают более грандиозные перспективные проекты на будущее. И это строительство второй атомной электростанции. Данный шаг позволил бы полностью отказаться Минску от поставок российского голубого топлива и практически полностью обеспечил бы энергетическую безопасность Республике. Однако пока еще данные планы весьма туманны и пока еще не совсем ясно будет ли белорусская сторона развивать ядерную энергетику так же стремительно, как начала.

Таким образом, АЭС коренным образом влияет на отношения стран в сфере энергетики. Для двух стран данный проект крайне выгоден. Для Минска это прежде всего попытка обрести хоть какую-то энергетическую независимость от своего союзника, а для Москвы это шанс прежде всего повы-

сить свой мировой авторитет в данной сфере для того, чтобы получить контракты на строительство новых атомных станций в мире. Сотрудничество в данной области протекает достаточно спокойно, в отличие от нефтегазового сектора, но тут стоит отметить тот факт, что Москва несколько раз шла на уступки Минску относительно реструктуризации долга. Это объясняется, прежде всего, важностью реализации проекта для России в первую очередь.

Влияние атомной энергетики на нефтегазовое сотрудничество двух стран. Энергосистема Минска в недалеком прошлом была типичной для бывшей советской республики. А именно преобладание тепловых электростанций в стране для обеспечения потребностей энергозатратной промышленности, которая работает в основном на природном газе, которое поставляется Москвой прежде всего. И электричества Республике хватает и даже существуют избытки, которые экспортируются в сопредельные государства. После запуска АЭС в полном объеме планируется сокращение на 30% импорта голубого топлива. Данный шаг должен повысить энергобезопасность страны, так как снизит зависимость от поставок российского сырья.

Введение в эксплуатацию АЭС имеет ключевое влияние на нефтегазовый сектор экономики. В связи с запуском станции примерно в начале 2022 г., белорусские власти настроены крайне оптимистично относительно реализации данного проекта и возлагают большие надежды на него. Прежде всего Минск заявляет о том, что после пуска атомной станции будет снижен импорт органического топлива, также будут переориентированы на электричество многие промышленные предприятия, в связи с вышеперечисленными факторами логично будет предположить, что измениться в лучшую сторону экологическая обстановка в стране.

После полного завершения строительства АЭС страна сможет сэкономить до 5 млрд кубометров газа ежегодно, что составляет ровно половину от импорта голубого топлива за 2019 г. Стоит отметить, что это кардинальный шаг в решении энергетической безопасности страны. Минск намерен и далее развивать атомную промышленность,

чтобы полностью перестать зависеть от любого топлива из РФ.

Предполагается, что запуск обоих энергоблоков АЭС не сможет сократить расходы на электричество, а наоборот. То есть обслуживание атомной электростанции Минску не будет выгоднее, нежели закупать любое топливо у России. По мнению ряда исследователей такова цена энергетической независимости. Прежде всего это обусловлено различными издержками. А именно затраты на уплату экологического налога, воду, различные химические вещества для нормального функционирования электростанции и также утилизация ядерных отходов, которыми заниматься будет Россия.

Однако главный вопрос, которым задаются эксперты из России, Беларуси, а также сопредельных государств заключается в следующем: потеряет или приобретет Москва от данного сотрудничества, ведь поставки природного газа будут явно снижены. Несмотря на это страны получают большую выгоду от сотрудничества в атомной сфере.

Минск укрепит свою энергетическую независимость благодаря АЭС. Улучшит свою экологическую ситуацию в стране и снизит выброс парниковых газов, в соответствии с подписанным Парижским соглашением. А вот для России выгод гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Москва всеми силами в последние годы старается заявить о себе как о ядерной державе, способной не только использовать атом в военных целях, но и в мирных в других странах. Строительство данной АЭС своего рода инвестиции в будущее. Москва хочет наглядно продемонстрировать, что у государства достаточно сил и ресурсов для таких крупномасштабных проектов. Как уже было заявлено ранее данные станции требуют ежедневного обслуживания, а кроме России никто этого сделать не может, так как российские технологии уникальны и имеют ряд специфических особенностей. В связи с этим другим странам не представляется возможным выполнить за Москву данные функции, так как это, по крайней мере, не безопасно. Также благополучное завершение данного проекта позволит России использовать мягкую силу в зарубежных стра-

нах и укреплять имидж нашей страны на мировой арене. И искоренять ассоциацию Москвы, как сырьевой придаток ЕС.

Учитывая все вышеперечисленные факторы, снижение экспорта природного газа не существенно повлияет на наполняемость бюджета Москвы. А если еще учесть тот факт, что Минск будет долго выплачивать кредит за данный объект и также АЭС требуется обслуживание, то с уверенностью можно заявить о взаимовыгодности проекта для обеих стран в равном эквиваленте.

Также стоит отметить, что белорусское руководство лишь заявило о плане по снижению на 40% импорт природного газа. Однако на практике скорее всего будет скорректирована данная цифра, что сделало для Москвы данный проект еще более привлекательным. И необходимо указать, что вышеперечисленное мнение исследователей не беспочвенно.

Беларусь строя данную атомную станцию рассчитывала на экспорт электроэнергии в сопредельные страны, например, в Прибалтику. В данный регион гораздо выгоднее поставлять данное сырье, нежели в отдаленные районы страны. Это объясняется тем, что при транспортировке до 50% электроэнергии под воздействием законов физики не доходит до конечного пункта назначения. Именно поэтому Минск рассчитывал продавать ее в страны Прибалтики. И планы должны были осуществиться. Ведь Литва, которая в угоду ЕС закрыла собственную АЭС, остро нуждается в электроэнергии, а дешевое данное сырье из Беларуси было бы Вильнюсу очень кстати. Однако в связи с политическими мотивами все Прибалтийские страны отказались закупать у Минска вышеупомянутое сырье, полученное на АЭС. И на сегодняшний день рынков сбыта излишком электроэнергии не так много. Остаются только две страны для экспорта – Украина и РФ. Однако оба государства обеспечены данным сырьем и менять свою позицию не намерены в ближайшем будущем.

В связи с этими обстоятельствами пока что не ясно как будет действовать белорусское руководство. Ведь природный газ для работы ТЭЦ в отдаленных от АЭС регионах по мнению ряда экспертов обойдется де-

шевле, нежели транспортировка электроэнергии. В таком случае Минск будет вынужден закупать нефтепродукты у Москвы не в прежних объемах, но и сократить поставки на 40% данный фактор не позволит Беларуси.

Также необходимо заметить, что теплоэлектростанции прошли глубокую модернизацию совсем недавно. Однако по плану несколько таких предприятий должны остаться работать на минимальной мощности, что неизбежно приведет к сокращению числа сотрудников и простаиванию современного оборудования. Данный фактор наравне с вышеупомянутым является большим препятствием на пути отказа от голубого топлива.

Наиболее вероятным сценарием развитием событий после запуска АЭС представляется таким, что сокращение природного газа будет не столь существенным, как было заявлено ранее, но и атомная станция будет работать практически в полную силу. Это стало возможным после корректировки курса в сфере атомной энергетики белорусским руководством. А именно Минск осознал, что в ближайшем будущем будет актуальна проблема профицита электроэнергии. И, в связи с этим был провозглашен курс на модернизацию промышленности и строительство новой, работающей исключительно на электроэнергии, а не на природном газе. Также в комплекс данных мер входит развитие такой отрасли как электротранспорт и инфраструктуры для него соответственно. Все вышеперечисленные меры в будущем призваны сократить зависимость от природного газа. Однако на настоящий момент ожидать резкого отказа Минска от российского нефтегазового сырья не стоит и именно поэтому конфликтов между двумя странами относительно поставок не возникает. В РФ и РБ прекрасно понимают, что в один момент нельзя разрушить связи, которые были еще со времен СССР.

Таким образом, ввод в эксплуатацию атомной электростанции не сильно изменит сложившуюся ситуацию с поставками нефти и газа из России в Беларусь. Это объясняется несколькими факторами, а именно прежде всего нерентабельностью транспортировки электроэнергии через всю страну. Де-

шевле будет купить российское голубое топливо. А также наличием современным оборудованием на ТЭЦ, заточенное на работу на голубом топливе. Модернизация теплоэлектростанций произошла совсем недавно и крайне невыгодно на сегодняшнем этапе закрывать эти предприятия, что сулит белорусской экономике большими потерями. Минск, предвидя профицит электроэнергии, в будущем планирует увеличить потребления данного сырья, но на современном этапе скорее всего Беларусь не сможет сократить на 40% покупку российского газа, как это было заявлено ранее руководством страны.

Таким образом, взаимоотношения в области мирного атома развиваются между Москвой и Минском крайне стремительно в последние два десятилетия. Установлено, что центральное место в отношениях двух стран в данной области занимает строительство АЭС и ее дальнейшая эксплуатация. Этот проект крайне выгоден для обеих стран. Для Минска это первый шаг на пути к энергетической независимости, а для Москвы шанс хорошо зарекомендовать в мире, как надежного подрядчика столь масштабного проекта. Для того, чтобы в будущем строить АЭС, в-третьих, странах. Однако существуют и проблемы в данной отрасли. А именно после завершения строительства прогнозируется профицит электроэнергии, так как западные страны отказались покупать излишки продукции АЭС, так как изначально выступали против её строительства. Также Минск обладает современной инфраструктурой на ТЭЦ, работающих на газу, и в случае запуска атомной станции вышеупомянутые теплоэлектростанции окажутся ненужными. Это приведет к финансовым потерям и сокращению большого количества рабочих мест. В связи со всеми изложенными факторами Минск никак не сможет сразу же после пуска АЭС отказаться от российского газа на 40%. Данный процесс будет идти постепенно и довольно долго. Именно поэтому Россия не озадачивает тот факт, что Беларусь сможет отказаться от газа. Во-первых, это произойдет очень нескоро, а во-вторых, Москва осознает важность развития технологий мирного атома не только на своей территории, но и в других странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Marples D-R.* The Energy Dilemma of Belarus: The Nuclear Power Option. // Eurasian Geography and Economics. 2008. P.39-43.
- Бусурин Ю.Н.* Опыт и практика России в оказании содействия странам-партнерам в создании ядерной инфраструктуры // Индекс безопасности. 2014. Т. 20. № 4 (111). С. 59-70.
- Голованова Е.А., Седяров О.И., Дашкевич И.П.* О безопасности белорусской атомной станции // В сборнике: Инновационное развитие техники и технологий в промышленности (ИНТЕКС-2020). Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием, посвященной Юбилейному году в ФГБОУ ВО "РГУ им. А.Н. Косыгина". 2020. С. 108-113.
- Лобасова Д.Н.* Развитие атомной энергетики в Республике Беларусь. Опыт работы с общественностью по вопросам обеспечения экологической безопасности АЭС и мест захоронения ядерных отходов // The Newman in Foreign Policy. 2018. № 41 (85). С. 14-16.
- Рубан Л.С., Мищенко В.М.* Энергетическое взаимодействие стран ЕАЭС: трудности роста // Бурение и нефть. 2020. № 10. С. 50-58.
- Уткина М.Ф.* Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 3 (41). С. 72-79.

REFERENCES

- Busurin YU.N.* Opyt i praktika Rossii v okazanii sodejstviya stranam-partneram v sozdanii yadernoj infrastruktury // Indeks bezopasnosti. 2014. T. 20. № 4 (111). S. 59-70.
- Golovanova E.A., Sedlyarov O.I., Dashkevich I.P.* O bezopasnosti belorusskoj atomnoj stancii // V sbornike: Innovacionnoe razvitie tekhniki i tekhnologij v promyshlennosti (INTEKS-2020). Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii molodyh issledovatelej s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj YUbilejnomu godu v FGBOU VO "RGU im. A.N. Kosygi-na". 2020. S. 108-113.
- Lobasova D.N.* Razvitie atomnoj energetiki v Respublike Belarus'. Opyt raboty s obshchestvennost'yu po voprosam obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti AES i mest zahoroneniya yadernyh othodov // The Newman in Foreign Policy. 2018. № 41 (85). S. 14-16.
- Ruban L.S., Mishchenko V.M.* Energeticheskoe vzaimodejstvie stran EAES: trudnosti rosta // Burenie i nef'. 2020. № 10. S. 50-58.
- Utkina M.F.* Gosudarstvennaya korporaciya «Rosatom» kak instrument realizacii vneshnepoliticheskoy strategii Rossijskoj Federacii // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 3 (41). S. 72-79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зубов Илья Алексеевич, магистр в области международных отношений РУДН.

Ilya A. Zubov, Master of International Relations of the RUDN University.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Научная статья / Research article

Историческая взаимосвязанность и современные тенденции региональных отношений в Центральной Азии

М. А. Рахимов

*Академия наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан
ORCID 0000-0001-5414-8498, mirzonur@yahoo.com*

Аннотация. Центральная Азия на протяжении многих столетий была одним из основным связующим звеном на маршрутах Великого шёлкового пути. Регионы и страны проходят собственный путь исторических трансформаций, и ключевым аспектом исследований является определение взаимосвязанности, особенностей и различий. В данной статье на основе междисциплинарного подхода и изучения широкого круга материалов и источников рассматривается историческую общность народов Центральной Азии, а также состояние региональных кооперационных отношений в новейшей истории региона. Автор указывает, что страны Центральной Азии обладают богатым историко-культурным наследием, которое является чертами искомой универсальности, а в настоящее время республики проходят достаточно сложный путь многосторонних отношений. Государства региона совместно реализовали идею «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия», создали Форум глав государств региона, однако, с другой стороны, уровень внутрирегиональной торговли нуждается в расширении, требуют полного разрешения вопросы водопользования, делимитации и демаркации некоторых участков межгосударственных границ и др. Представляется целесообразным, чтобы республики Центральной Азии в целях достижения устойчивости в дву- и многосторонних связях интенсифицировали усилия в реализации совместных интеграционных проектов, в создании новых механизмов многостороннего экономического, экологического и научно-образовательного партнёрства, развитии международного и регионального туризма и др. Дальнейшее расширение и углубление политического и экономического сотрудничества между республиками будет иметь важное значение в обеспечении безопасности, устойчивости и стабильного развития Центральной Азии.

Ключевые слова: История, Центральная Азия, взаимоотношения, многосторонние отношения

Для цитирования: Рахимов М.А. Историческая взаимосвязанность и современные тенденции региональных отношений в Центральной Азии. Постсоветские исследования. 2021;4(4):333–342.

Historical interconnectedness and current trends in regional relations in Central Asia

Mirzohid A. Rakhimov

*Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
ORCID 0000-0001-5414-8498, mirzonur@yahoo.com*

Abstract. Central Asia has been one of the main links on the routes of the Great Silk Road for many centuries. Regions and countries go through their own path of historical transformation, and the key aspect of research is to determine the interconnectedness, features and differences. This article, based on an interdisciplinary approach and the study of a wide range of materials and sources, examines the historical community of the peoples of Central Asia, as well as the state of regional cooperative relations in the recent history of the region. The author points out that the countries of Central Asia have a rich historical and cultural heritage, which is the features of the

desired universality, and currently the republics are going through a rather complex path of multilateral relations. The states of the region jointly implemented the idea of "Central Asia-a nuclear-weapon-free zone", created a Forum of Heads of state of the region, but, on the other hand, the level of intraregional trade needs to be expanded, the issues of water use, delimitation and demarcation of certain sections of interstate borders, etc., require full resolution. It seems appropriate that the Central Asian republics, to achieve sustainability in bilateral and multilateral relations, intensify their efforts in implementing joint integration projects, creating new mechanisms for multilateral economic, environmental, scientific and educational partnerships, developing international and regional tourism, etc. Further expansion and deepening of political and economic cooperation between the republics will be important in ensuring the security, stability and stable development of Central Asia.

Keywords: History, Central Asia, relations, multilateral relations

For citation: Rakhimov M.A. Historical interconnectedness and current trends in regional relations in Central Asia. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(4):333–342. (In Russ.)

Историко-цивилизационное многообразие региона. Центральная Азия на протяжении многих столетий была одним из важных центров торгово-экономического и культурного обмена между Азией и Европой, основным связующим звеном на маршрутах Великого шёлкового пути. И очевидно, Центральная Азия обладает богатейшим, уникальным наследием, входящим в сокровищницу мировой цивилизации, которое и сегодня поражает исследователя чертами искомой универсальности, к которой стремится человечество. Напомним, в своё время мыслители нашего региона - Мухаммада Хорезми, Абу Наср Фараби, Абу Райхан Беруни, Абу Али ибн Сино и другие сыграли огромную роль в интеллектуальном развитии мировой цивилизации. Например, Абу Райхан Беруни прекрасно владел арабским, персидским, латинским, согдийским, санскритом, сирийским, древнееврейским, греческим и другими языками. Беруни впервые создал концепцию всемирной истории и отмечал, что история вчерашнего дня — это школа жизни для нас, ясное зеркало. Мы можем извлечь из этого уроки, сделать выводы, определить путь в будущее [Беруни 2014].

По слову Ф. Старра, в течение нескольких столетий Центральная Азия «являлась интеллектуальным хабом мира» [Starr 2013: 5]. И величайшая заслуга великих мыслителей состоит в том, что они приходили к идеям общечеловеческого

общественного и государственного развития, основанного, по сути, на принципах гуманизма и взаимоуважительного просвещения. Мыслители региона демонстрировали высокую академическую мобильность и сыграли огромную роль в развитии обмена достижениями материальной и духовной культуры народов Востока и Европы. По мнению учёного А. Меца, гуманизм классического европейского Ренессанса не был бы возможен без предшествующего философского ренессанса в Центральной Азии [Mez 1922: 504]. Утверждения этих специалистов, безусловно, находятся в оппозиции к односторонне ориентированным концепциям развития Востока и Запада, подкрепляя наш тезис о единстве и взаимосвязи исторических процессов в различных регионах мира, т.е. об отсутствии в них элемента предопределённости.

В Центральной Азии в различные периоды своей истории создавались государства и народы региона входили в состав различных полиэтнических образований. Как результат Центральная Азия многонациональна и полиэтнична. Большинство коренных этносов региона объединены глубокой хозяйственно-бытовой, языковой, конфессиональной, этнокультурной близостью. Как сказал известный востоковед Н.И. Конрад: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей. Связь эта, конечно, может быть очень различной – и по

характеру, и по интенсивности, и по масштабу, но она всегда существует. Поэтому в истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни. Такая общность ближайшим образом бывает региональной, т.е. охватывающей определённую группу соседствующих стран, но может становиться и очень широкой, включающей целые группы стран. В новое время она является даже мировой, т.е. в масштабе всего человечества» [Конрад 1972: 17]. Как результат, этнический состав населения Центральной Азии на протяжении длительного времени менялся в сторону всё большего увеличения числа представителей различных этносов и культурно-цивилизационного многообразия.

Как известно, с образованием в 1922 г. до своего распада в 1991 г. Советский Союз был одним из важных и сложных исторических событий XX в., вызвавшим глубокие геополитические изменения не только в бывшей территории СССР, но и мировом масштабе. Центральноазиатские советские республики - Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан были частью СССР. В настоящее время перед исторической наукой и смежными дисциплинами стоит ряд серьёзных задач, решение которых должно быть направлено на осмысление во многом неоднозначных и сложных явлений и процессов, которые происходили в Центральной Азии в XX в.

Вторая мировая война 1939-1945 гг. являлась самым масштабным конфликтом в истории человечества. С первых же дней Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. народы республик Средней Азии и Казахстана наряду с другими народами СССР защищали свою Родину. Регион стал одним из важнейших центров, производивших всё необходимое для фронта. В годы войны Узбекистан, например принял более 1 млн. человек, включая 200 тыс. детей-сирот, лишившихся родителей. Вместе с тем, в изучении истории республик региона в период Великой Отечественной войны имеется целый ряд пробелов. Например, до сих пор по ряду объективных и субъективных

причин не введены в научный оборот многие архивные документы, личные дела генералов, Героев Советского Союза.

Современная Центральная Азии, будучи частью новейшей истории цивилизации, тесно переплетена с глобальными процессами. Следует заметить, что история государственности Узбекистана и всего региона охватывает территорию не только непосредственно граничащих государств, таких как Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, но и более широкое географическое пространство – Евразии, Южной Азии, Ближнего Востока.

Глубокие исторические знания по-прежнему представляют твёрдую почву для изучения современных общественных трансформаций, компаративного анализа параллелей и закономерностей развития общества и государства. Известные учёные Ричард Нойштадт и Эрнест Мэй, как отмечают, что взгляд на историю помогает определить альтернативные варианты будущего и позволяет ориентироваться в глобальных взаимоотношениях настоящего [Neustadt, May 1986: XI-XXII]. Для нас очевидно, что поддержание и расширение диалога необходимо и что вовсе не безнадежен поиск взаимопонимания в решении сложных проблем во имя мирного и устойчивого развития всех народов Центральной Азии.

Здесь важным является междисциплинарность - неотъемлемой чертой современной науки и связана с интегративными и инновационными тенденциями, в частности использованием методов, выработанных в одной науке, в исследованиях другой науки. Предметом междисциплинарных исследований все сферы общества и государства, включая повседневная жизнь, экономика, международные отношения и др.

Следовательно, глубокое изучение исторического прошлого позволит определить позитивные и негативные моменты прошлой трансформации и представляют твёрдую почву для изучения современных общественных трансформаций, компаративного анализа параллелей и закономерностей развития

общества и государства.

Постсоветские академические ориентиры Центральной Азии. Разнообразие и темпы происходящих трансформаций в мировом масштабе свидетельствуют о неоднозначной динамике межгосударственных, межрегиональных и межцивилизационных отношений, возрастании роли международных факторов на региональном и локальном уровнях. Глобализация и регионализация выступают тенденциями, взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга, но в то же время и противоречащими друг другу, поскольку государства являются не только субъектами, но и объектами, а порой и жертвами этих тенденций. Ход истории в новых независимых государствах Центральной Азии является составной частью сложных мировых процессов. В условиях пересекающихся глобализационных и региональных процессов важные, взаимодополняющие роли играют изучение исторического наследия и международное гуманитарное сотрудничество как ключевые аспекты национального и регионального развития.

Теперь задача заключается в том, чтобы подготовить предпосылки к связанному с перспективами развития стран Центральной Азии. В постсоветское время развитие общественно-гуманитарных наук в регионе существенно продвинулось вперёд. В то же время имеется ещё ряд проблем, тормозящих этот процесс, включая нехватку специалистов, свободно владеющих иностранными языками, ограниченные объёмы зарубежных публикаций и слабое теоретико-методологическая основа. Эти и другие недостатки пока ещё препятствуют интеграции науки региона в мировую.

Перед наукой и образованием в странах Центральной Азии стоит задача создания необходимых условий для быстрого наращивания образовательного уровня общества, без чего невозможно национальное развитие в XXI в. Здесь, наряду с собственным историческим наследием, важно также учитывать мировой позитивный опыт. Можно отметить, что вузам и научным учреждениям республик

необходимо внедрить современную систему организации и управления обучения и научным изысканий. В частности, перед университетами стоит задача вхождения в мировой рейтинг, а научным учреждениям – задача преодоления междисциплинарных барьеров. И очевидно, что высокий уровень образования и науки – это важнейшая составляющая будущего развития стран Центральной Азии. Необходимо организовать системное изучение комплекса наук, донести до молодого поколения лучшие традиции прошлого и современные тренды, сформировать позитивные мировоззренческие ориентиры. Всё это, безусловно, потребует широкой мобилизации ресурсов, знаний и опыта, привлечения зарубежных партнёров, внедрения новых инновационных подходов, создания привлекательной и динамичной образовательной и академической среды, способной стать матрицей успешного развития Узбекистана и всей Центральной Азии.

Формирование и проблемы межгосударственных отношений. Современные международные отношения характеризует устойчивая тенденция к регионализации. В разных частях мира наблюдается стремление к постепенному, но неуклонному формированию региональных политических и экономических объединений, отстаивающих собственные и общие интересы. Эти новые тенденции и отношения исследуются в рамках различных теоретических подходов, школ и направлений, которые, в свою очередь, также претерпевают определённые трансформации.

В Центральной Азии наиболее сложным был и остаётся процесс формирования межгосударственных и многосторонних отношений внутри региона – с переменными успехами и неудачами [Saidazimova 2000]. В 1992 г. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан создали межгосударственную структуру – Центральноазиатское региональное сотрудничество (ЦАРС), главной целью которого было экономическое объединение путём формирования общего

экономического пространства и единого регионального рынка [Рахматуллина 2011: 404]. Вместе с тем высказывалась точка зрения о Евразийском объединении. Так, в марте 1994 г., выступая в аудитории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил создать на пространстве СНГ новое интеграционное объединение – Евразийский Союз Государств [Евразийская идея 2011: 404].

В 1994 г. заключен Договор о создании единого экономического пространства между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, а в 1995 г. Принята Программа экономической интеграции Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана на период до 2000 г. В 1998 г. эта структура была названа Центральноазиатским экономическим сообществом, а в феврале 2002 г. на встрече президентов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, была официально создана Организация центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). Следует заметить, что изучение деятельности ОЦАС обнаруживает наличие ряда проблем. Так, в течение более чем десяти лет главами государств региона было подписано более 200 документов в рамках интеграции, однако многие из них остались нереализованными. Не был выработан единый подход к использованию водных ресурсов Центральной Азии.

В октябре 2004 г. Российская Федерация, имевшая до этого времени статус наблюдателя, приняла решение о вступлении в полноправные члены ОЦАС. Через год в октябре 2005 г. на встрече глав государств-членов ОЦАС в северной столице России Санкт-Петербурге было принято решение об интеграции ОЦАС в ЕврАзЭС. На саммите ЕврАзЭС, который состоялся в январе 2006 г. в Санкт-Петербурге, были рассмотрены вопросы, связанные с порядком объединения Организации центральноазиатского сотрудничества и Евразийского экономического сообщества. Для обеспечения последовательного развития процесса интеграции принятые ОЦАС документы необходимо было привести в

соответствие с нормативами Сообщества. Во время саммита был подписан протокол о приеме в его члены Узбекистана. Объединение ОЦАС и ЕврАзЭС могло бы способствовать полноценному экономическому развитию стран-членов, однако данный процесс не был завершён.

Новые грани многосторонних взаимоотношений.

Развитие взаимоотношений Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, является одним из важнейших аспектов международных отношений в Центральной Азии. Расширение и укрепление многоплановых и взаимовыгодных отношений со странами Центральной Азии определено в качестве приоритета внешнеполитической деятельности Узбекистана. Дальнейшее развитие взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической, инвестиционной, транспортно-коммуникационной и гуманитарной сферах, а также по рациональному использованию водно-энергетических ресурсов будет способствовать устойчивому развитию всех стран региона и содействовать укреплению региональной безопасности.

Анализ развития международных отношений, на наш взгляд, должен обретать системный характер на основе изучения и сведения нескольких уровней анализа как внешних, так и внутренних факторов политических процессов. Как отмечал Питер Комхей: «Обоснованная и сильная теория внешней политики требует основательного теоретического знания внутренней политики» [Comhey1995: 203].

В связи с этим формирование концепции устойчивого развития Центральной Азии требует сегодня нового интеграционного подхода в решении основных вопросов и проблем и совместных действий в согласии с принципами международного права.

15-16 марта 2018 г. в Астане состоялась первая консультативная встреча глав Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и председателя Меджлиса Туркменистана. Следует заметить, что инициативу проведения регулярных встреч глав центральноазиатских стран исходила от Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева. На

встрече было принято общее заявление: стороны договорились о ежегодном проведении формата.

29 ноября 2019 г. в Ташкенте состоялась вторая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев провёл двусторонние встречи с Первым Президентом Казахстана – Елбасы Н. Назарбаевым, Президентом Кыргызской Республики С. Жээнбековым, Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном, а также с Президентом Туркменистана Г. Бердымухамедовым. В ходе этих встреч были рассмотрены актуальные вопросы двусторонних отношений и перспективы их расширения.

После этого началась Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. В своём выступлении Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев обратил внимание на назревший вопрос согласования единого видения многостороннего сотрудничества в регионе и выдвинул ряд инициатив, направленных на углубление торгово-экономических и инвестиционных связей, укрепление транспортной взаимосвязи и расширение транзитного потенциала региона, расширение сотрудничества в энергетической сфере, необходимость формирования туристического бренда Центральной Азии. Ш. Мирзиёев выступил также за выработку согласованных подходов к решению проблем водопользования на основе общих долгосрочных интересов, отметил важность координации усилий стран региона, направленных на содействие в достижении мира, национального согласия и экономическом восстановлении Афганистана.

На переговорах делегаций центральноазиатских государств в расширенном составе были рассмотрены вопросы укрепления безопасности, устранения между государствами торговых барьеров, продвижения крупных проектов, направленных на модернизацию энергетической инфраструктуры и расширение транзитных возможностей

региона. Стороны договорились поддерживать активные обмены и контакты на уровне регионов наших стран, регулярно проводить совместные мероприятия в области науки, образования, туризма, культуры и спорта. По итогам саммита было принято Совместное заявление и одобрен Регламент подготовки и проведения консультативных встреч. По предложению Президента Туркменистана главы государств единогласно избрали Н. Назарбаева – Почётным председателем Консультативной встречи глав государств Центральной Азии. Также в ходе встречи было принято решение о проведении следующей Консультативной встречи в 2020 г. в Кыргызстане. Однако, в связи с переходными политическими процессами в данной республике, было принято совместное решение о переносе встречи Консультативной встречи глав государств региона в столицу Туркменистана в 2021 г.

Вопросы региональной устойчивости и стабильности. Существующий комплекс вызовов современности, представляющих угрозу национальной, региональной и международной безопасности в Центральной Азии, требует расширения и углубления всего спектра взаимоотношений [Rakhimov 2018: 221].

Внешнеполитический курс республик региона корректировался с учётом трансформаций в современных международных и региональных отношениях, но прежде всего учитывая обострение вопросов безопасности и стабильности в Центральной Азии. Как отмечал политолог К. Дойч, среди многих целей, которые частные лица и правительства преследуют, широчайшим, наиболее распространённым и общим является безопасность [Deutsch 1988: 226]. Ключевыми вопросами внешней политики республик Центральной Азии были и остаются безопасность и устойчивость политических систем, обострение регионального межэтнического напряжения, угрозы международного терроризма, наркотрафики, экономические, социальные и экологические проблемы, которые несут угрозу дестабилизации не только для стран

Центральной Азии, но и на много шире.

Следует отметить, по инициативе Узбекистана и при поддержке стран региона в 2018–2019 гг. был принят ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН:

– «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе» (22 июня 2018 г.);

– «Просвещение и религиозная толерантность» (12 декабря 2018 г.);

– «Устойчивый туризм и устойчивое развитие в Центральной Азии» (19 декабря 2019 г.).

Резолюции ООН по Центральной Азии – это плоды совместных усилий стран региона при поддержке международного сообщества, ведь десятки стран мира стали соавторами документа. В них поддерживается курс на дальнейшее укрепление добрососедских и дружественных отношений между государствами региона на основе углубления связей в областях просвещения, науки, технологий, инноваций, туризма, культуры, искусства и спорта.

Также в Узбекистане прошла Международная конференция по обеспечению безопасности и устойчивого развития в регионе под эгидой ООН «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» (ноябрь 2017 г., Самарканд) и Международная конференция высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» (март 2018 г., Ташкент), в работе которых приняли активное участие представительные делегаций многих авторитетных международных организаций и заинтересованных государств.

Проблема Арала – одна из важнейших региональных проблем Центральной Азии, которая имеет общемировое значение. За последние полвека площадь акватории Аральского моря сократилась многократно. В июне 2017 г. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш побывал с визитом в

Республике Узбекистан. В ходе состоявшейся в Самарканде встречи Президента Ш. Мирзиёева с А. Гутерриш стороны обсудили состояние и перспективы развития сотрудничества между Узбекистаном и ООН, в частности, касающиеся смягчения последствий Аральской экологической катастрофы, решения социально-экономических и экологических проблем. Затем А. Гутерриш отправился в Нукус, где ему была представлена краткая презентация по проблемам Аральского моря. Из Нукуса в Муйнак Генеральный секретарь ООН совершил полёт на вертолёте, с которого осмотрел нынешнюю акваторию Аральского моря. А. Гутерриш заявил, что посещение Аральского моря – некогда четвёртого по размеру закрытого моря, а теперь почти мёртвого, – стало для него шоком. Он назвал то, что произошло с Аральским морем, «самой большой экологической катастрофой нашего времени».

Объективными факторами интеграции экологической политики государств Центральной Азии являются общность природно-климатических и географических условий, экологических потребностей и интересов живущих здесь народов, обострение экологической ситуации. К примеру, Узбекистан, Казахстан и Туркменистан испытывают определённые трудности в обеспечении водой населения и сельскохозяйственных угодий. А в Таджикистане и Кыргызстане активно тают ледники. Учитывая данную сложную ситуацию, странами региона был высказан ряд предложений. В частности, Президент Таджикистана Э. Рахмон, выступая на заседании ООН, предложил создание Международного фонда спасения ледников.

Проблемой экологической безопасности также является зона высокой сейсмичности, которая охватывает практически всю территорию региона.

Формирование концепции устойчивого развития независимых государств Центральной Азии требует нового подхода к экологической политике и осмыслению принципов международных отношений. Охрана окружающей природной среды в

регионе должен носить комплексный и целенаправленный характер.

Сфера туризма является одним из основных направлений международного гуманитарного сотрудничества, способствующим как углублению диалога культур между различными государствами посредством обмена культурным и историческим наследием, так и развитию экономики посредством валютных поступлений в экономику стран. Важность туризма в развитии экономики большинства развитых стран подтверждается данными Всемирного совета по туризму и путешествиям, согласно которым на долю туризма в 2019 г. приходилось 10,3% мирового ВВП, обеспечивает 330 млн. рабочих мест в мире. Однако, сильное негативное влияние глобальной пандемии 2020-2021 гг. на мировой, региональный и национальный туризм¹.

Туризм можно рассматривать как одну из важнейших форм народной дипломатии, приобретающую в условиях глобализации особую значимость в укреплении дружбы и взаимопонимания в Центральной Азии. Вместе с тем, анализ взаимодействия стран Центральной Азии по развитию регионального туризма показывает, что, сфера деятельности не получила ещё должного развития, и к общим проблемам, негативно сказывающимся на развитии туристической отрасли, можно отнести следующие: несформированность единой информационной базы туризма; слабое развитие и использование туристического потенциала; недостаточное инвестирование в развитие туристической инфраструктуры и внедрение информационно-коммуникационных технологий; несоответствие качества предоставляемых туристических услуг требованиям современного мира и др.

Страны Центральной Азии обладают богатым историческим и культурным наследием и традициями, региональное

сотрудничество имеет огромный потенциал для развития регионального и международного туризма. Поэтому формирование на основе сложившихся культурно-исторических и экономических связей общего туристского пространства в интересах интенсификации туристических обменов будет способствовать социально-экономическому развитию стран, а также развивать межкультурный диалог.

Заключение. Исторически Центральная Азия была одним из важных центров торгово-экономического и культурного обмена между Азией и Европой. Как выразился известный политолог Р. Кокс, нет общей модели, которая могла бы объяснить прошлое, настоящее и будущее [Cox 2006: 34-35]. Разнообразие происходящих трансформаций на постсоветском пространстве и в мире свидетельствует о неоднозначной динамике межгосударственных, межрегиональных и междивизиационных отношений, их влияния на развитие отдельных государств и регионов. Вместе с тем каждая страна проходит собственный путь исторических трансформаций, и ключевым аспектом сравнительных исследований является определение особенностей и различий, сказывающихся в политике разных стран [Comparative politics. Interests 2009: 2-3].

Современные условия и необходимость многостороннего сотрудничества требуют от новых независимых стран региона поиска новых форм взаимоотношений и кооперации как между собой, так и с другими странами в различных областях экономики, политики и культуры. Государства региона совместно реализовали идею «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия», создали Форум глав государств региона, однако, с другой стороны, уровень внутрорегиональной торговли нуждается в расширении, требуют полного разрешения вопросы водопользования, делимитации и демаркации некоторых участков межгосударственных границ и др.

Существующий комплекс проблем в Центральной Азии требует расширения и углубления всего спектра отношений,

¹ WTTC research reveals global Travel & Tourism sector suffered a loss of almost US\$4.5 trillion in 2020 due to the impact of COVID-19 // <https://wttc.org/News-Article/Global-TandT-sector-suffered-a-loss-of-almost-US4-trillion-in-2020>

включающих, помимо плодотворного политического и экономического сотрудничества, и богатую культурно-гуманитарную составляющую, в том числе творческие и академические связи. Представляется целесообразным, чтобы республика Центральной Азии в целях достижения устойчивости в дву- и многосторонних связях интенсифицировала совместные усилия в реализации совместных интеграционных проектов, в создании новых механизмов многостороннего экономического партнёрства, развитии международного и регионального туризма и др. Дальнейшее расширение и углубление политического и экономического сотрудничества между республиками будет иметь важное значение в обеспечении безопасности и стабильного развития Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беруни А.* Памятники минувших поколений (Хронология). Т.: Издательство «Фан». 2014.
- Евразийская идея Н. Назарбаева и тюркское пространство / Под общ. ред. Ибраева Ш. И. – Астана: Сарыарка, 2011. С. 404.
- Конрад Н.И.* Запад и Восток. М.: Наука, 1972. С. 17.
- Рахимов М.* Современные многосторонние отношения в Центральной Азии. Ташкент, Фан. 2020. 224 с.
- Рахматуллина Г.* Динамика развития интеграционных процессов в государствах СНГ и перспективы формирования единого экономического пространства. – Алматы, 2004. С. 92.
- Cowhey P.* “The politics of Foreign Policy in Japan and the United States” in Peter Cowhey and Mathew D. McCubbins, eds., *Structure and Policy in Japan and the United States*. New York: Cambridge University Press, 1995. P. 203.
- Comparative politics. Interests. Identities and institutions in a changing global order. Edited by J. Kopstein and M. Lichbach. Cambridge University Press. 2009. P. 2-3.
- Cox R.W.* On thinking about future world order. In *Theories of international relations. Volume 3. Approaches to International Relations: Structuralism 2006*. Eds. Stephen Chan and Cerwyn Moore. SAGE publication. P. 34-35.
- Dadabaev T.* *Toward Post-Soviet Central Asian Regional Integration* (Tokyo: AKASHI SHOTEN Co. Ltd., 2004), 50.
- Deutsch K.* *The analysis of international relations*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1988. P. 226.
- Jonboboev S., Rakhimov M., and Seidelmann R.* (eds), *Central Asia. Issues, Problems, and Perspectives* (Göttingen: Cuvillier Verlag, 2015).
- Laruelle M. and Peyrouse S.* *Globalizing Central Asia. Geopolitics and the Challenges of Economic Development* (Routledge, 2013).
- Mez A.* *Die Renaissance des Islams*. Heidelberg. 1922. P.504.
- Neustadt R. and May E.* *Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers*. New York, 1986. P. XI-XXII.
- Rakhimov M.* “*Contemporary Central Asia: balancing between Chinese and trans-Asian Silk Road Diplomacy*” in *China's Global Rebalancing and the New Silk Road*. Springer. Berlin, Germany. 2018, p. 221.
- Saidazimova G.* “Regional integration in Central Asia: Realities, challenges, and potentials,” *Central Asia and Caucasus*, 2000, (3). <http://www.cac.org/journal/caC-09-2000/10.Saidazim.shtml>.
- Starr F.* *Lost Enlightenment. Central Asia's golden age. From Arab conquest to Tamerlane*. Princeton University Press, 2013. P. 5.
- Tolipov F.* “Multilateralism, bilateralism and unilateralism in fighting terrorism in the SCO area,” *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2006, 4 (2): 154.

REFERENCES

Beruni A. *Pamyatniki minuvshih pokolenij (Hronologiya)*. T.: Izdatel'stvo «Fan». 2014.

Рахимов М.А. Историческая взаимосвязанность и современные тенденции региональных отношений в Центральной Азии

Evrazijskaya ideya N. Nazarbaeva i tyurkskoe prostranstvo / Pod obshch. red. Ibraeva SH. I. – Astana: Saryarka, 2011. S. 404.

Konrad N.I. Zapad i Vostok. M.: Nauka, 1972. S. 17.

Rahimov M. Sovremennye mnogostoronnie otnosheniya v Central'noj Azii. Tashkent, Fan. 2020. 224 s.

Rahmatullina G. Dinamika razvitiya integracionnyh processov v gosudarstvah SNG i perspektivy formirovaniya edinogo ekonomicheskogo prostranstva. – Almaty, 2004. S. 92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рахимов Мирзохид Акрамович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан.

Mirzohid A. Rakhimov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department. department of the Coordination and Methodological Center of the Modern History of Uzbekistan at the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan.

ПРОБА ПЕРА

Научная статья / Research article

Энергетический фактор в китайско-туркменских отношениях

К. Джумадурдыев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

1032174252@rudn.ru

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена стремительно изменившейся в течение последних двух лет политической конъюнктурой в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что, в свою очередь, оказало прямое влияние и на экономический компонент международных отношений. До середины 2018 года Австралия являлась крупнейшим поставщиком сжиженного газа в КНР. Однако после политического решения Австралии, продиктованного геополитической солидарностью с США, о запрете экспорта в страну высокотехнологичной продукции китайских компаний Huawei и ZTE, Китай ищет альтернативы в Средней Азии. Поскольку до 2018 г. именно Китай являлся основным покупателем всех австралийских энергоресурсов, у Пекина был рычаг давления, которым он воспользовался, когда поставщик повел себя недружественно. Таким образом, КНР заинтересована в расширении сотрудничества со странами Средней Азии, рассчитывая интенсифицировать поставки 5G оборудования Huawei и ZTE в страны региона, параллельно частично компенсировав утрату одного из ключевых партнеров по энергетическому сотрудничеству. При этом альтернатив у Китая не много. Несмотря на то, что рынок СПГ большой, и он растет, в мире растут и потребности в данном виде топлива. Китай имеет возможность выбирать те излишки, которые теоретически присутствуют на рынке. Но эти действия приведут к резкому росту цен, что устроит поставщиков, но не устроит Китай как долгосрочного покупателя. Поэтому наиболее оптимальным с экономической точки зрения решением может стать увеличение поставок из Средней Азии. Данная задача может быть решена не только путем расширения транзита от уже имеющихся экспортеров (в основном, России), но посредством реализации экспортного потенциала новых партнеров, среди которых Туркменистан занимает особую нишу. В ходе исследования автор использовал методы экономического анализа, метод статистики, метод структурного анализа и метод исторической компаративистики.

Ключевые слова: Туркменистан, КНР, СПГ, газ, экспорт, сотрудничество, технологии.

Для цитирования: Джумадурдыев К. Энергетический фактор в китайско-туркменских отношениях. Постсоветские исследования. 2021;4(4):343–350.

Energy factor in China-Turkmenistan relations

Kuvvat Dzhumadurdyev

RUDN University, Moscow, Russia

1032174252@rudn.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the rapidly changing political environment in the Asia-Pacific region over the past two years, which, in turn, has had a direct impact on the economic component of international relations. Until mid-2018, Australia was the largest supplier of liquefied natural gas to China. However, after the political decision of Australia, dictated by geopolitical solidarity with the United States, to ban the export of high-tech products of Chinese companies Huawei and ZTE to the country, China is looking for alternatives in Central Asia. Since China was the main buyer of all Australian energy resources until 2018, Beijing had leverage used as the supplier behaved unfriendly. Thus, the PRC is interested in expanding cooperation with the Central Asia countries, hoping to intensify the supply of 5G equipment from Huawei and ZTE to the region, while partially compensating for the loss of one of the key partners in energy cooperation. At the same time, China does not have many alternatives. Even though the LNG market is large and grow-

ing, the world's demand for this type of fuel is also growing. China could choose those surpluses that are theoretically present on the market. But these actions will lead to a sharp increase in prices, which will suit suppliers, but will not eliminate China as a long-term buyer. Therefore, the most optimal solution from an economic point of view may be to increase supplies from Central Asia. This task can be solved not only by expanding transit from existing exporters (mainly Russia), but also by realizing the export potential of new partners, among which Turkmenistan occupies a special niche. In the research the author used the methods of economic analysis, the method of statistics, the method of structural analysis and the method of historical comparative studies.

Keywords: Turkmenistan, China, LNG, gas, export, cooperation, technologies.

For citation: Dzhumadurdyev K. Energy factor in China-Turkmenistan relations. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(4):343–350. (In Russ.)

В настоящее время КНР в Центрально-азиатском векторе внешней политики заинтересована в поиске источников энергоресурсов. Это связано с растущими темпами экономического роста Китая.

Туркменистан, обладающий 17,4% мировых запасов природного газа, является наиболее подходящим партнером для Китая¹. Актуальность данного направления заключается в том, что энергетические ресурсы являются одним из важнейших факторов международных отношений. Они также играют стратегическую роль в реализации государственной политики любой страны. Поэтому интерес к проблемам энергетической безопасности растет во всем мире.

Изучение энергетической политики в двусторонних отношениях Китая и Туркменистана важно не только для определения энергетической безопасности Китая, но и служит основой для прогнозирования глобальной роли Китая в XXI в.

В последние годы Китай играет важную роль в обеспечении глобальной энергетической безопасности. С одной стороны, растущий спрос Китая на энергоносители обострил международную энергетическую конкуренцию. С другой стороны, растущая роль Китая в мировой энергетике способствует развитию Международного энергетического сотрудничества. Энергетическая безопасность Китая тесно связана с возможностью обеспечения глобальной энергетической безопасности

¹ BP Statistical Review of World Energy June 2014. // BP - Energy economics URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_de/PDFs/brochures/BP-statistical-review-of-world-energy-2014-full-report.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

Сегодня Китай проявляет большой интерес к нефти и газу Казахстана и Туркменистана, а также к атомной энергетике первых². Китай уделяет достаточно внимания топливно-энергетическим комплексам остального региона, чтобы продвигать свои экономические и политические интересы в каждом из государств и регионе в целом³.

Туркменистан по праву является одной из крупнейших энергетических сверхдержав. Запасы природного газа здесь составляют более 20 трлн куб м, нефти - около 20 млрд т⁴. В 2017 г. Туркменистан подтвердил свой статус на мировой арене значительным по своим масштабам событием - председательством на Конференции Энергетической хартии⁵. Этот почетный статус был единогласно присвоен Туркменистану в ноябре 2018 г. как одному из самых богатых углеродом государств мира.

² В Астане состоялась встреча председателя КНР Си Цзиньпина с президентом Туркменистана Г.Бердымухамедовым // Embassy of the People's Republic of China in Turkmenistan URL: <http://tm.chineseembassy.org/rus/ztx/t1469243.htm> (дата обращения: 15.11.2020).

³ Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Туркменистане господин У Хунбинь дал интервью газете «Нейтральный Туркменистан» // Embassy of the People's Republic of China in Turkmenistan URL: <http://tm.chineseembassy.org/rus/ztx/t579358.htm> (дата обращения: 15.11.2020).

⁴ Turkmenistan - Oil and Natural Gas Refining // Turkmenistan Country Commercial Guide URL: <https://www.export.gov/article?id=Turkmenistan-Oil-and-Natural-Gas-Refining> (дата обращения: 15.11.2020).

⁵ 28th Meeting of the Energy Charter Conference // International Energy Charter URL: <http://www.energycharter.org/who-we-are/energy-charter-conference/meetings/28th-meeting-of-the-energy-charter-conference/> (дата обращения: 15.11.2020).

Запасы углеводородных ресурсов Туркменистана значительно превышают внутренний спрос. Именно поэтому развитие экспорта ресурсов и выход на международные рынки лежат в основе экономической стратегии страны. Природный газ занимает первое место по экспортному потенциалу Туркменистана. Восток — это маршрут бывшего Шелкового пути, который обеспечивает растущий спрос со стороны китайской промышленности. Уже сегодня пропускная способность трубопровода через Узбекистан и Казахстан в Китай составляет 55 млрд куб м в год¹. Открытие четвертой линии позволит увеличить пропускную способность до 85 млрд куб м в год.

Экономические отношения Туркменистана и Китая характеризуются абсолютным доминированием сотрудничества в сфере добычи и реализации энергоресурсов. До появления этого направления экономическое взаимодействие между двумя странами было незначительным. В 1990-е гг. - Первая половина первого десятилетия XXI в. Китайско-туркменская торговля составляла не более 2% от общего объема торговли Китая со странами Центрально-Азиатского региона (всего в пределах 110 млн долл.) [Парамонов, Строков, Столоповский 2009: 56].

Переход китайско-туркменского экономического сотрудничества на принципиально новый уровень наметился в ходе визита президента Ниязова в Пекин в апреле 2006 г. Тогда же был подписан ряд договоров, в том числе Генеральное соглашение о сотрудничестве Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) с Министерством нефтегазовой промышленности Туркменистана. В соответствии с этим соглашением стороны договорились о строительстве газопровода Туркменистан-Китай, закупках Китаем туркменского газа в объеме до 30 млрд куб м в год в течение 30 лет и совместной разработке месторождений на правом берегу Амударьи [Сыроежкин 2010: 37].

Строительство Трансазиатского газопровода (Центральная Азия-Китай) по

маршруту Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай началось в августе 2007 г. на основе двусторонних соглашений между Китаем и этими государствами. Оно проводилась за счет средств, выделенных в виде кредитов Государственного Банка Развития Китая и прямых инвестиций CNPC².

24 июня 2009 г. Ашхабад посетила делегация высокопоставленных чиновников из Китая во главе с вице-премьером Ли Кэцяном. По итогам встречи с Г. Бердымухамедовым стороны подписали пакет документов о сотрудничестве в топливно-энергетической сфере, в том числе в сфере купли-продажи природного газа. Согласно заключенным соглашениям, Туркменистан обязался поставлять газ в Китай в 2009 г. до 30 млрд куб м в год после ввода в эксплуатацию первой очереди Трансазиатского газопровода. Также было подписано соглашение о выдаче Туркменистану банком развития Китая кредита в размере 4 млрд долл. о разработке газовых месторождений Южно-Иолотанской группы (Галкыныш)³. В ходе своего визита в Китай в ноябре 2011 г. Г. Бердымухамедов подписал соглашение, согласно которому объем поставок туркменского газа в Китай будет дополнительно увеличен на 25 млрд кубометров в год - до 65 млрд. По мнению туркменских властей, такой уровень поставок газа в Китай выйдет к 2021 г. В сентябре 2013 г. в ходе визита Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Туркменистан между концерном «Туркменгаз» и Государственным банком развития Китая были подписаны соглашения о сотрудничестве на новом этапе развития Галкыныша. Среди них было соглашение о строительстве CNPC нового газоперерабатывающего комплекса мощностью 30 млрд куб м в год (то есть в объеме до 60 млрд куб м в год), а также о китайско-туркменском сотрудничестве в финансировании второго этапа [23]. На протяжении

² Сотрудничество по газу с Центральной Азией // Официальный сайт компании CNPC URL: http://www.cnpc.com.cn/ru/zytrqgdzt/zytrqgdzt_2.shtml (дата обращения: 15.11.2020).

³ Туркменистан обеспечит поставку до 40 млрд. куб. м. природного газа в Китай // Embassy of the People's Republic of China in Turkmenistan URL: <https://en.trend.az/casia/turkmenistan/2522158.html> (дата обращения: 15.11.2020).

¹ China obtains 200 billion cubic meters of gas piped from Central Asia // Energy Market Price URL: <http://www.energymarketprice.com/energy-news/china-obtains-200-billion-cubic-meters-of-gaspiped-from-central-asia> (дата обращения: 15.11.2020).

последних пяти лет Китай является крупнейшим торговым партнером Туркменистана. По данным на 2016 г., в Туркменистане работает около 40 предприятий с участием китайского капитала, зарегистрировано около 70 инвестиционных проектов на общую сумму более 4 млрд долл. и 2,3 млрд юаней.

Компании из Китая представлены в нефтегазовой и телекоммуникационной сферах, транспорте, сельском хозяйстве, текстильной, химической и пищевой промышленности, здравоохранении и строительстве. Компании Китая реализовали ряд крупных проектов в газовой сфере. В частности, CNPC, крупнейшая китайская нефтегазовая компания, имеет ряд крупных проектов с государственным концерном «Туркменгаз».

С 2008 г., согласно проекту по разведке и разработке газа на правом берегу реки Амудары, в багтыярлыкском контрактном районе с 2007 и 2014 гг. действуют два крупнейших газопровода Центральноазиатско-китайский (Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай). После ввода в эксплуатацию второго газоперерабатывающего завода общая производственная мощность двух заводов достигла 150 млрд рублей в год¹.

В мае 2014 г. начался ввод в эксплуатацию третьей нитки с диаметром 1219 мм и мощностью 25 млрд куб м в год. Таким образом, три линии способны поставлять в Китай до 55 млрд куб м газа в год².

В 2015 г. в отношении предгорной зоны к востоку от правого берега реки Амудары была разработана приоритетная предварительная рекогносцировка. В результате опытно-разведочной скважины в двух пластах в пласте получен приток газа объемом более 1 млн куб м, в Гокмиарской свите успешно завершены разведочные скважины в верхнеюрских известняках и средне – и Нижнеюрских песчаниках; в пласте оценочная скважина впоследствии подтвердила

размер запасов газового пласта, сформировав две газовые зоны с запасом 100 млрд куб м Ходжагурлук-Гекмияр на юге и севере.

14 сентября того же года в рамках проекта «река Амударья» в Туркменистане были запущены газовые месторождения бота-Тангыгыйы-Узынгуй. Их суммарная мощность составляет 1 млрд куб м в год. Кроме того, были запущены ключевые проекты, такие как реконструкция и расширение производственной мощности 8 млрд куб м/год на базе реки Амудары, проекты газосборной и транспортной системы на месторождениях³.

В 2014 году корпорация в качестве генерального подрядчика ввела в эксплуатацию проект «под ключ» по строительству производственной мощности 10 млрд куб м товарного газа в год на месторождении Галкынш в Туркменистане. Помимо добычи газа, корпорация оказывает инженерно-технические услуги на нефтяных месторождениях, в том числе бурение скважин, каротаж скважин, строительство наземных сооружений для нефтяных и газовых месторождений и др.

SINOPEC также работает в той же области. Она занимается ремонтом и обслуживанием скважин на газовых и нефтяных месторождениях Шатлык, Довлетабад, Готурдепе и др. Попутно китайские специалисты собирают информацию о геологических условиях и углеводородных ресурсах Туркменистана⁴.

В 2012 г. были успешно реализованы проекты по созданию коллекторно-транспортной системы на Метежанском газовом месторождении и строительству газоперерабатывающего завода «Галкынш» и его компонентного комплекса. В сентябре 2013 г. корпорация совместно с концерном «Туркменгаз» подписала генеральное контрактное соглашение на строительство объекта «под ключ» по строительству промыш-

¹ Financial Statements Annual Report // CNPC URL: <http://www.cnpc.com.cn/en/2014enbv/201504/1a93feff260b477f999ab802945d38e2/files/4218dd05ada64779bbb375fcea4a3534.pdf> (дата обращения: 15.11.2020).

² Проект разведки и разработки природного газа // Официальный сайт компании CNPC URL: http://www.cnpc.com.cn/ru/tkmst/tkmst_index.shtml (дата обращения: 15.11.2020).

³ Проект строительства завода по обработке природного газа на правом берегу Амудары // Официальный сайт компании CNPC URL: http://www.cnpc.com.cn/ru/tkmst/tkmst_index.shtml (дата обращения: 15.11.2020).

⁴ Financial Statements // Annual Report of SINOPEC URL: <http://www.sinopecgroup.com/group/en/Resource/pdf/GroupAnnualReport2011en.pdf> (дата обращения: 15.11.2020).

ленной газодобывающей мощности 30 млрд куб м в год.

В 2014 г. корпорация в качестве генерального подрядчика ввела в эксплуатацию проект «под ключ» по строительству производственной мощности 10 млрд куб м товарного газа в год на Галкыншском газовом месторождении в Туркменистане.

Подводя итог, можно сказать, что в настоящее время Туркменистан и Китай имеют прочные экономические отношения, основанные в основном на закупке туркменского газа, китайских инвестициях в развитие газодобывающей и газотранспортной инфраструктуры. Обе стороны заинтересованы в развитии двусторонних отношений и извлечении из них максимальной выгоды. К 2011 г. в Туркменистане было зарегистрировано и функционировало 37 предприятий с участием китайского капитала, ими было реализовано 57 инвестиционных проектов на сумму свыше 4,1 млрд долл. и 2,328 трлн юаней¹.

Учитывая сотрудничество Туркменистана и Китая в области энергоресурсов, за последние три года двусторонний товарооборот ежегодно удваивался. По итогам 2017 г., когда поставки газа в Китай приобрели масштабный характер, сотрудничество двух стран в топливно-энергетическом комплексе в полной мере отразилось на двусторонней торговле и заняло в ней доминирующее положение. Однако в последнее время появились очевидные проблемы в отношении КНР и Туркменистана.

Во-первых, Туркменистан сейчас переживает самый тяжелый экономический кризис за последние 25 лет. Это объясняется в основном зависимостью от выручки от продажи газа, цены на который резко упали за последние три года. По официальным данным, экономический рост в стране в 2018 году составил 6,7% (в 2017 году-10,3%), а национальная валюта манат была девальвирована на 19% (свободная продажа иностранной валюты гражданам страны была свернута). На фоне инфляции около 8% годовых произошел значительный рост цен и стали проявляться перебои в обеспечении

продовольственной безопасности. Рост ВВП Туркменистана в 2018 г. составил 6,7% [Ипполитов 2018: 11].

Во-вторых, огромное влияние на экономику Туркменистана оказывает отказ России в начале 2016 г. от импорта туркменского газа и приостановка поставок газа из Туркменистана в Иран в начале этого года из-за разногласий по условиям контракта. Важность сотрудничества с российской компанией для Туркменистана была очень существенной, ведь даже при объеме закупок в 4 млрд куб м в год (в 2018 г.) по цене 240 долл. на тысячу куб м. доход туркменской стороны составил около 960 млн долл.² До 2010-х гг. основным покупателем туркменского газа был не Китай, а Россия, которая связана с Республикой построенным в советское время газопроводом Центральная Азия-Центр.

В-третьих, растущая кредитная зависимость Туркменистана от КНР. По оценкам независимых исследователей, внешний долг Туркменистана перед Китаем колеблется в пределах 12 млрд долл.³ Из этих средств основная часть принадлежит топливно-энергетическому сектору (8,1 млрд долл. — это только кредиты на развитие Галкынша).

Для сравнения, по имеющимся оценкам, общий объем инвестиций КНР в Казахстан, Туркменистан и Узбекистан к 2018 г. достиг 30 млрд долл. Специфика торговых отношений между Туркменистаном и Китаем заключается в доминировании поставок энергоносителей в Китай и небольшом объеме импорта из Китая. Последнее обстоятельство связано, в том числе, с особенностями положения Туркменистана в транспортно-торговых отношениях: значительный объем китайского импорта в Казахстан и Кыргызстан связан с их значительным транзитным потенциалом и выходом на крупные рынки сбыта.

¹ Состоялся первый туркмено-китайский бизнес-форум // Гундогар URL: <http://www.gundogar.org/> (дата обращения: 15.11.2020).

² «Газпром» порвал с Туркменией. Компания разорвала газовый контракт // Коммерсант URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2894582> (дата обращения: 15.11.2020).

³ Tajikistan, Turkmenistan Submit to Chinese Capture // News block Eurasianet URL: <http://www.eurasianet.org/node/79401> (дата обращения: 15.11.2020).

В июне 2017 г. президент Туркменистана Г. Бердымухамедов в ходе своего рабочего визита в Казахстан встретился с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. В ходе встречи лидеры обсудили перспективы сотрудничества между КНР и Туркменистаном¹. Лидеры двух государств отметили поступательную динамику развития туркменско-китайского диалога. Главы Туркменистана и Китая обменялись мнениями по ключевым направлениям стратегического сотрудничества, подтвердив готовность к наращиванию экономического партнерства с учетом его колоссального потенциала, национальных интересов и общего видения будущего Азиатского региона.

Туркменистан рассматривает Китай в качестве своего основного газового рынка и готовится наращивать экспорт в этом направлении. В 2021 г. Туркменистан планирует увеличить добычу газа на 9%, до 83,8 млрд м³, на экспорт будет поставлено около 48 млрд кубометров газа.

Согласно соглашению, подписанному между «Туркменгазом» и CNPC в июне 2012 г., к концу 2021 г. Туркменистан должен будет поставлять в Китай ежегодно 65 млрд куб м газа². Говоря об актуальных аспектах региональной и международной политики, представляющих взаимный интерес, президент Туркменистана и председатель Китайской Народной Республики выразили взаимную поддержку выдвинутым обеими странами важным международным инициативам, направленным на создание прочной основы для мирного урегулирования конфликтов в XXI в., укрепление дружбы и взаимопонимания между народами и государствами. На сегодняшний день существуют три линии газопровода Туркменистан-

Узбекистан-Казахстан-Китай, которые позволяют Туркменистану ежегодно экспортировать в Китай до 40 млрд куб м природного газа. В дальнейшем страны планируют продолжать сотрудничество по самому широкому спектру направлений, включая торгово-экономический сектор, транспорт, связь, текстильную и химическую промышленность, строительство. Основной составляющей сотрудничества в энергетической сфере является партнерство в газовой сфере. Приоритетной задачей остается успешная реализация грандиозного проекта XXI в. - строительство газопровода Туркменистан-Китай, который в настоящее время обеспечивает долгосрочные поставки туркменского газа в Китай.

Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай сегодня является главным партнером Туркменистана в энергетической сфере, высоко оценив достигнутый уровень долгосрочного сотрудничества в газовой отрасли. Он также отметил солидный потенциал взаимодействия в транспортной сфере, назвав перспективный маршрут Туркменистан-Казахстан-Китай очень перспективным. Обсуждая эту тему, стороны отметили накопленный опыт совместной работы в сфере железнодорожного транспорта. Вместе с тем была подчеркнута необходимость укрепления взаимодействия в области транспортной логистики в целях повышения эффективности транзитных коридоров, соединяющих Китай с Европой, Ближним Востоком и Средиземноморьем через территорию Туркменистана. Состоялся обмен мнениями о перспективах расширения межгосударственного партнерства.

Таким образом, в двусторонних отношениях Туркменистана и КНР существуют нерешенные противоречия, противоречия и проблемы, такие как экономический кризис в Туркменистане, его экономическая зависимость от Китая, но обе стороны заинтересованы в продолжении сотрудничества как в энергетической, так и в торгово-экономической сфере, транспортной и культурно-гуманитарной.

В настоящее время между Туркменистаном и Китаем сложились прочные экономические отношения, основанные в основном на закупке туркменского газа, китайских

¹ Товарооборот Туркменистана с Китаем в денежном эквиваленте значительно сократился // Хроника Туркменистана URL: <https://www.hronikatm.com/2017/01/tovarooborot-turkmenistana-skitaem-v-denezhnom-ekvivalente/> (дата обращения: 15.11.2020).

² Китай получил 138,6 млрд м³ газа из Туркменистана по сети газопроводов Центральная Азия-Китай // Форум Нефтегаз URL: <https://neftegaz.ru/news/view/149466-Kitay-poluchil-1386-mlrd-m3-gaza-iz-Turkmenistana-po-seti-gazoprovodov-Tsentralnaya-Aziya-Kitay> (дата обращения: 15.11.2020).

инвестициях в развитие газодобывающей и газотранспортной инфраструктуры.

Обе стороны заинтересованы в развитии двусторонних отношений и извлечении из них максимальной выгоды. Китай является крупнейшим внешнеэкономическим партнером Туркменистана, а китайская организация CNPC является крупнейшим экспортером газа и, одновременно, крупнейшим инвестором в области инженерно-технических услуг на нефтяных месторождениях: бурение скважин, каротаж скважин, строительство наземных объектов для нефтяных и газовых месторождений, в этой же области SINOPEC ведет работы по ремонту и обслуживанию скважин на газовых и нефтяных месторождениях договорная база в основном включает соглашения между CNPC со стороны КНР и Туркменгазом как представителем Туркменистана.

Однако в двусторонних отношениях есть некоторые противоречия. Во-первых, Туркменистан переживает сильнейший за последние 25 лет экономический кризис, который существенно влияет как на развитие экономики страны, так и на ценовую политику. Это играет значительную роль, так как в регионе существует жесткая конкуренция в сфере торговли энергоресурсами. Во-вторых, политика России в регионе. Из-за разрыва торговых отношений с Российской Федерацией Туркменистан теряет потенциальный рынок сбыта. Кроме того, покупая газ и нефть у Казахстана и Узбекистана по низкой цене, Россия делает Туркменистан неконкурентоспособным, вынуждая устанавливать низкие цены. И, наконец, рост экономической и финансово-кредитной зависимости Туркменистана от КНР. Имея огромный внешний долг перед Китаем, Туркменистан не может отказаться от китайских инвестиций, так как они являются его основными международными партнерами, но не хочет увеличивать зависимость. И все же, несмотря на существующие проблемы, обе стороны готовы развивать и углуб-

лять сотрудничество не только в энергетической сфере, но и во многих других. В энергетическом секторе приоритетом является торговля нефтью и газом, а также развитие альтернативных источников энергии.

Таким образом, КНР и Туркменистан являются важными партнерами в области энергетики. На основании соглашения о разделе продукции, подписанного Китайской национальной нефтяной корпорацией (CNPC) и властями Туркменистана в 2007 г., Туркменистан ежегодно экспортирует 30 млрд куб м природного газа в Китай в течение 30 лет по 3 трубопроводным линиям: Линия А (введена в эксплуатацию в 2009 г.), Линия В (введена в эксплуатацию в 2010 г.), Линия С (введена в эксплуатацию в 2014 г.).

Эти трубопроводы проходят от границы между Туркменистаном и Узбекистаном, проходят через Узбекистан и Казахстан и соединяются с китайским газопроводом с запада на восток в Хоргосе, Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Для Китая эти газопроводы способствуют удовлетворению спроса на его растущем рынке и поддерживают стратегию «газ в обмен на уголь», принятую Китаем для уменьшения загрязнения воздуха в стране. Например, к июню 2019 г. в рамках этого проекта в Китай было доставлено в общей сложности 277,4 млрд куб м природного газа, чем воспользовались более 500 млн человек в 27 провинциях и регионах Китая. Кроме того, по состоянию на декабрь 2017 года, по данным CNPC, ежедневный импорт 39 млн куб м туркменского газа покрывает одну треть зимнего потребления газа в Китае, а также сокращает потребление угля на 63000 тонн в день, что может снизить уровень загрязнения.

Для Туркменистана экспорт природного газа в Китай помогает диверсифицировать экспорт энергоносителей на Восток. Таким образом, данный проект можно рассматривать как беспроигрышный вариант для всех участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Парамонов В., Строков А., Столоповский О. Экономическое присутствие Китая в Туркменистане. 2009. С. 56.
- Сыроежкин К.Л. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии. Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 1. С. 37.

Джумадурдыев К. Энергетический фактор в китайско-туркменских отношениях

Ипполитов И.В. Китайско-туркменские отношения: от взаимной выгоды к неравному партнерству? Проблемы национальной стратегии. 2018, №3(42). С. 11.

REFERENCES

Paramonov V., Stokov A., Stolopovskij O. Ekonomicheskoe prisutstvie Kitaya v Turkmenistane. 2009. S. 56.

Syroezhkin K.L. Prisutstvie Kitaya v energeticheskom sektore Central'noj Azii. Central'naya Aziya i Kavkaz. 2010. № 1. С. 37.

Ippolitov I.V. Kitajsko-turkmenske otnosheniya: ot vzaimnoj vygody k neravnomu partnerstvu? Problemy nacional'noj strategii. 2018, №3(42). С. 11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Джумадурдыев Кувват, магистр в области международных отношений РУДН.

Kuvvat Dzhumadurdyev, Master of International Relations of the RUDN University.